

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский государственный университет)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Джумайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Ростов-на-Дону, Южный Федеральный университет)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)
Поссамаи Д., д-р, проф. (Италия, Падуанский университет)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, Тюменский государственный университет)
Фэр-Дюпэр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

Новокрещенных И. А. (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Русинова И. И. (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Арустамова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бурдина С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Дускаева Л. Р., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кондаков Б. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кушнина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Мишланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Мишланова С. Л., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Сидорова О. Г., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Шляхова С. С. д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта В. А. Бячкова.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 28.12.2018 – 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.03 – Славянские языки (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки), 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика (филологические науки); с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки).

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Olga Dzhumaylo (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Donatella Possamai (Italy, University of Padua)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Perm Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – Editor-in-Chief (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – Associate Editor (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – Associate Editor (Saint Petersburg State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Svetlana Mishlanova</i> (Perm State University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Olga Sidorova</i> (Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	<i>Svetlana Shlyakhova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	
<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>

Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site V. A. Byachkova

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Кигель Т. Сопоставительный анализ идиом с лексемой «черный» на английском, русском языках и иврите	5
Коптелова С. А., Руцкая Е. А. Лингвистические аспекты локализации видеоигр	16
Мишина Л. Ф. Концепт “insularity” как часть понятийной картины мира британцев и его языковая репрезентация в британском варианте английского языка (на материале языка СМИ)	26
Се Жои. Об особенностях построения устного монолога-описания на родном и неродном языке: начало текста (на материале описаний комикса Х. Бидструпа «Эликсир для волос»)	34
Чернявская В. Е. Язык оценок в научном дискурсе: терминологическое поле и методологические подходы	44
Шутёмова Н. В. Виды экспертной оценки в англоязычном искусствоведческом дискурсе о творчестве И. Наховой	56
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	69
Бао Тинтин. Чеховский контекст в «Сентиментальных повестях» М. Зоценко	69
Дубаков Л. В. Дзэн-буддийские мотивы в романе А. А. Макушинского «Остановленный мир»	78
Завьялова Е. Е. Анималистическая образность в повести А. В. Королёва «Страж западни»	87
Зелезинская Н. С. Архетип безответственного родителя в англоязычном подростково-молодежном романе XXI века	95
Маркова Т. Н. Фэнтези в русскоязычном сегменте Республики Казахстан	106
Мельник В. И. Поэтика эпического образа у И. А. Гончарова	113
Полуэктова Т. А. “An Imaginative Woman” Томаса Гарди как фотозкфрастический рассказ	125
ЖУРНАЛИСТИКА	136
Агнестикова О. И. Особенности формирования медиаповесток неинституциональными акторами журналистского поля	136

CONTENTS

<i>LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY</i>	5
Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew “Black” Idioms	5
Koptelova S. A., Ruts kaya E. A. Linguistic Aspects of Video Game Localization	16
Mishina L. F. The Concept of ‘Insularity’ as Part of British Worldview and Its Linguistic Representation in British English	26
Xie Ruoyi. Construction of an Oral Monologic Description in the Native and Non-Native Language: the Beginning of the Text (based on the descriptions of the comic strip by Herluf Bidstrup ‘Elixir for Hair’)	34
Chernyavskaya V. E. Evaluative Language in Scientific Discourse: Terminological Framework and Methodological Perspectives	44
Shutemova N. V. Kinds of Expert Evaluation in Anglophone Art Discourse on Works by Irina Nakhova	56
<i>LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT</i>	69
Bao Tingting. Chekhov’s Context in Mikhail Zoshchenko’s ‘Sentimental Tales’	69
Dubakov L. V. Zen Buddhist Motifs in A. Makushinsky’s Novel ‘The Stopped World’	78
Zavyalova E. E. Animalistic Imagery in the Short Novel ‘The Guardian of the Trap’ by A. V. Korolev	87
Zelezinskaya N. S. The Archetype of the Irresponsible Parent in the Young Adult Novel of the 21st Century	95
Markova T. N. Fantasy in the Russian-Language Segment of Literature of Kazakhstan	106
Melnik V. I. Poetics of the Epic Image in Works by Ivan Goncharov	113
Poluektova T. A. ‘An Imaginative Woman’ by Thomas Hardy as a Photoekphrastic Short Story	125
<i>JOURNALISM</i>	136
Agnistikova O. I. Media Agendas Built by Non-Institutional Actors of the Journalistic Field: Specific Features	136

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

UDC [811.161.1+ 811.111+ 811.411.15]³37
doi 10.17072/2073-6681-2022-3-5-15

Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew “Black” Idioms

Tali Kigel

Independent researcher

Behazlaha Center

10, Uziel st., Petah Tikva, 4938128, Israel. kigelt@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4136-4711>

Submitted 31 Jan 2022

Revised 05 May 2022

Accepted 06 Jun 2022

For citation

Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew “Black” Idioms. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 3, pp. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-5-15

Abstract. The work aims to collect and analyze English, Russian, and Hebrew idioms with the lexeme black/черный/שחור (hereinafter – BLIS). It is the first study implementing the collection of Hebrew idioms and the comparison of these three languages as the subject of scientific research. The article proposes a systematization of BLIS based on microsystems consisting of meaning associative chains with logically and semantically related meanings. The material under study comprises about 440 idioms (including about 180 English, 160 Russian, and 100 Hebrew idioms) collected from trilingual electronic lexical, phraseological sources, and Internet searches. The study used qualitative and quantitative contextual-functional, semantic, and cultural-linguistic analyses within the lingua culturological approach. After compiling lists of idioms, identifying their meanings, and comparing them, the author created a table with groups of equivalent and unique BLIS. The microsystem of equivalent BLIS consists of three groups of associative chains: 1. The optical color of the object. 1.1. Nature. Natural phenomena, physical objects – Resources; Flora – Fauna; Body – Skin color. 1.2. Human activity. Etalon color – Black and white image; Clothing: Official – Mourning – Military; Food, beverages; Medicine – Drugs; Board games – Competition – Sports; Hybrid war: Disinformation – Secret operations; Economy – Profit – Employment; Vote; Computers, devices; Typography; Art: Literature – Music – Morbid Humor. 1.3. Intellectual, mental, and moral problems. Clarity – intellectual activity; Unpredictable event – Exception; Prohibition versus permission; Unsuccessful, Difficult – Depression, Pessimism; Ruinous – Illegal; Magic. The proposed classification covers physical, mental characteristics, and a large number of human activity areas, and allows the inclusion of new BLIS in the future. These results can be effectively used in L2 teaching, in human and especially in automatic translation. The described equivalent metaphors prove the common features in the linguocultural picture of the world, and unique BLIS complement this picture, which is important for intercultural communication and automatic translation of idioms.

Key words: color linguistics; contrastive linguistics; color term; idioms; black; English; Russian; Hebrew.

Introduction

The problem studied in the article is relevant and important for the Russian and foreign scientific community since colorful Hebrew idioms have not yet been described against the background of numerous similar studies in other languages. Thus, the English BLIS was thoroughly analyzed in the review article [Chielens 2006; Hamilton 2016; Knodel 2019] and comparative works on BLIS in different languages: Serbian, Slovenian, Croatian, and Russian [Gadžanyi 2007, Talapina 2008, Zaviyalova, 2011], German [Groß 2014], Spanish [Plaza 2015]; Chinese [He 2011]; Mari [Yakovleva et al., 2015]; Kurdish [Kareem 2019]; Kyrgyz [Samatov 2017]; English, Russian and Hebrew color idioms [Kigel, 2021a, 2021b, 2022a, 2022b, 2022c, 2022d, 2022e, 2022f, 2022g].

The novelty of the concept is due to the main research issues raised in the article; the originality of the approach lies in the study of previously undescribed phraseological idioms with the word שחור when comparing them with phraseological idioms, which include the words black, blackчерный and also in a new classification of semantic field *Black Idioms*.

Some classification of semantic field *Black Idiom* already suggested in the studies about English idioms [Chielens 2006: 28; Hamilton 2016: 117; Zaviyalova 2011: 239–249] and Russian too [Talapina 2008: 16–17; Zaviyalova 2011: 289–293] but our classification distinguished by the big volume because of combining of physical and mental characteristics, a large number human activity of areas, possibility for including of new information.

The presented results have theoretical and practical significance due to the systematization of phraseological units according to the created groups (*Nature, Artificial objects and phenomena*, etc.), as well as the comparison of these phraseological units in three languages. These results can be used in research in one way or another related to the Sapir–Whorf hypothesis of linguistic relativity, which states that the structure of a person’s language affects how he perceives the world.

Black and white are the most important colors on the achromatic scale, where black is the darkest color and white is the lightest color with shades of gray in between [Achromatic 2015].

Knodel [Knodel 2019: 289] argued that “the semantic structure of phraseological units can be represented as a microsystem consisting of all elements that are in close connection and interact with each other”. The elements of a microsystem are chains of associations, or relationships between individual representations with one or more intermediate associations, based on a formal or logical-semantic feature [Nelyubin 2003]. The term microsystem is used by

many linguists [Bolotina and Shabasheva 2011: 7; Samatov 2017: 28–39]. The results of the study in the form of organizing a large amount of linguistic material into groups of associative chains or microsystems can be used in a wide range of applied and theoretical linguistic areas, such as second language studies (SLA), lexicography, lexicology, cross-cultural studies, communications and comparative studies. They are important for translation theory and translation studies, both human and automatic translation, in which the translation of phraseological units is carried out with the help of literal translation and will help L2 students.

Materials, Method, and Procedure

Comparative analysis is based on the corpus interpretation of modern English, Russian, and Hebrew BLIS in electronic lexical sources. The work uses methods of contextual, semantic, and cultural-linguistic analysis.

The study aims to describe idioms with the color lexeme black, черный, and שחור in English, Russian, and Hebrew. The main research questions to be addressed are: What is the number of equivalents and unique BLIS in each language? How could associative chains of BLIS meanings be organized (based on logical-semantic features)? Into what microsystems could the associative chains of BLIS meanings be organized? What are the similarities and differences in BLIS in the three languages?

The following procedure was used: the creation of BLIS lists with their meanings from electronic dictionaries (explaining, phraseological dictionaries, the Internet) and a token search on the Internet, the meanings recorded in different sources were compared with each other, indefinite equivalents and unique idioms (explanatory, phraseological dictionaries, the Internet). Then, various BLIS were classified into logical semantic associative chains, microsystems, and two key groups of concepts, which made it possible to conduct quantitative analysis, discussion, and summing up.

2. Results

English, Russian, and Hebrew *Black Idioms*

1. Object Optical Color

1.1. Nature

Natural phenomena, Physics Objects: a black night / черная ночь, черный как ночь, чернее ночи / לילה שחור (moonless, complete darkness without light, opposite – white night); black body/ абсолютно черное тело / גוף שחור (physics, perfectly absorbs electromagnetic radiation at all wavelengths, without reflection or transfer, ideal object); The Black Eye Galaxy / галактика Чёрный глаз / מערכת עיניים שחורות (a relatively isolated spiral galaxy with

a partially dark band of absorbing dust in front of its bright nucleus); a black hole / черная дыра / חור שחור (a region of spacetime with strong gravity that no particles, light electromagnetic radiation can escape from it); black hole flare / вспышка черной дыры / התלקחות חור שחור (black holes can give off bright flares of light).

Flora: black forest / чернолесье / יער שחור (deciduous forest); black frost/черный мороз, черный иней / כפור שחור (intense frost or cold that blacken vegetation and usually unaccompanied by hoarfrost).

Fauna: black as a raven, a raven's feather, a raven's wing, black crow / черная ворона, черный как ворон, как перо ворона, крыло ворона/ שחור כעורב (very black); black cat, a stack of black cats / черная кошка/ שחור/ חתול שחור (a sign of bad); Black Cattle, Black Angus / Чёрно-пёстрая порода коров, Черный Ангус / אנגוס שחור (black breed, require little maintenance, are good mothers, and are very feed efficient).

Human Body: black substance/ черная субстанция, черное вещество / השחור החומר (a base nucleus in the midbrain influences addiction, reinforcement, and movement behaviors; the ideal black substance absorbs and emits radiation with all frequencies); black-haired / черноволосый; black-eyed / черноглазый; a black eye / черные круги под глазами; / עיגולים שחורים (English, dark circles (bruising around the eyes because of lack of sleep, oversleeping, extreme fatigue)); black chimney sweep / черный трубочист (soiled, dirty).

Skin Color: black, black man, black race, / черныи, черная раса/ שחור (of African or Arab ancestry origin, brown to black skin vs a white person of fair skin; Russian, additionally – a person with dark hue skin; Hebrew, additionally, Ethiopian ancestry); the black population / чернокожий, чернокожее население / גזע שחור, אוכלוסייה שחורה (a racial group).

1.2. Human Activity

Etalon Color: (as) like soot, ink, pitch, coal, the devil / чёрный как сажа, смоль, уголь, черт/ שחור כחם (as); black gold / черное золото / זהב שחור (oil, petroleum); black earth/чернозем (humus-rich soil); the blackest black, Vantablack / суперчерный / שחור משחור (absorbs 99.965 percent of light).

Black & White Image: B&W picture, photography, film, image, TV, memories / черно-белые фильм, фотография, телевидение, воспоминания / סרט, צילום, טלוויזיה, זכרונות שחור לבן (B/W, B&W, continuous spectrum, a range of shades of gray vs colorful).

Clothing: Official black robe, black cloak / черная мантия / שחורי הגלימה (Judges Wear; Catholic monks/jurists); Little Black Dress/маленькое чёрное платье / שמלה שחורה קטנה (simply cut, short evening or cocktail dress, designed by Coco Chanel); black personality/ человек в черном (dignified person,

very independent, strong-willed individuals with in total self and surroundings control, high corporate executives, high-powered attorneys, entrepreneurs);

Mourning: in black / в черном / בשחור (sadness, sorrow clothing of the darkest visual hue vs white dress, the bride's wedding dress); Black ribbon / черная лента / סרט שחור.

Military: black berets / чёрные береты / כומתות שחורות (addresses of paramilitaries and armed forces around the world).

Food, beverages: black coffee, black chocolate / чёрный кофе, черный шоколад / קפה שחור/שוקולד (without milk; from cocoa solids and cocoa butter); black tea / черный чай / שחור (more oxidized than oolong, yellow, white and green teas); black beer/ черное пиво/ בירה שחורה (black beer, with a high alcohol content vs white beer with low alcohol); black bread / чёрный хлеб / לחם שחור (bread from rye flour, Europe, North America, Israel).

Medicine: Black Death, black pox / черная смерть, черный мор, черная чума, черная оспа / אבעבועו שחורותמגפה, מוות שחור, אבעבועות מגפה שחורות (different pandemics); black and blue (hematoma in the tissues that surround the eye), Russian – синяк; Hebrew-כחול, blue); black triangle / Черный треугольник / משולש שחור (new, shot termed medicines under additional monitoring; a Nazi concentration camp badge by "asocial" inmates; lesbian or feminist pride, solidarity symbol); black box warning / предупреждение о черном ящике / שחורה אזהרת / קופסה (important instructions for certain medications with dangerous or even fatal side effects); black medicine / черная медицина / רפואה שחורה (Russian, anatomical and medical knowledge, for mutilation and murder, mandatory for the special military units of the state, police and military personnel studying; Israel, preferably illegal or borderline providing medical services).

Drugs: black beauties (Illegal amphetamines in the forms of pills, capsules, powder, paste); black gungi / Черный, Черняшка / שחור (black, raw opium vs לבן, white heroin).

Board games: blackblacks/ черные фигуры, играть черными / שחורים (the black-colored pieces in chess & draughts, checkers, etc. vs white-colored pieces).

Competition: a black diamond / черный алмаз / יהלום שחור (high level of difficulty); black belt / черный пояс / חגורה שחורה (Asian martial arts, high-level skills vs white belt, a beginner belt).

Sports: eye black / чёрный глаз (in American football, baseball, softball, and lacrosse grease or strip is applied under the eyes to reduce glare, although studies have not conclusively proven its effectiveness).

Hybrid War, Disinformation: black lie / черная ложь / שקר שחור (deliberate misrepresentation of

facts, deceiving vs white lie for good purpose); black slander, to black / черная клевета, очернить / להשחיר (slander); black press, propaganda, radio transmission / черная пресса, пропаганда, радиопередача / שחורה, תעמולה שחורה, עיתונות חורה (falsehoods, partial truths, masquerades to discredit an opponent vs white propaganda, with open-source); blackwash / черная метка на белом заборе репутации (an attack to ruin good reputation.); a black spot / черное, темное пятно / שחור כתם (discrediting).

Secret Operations: a black program, a black project, black operation / чёрный проект, черный бюджет / מזיז שחור (top-secret military, defense, intelligence project that is not publicly acknowledged by government, military personnel, or contractors); Black Site/black site / אתר שחור (military, location of an unacknowledged black project).

Economy: Black Market / черный рынок / שוק שחור (trade by prohibited goods and services); black money / черные деньги, работать по-черному / כסף שחור (surreptitiously, illegally income, in cash, tax evasion vs white money, legal income); The Economic Black Hole / Экономическая черная дыра / החור השחור הכלכלי (a depression-like economic state, regardless of productivity growth); Black Friday / Черная пятница / בלאק פריידי (1929, the stock market crash; nowadays popular shopping day); black knight / черный рыцарь / אביר שחור (an undesirable takeover bid for a company vs the white knight, savior, buyer, saving the company from bid); black business, Black Economy / כלכלה שחורה (shadow economy; Russian, теневая экономика; entirely outside the tax and regulatory system);

Profit: Black Friday / Чёрная пятница / בלאק פריידי (the Friday following Thanksgiving in the United States as the start of the Christmas shopping season, a record day of consumerism in the US; Hebrew, transliteration from English).

Employment: black collars / черные воротнички – белые воротнички / שחור צוורון לבן (manual laborers vs white collars, professional employees); black collar crime / преступление черных воротничков / פשע צווארון שחור (robbing, a murder).

Voting: to blackball / положить черный шар (to vote against).

Computers, Devices: Black, or Blue Screen of Death, Doom/ Черный экран / מסך מוות שחור (a fatal system error of the Microsoft Windows operating system); a black hacker / черный хакер / האקר כובע שחור (illegal, malicious hacking work vs white hacker with good purpose); black box / чёрный ящик / קפסה שחור (in science, computing, engineering, a transistor, an engine, an algorithm; the human brain, an institution, government (a complex device with known inputs and outputs, but not the inner workings; an electronic recording device for the investigation of aviation accidents and incidents; mysterious), BlackBox testing

/ тестирование черного ящика / בדיקת קופסה שחורה (software tests refer only to the input and output of the system without reference to the internal structure of the component or system vs white-box tests, testing the internal structure of the system).

Typography black page /чёрная страница (nothing written on it vs white space, without symbols, for emphasizing the importance); blacked-out / зачернить / להשחיר (crossed out).

Art, Literature: The Black Book – Blacklist / Черная книга – Черный список / הרשימה השחורה (documents and testimonies about crimes against the Jewish people in the Nazi-occupied territory of the USSR and Poland during the Holocaust; distinct animals and plants since 1500; Endangered Species; Invasive Species graffiti slang, drawings, and photographs of graffiti).

Music: black metal / черный металл / מטאל שחור (a heavy and extreme style, musical genre).

Morbid humor: black humor / черный юмор / הומור שחור (making fun of sacred, untouchable topics), black comedy / черная комедия / קומדיה שחורה (morbid and serious topics).

1.3. Intellectual, Mental, and Moral Issues

Clarity, Intelligibility: black on white, in black and white, put down in black and white /черным по белому / שחור על גבי לבן (finally, without doubt, in writing, an obvious distinction, with no gradations, in writing, right or wrong, good-bad, with no grades, positive/negative, either-or, all-or-nothing); as clear as black and white (Russian – ясно как божий день); not (all) black and white, not everything is black and white / не все черное и белое / לא הכל שחור (not everything is as it seems; there is room for doubt); turn white as black, called black – white, pretend/say that black is white, swear black is white /называть черное белым / לקרוא לשחור לבן (to interpret something contrary to the obvious); the devil is not so/ as black as he is painted / не так страшен черт как его малюют (it's not as scary as people think and say).

Intellectual activity: black hat / чёрная шляпа / כובע שחור (critical thinking to identify obstacles, risks, dangers, problems, inconsistencies in Six Thinking Hats of Edward de Bono, a method to improve the decision-making process in groups); black and white thinking /черно-белое мышление/ השיבה בשחור-לבן (dichotomy, right-wrong, good-bad, without grades, of the utmost clarity, positive-negative, either-or, all-or-nothing).

Unpredictable, Unexpected, Rare Event: Black Swan / Чёрный лебедь / הברבור השחור (an unpredictable outlier event, with severe consequences. Nothing in the past suggests its possibility, after-the-fact explanations make the event appear explainable and vs White Swan, a predictable event).

Exception, Ostracism: black sheep of the family / черная овца в семье, в каждом стаде есть черная овца/ כבשה שחורה במשפחה (completely different person of a group, team; parallel to white crow).

Prohibition vs Permission: black flag /черный флаг / דגל שחור (prohibition vs white flag permission of bathing); a black list, blacklisting, blacklisted / черный список / רשימה שחורה (out of favor, prohibited, deny-list vs white-list, allow – list, permitted, denied – accepted, undesirable, unfriendly friendly, accessing to a privilege, service, mobility, or recognition vs black list, prohibition to service; law, computing, people or entities to be shunned, banned, punished; homonym – white flag, the international surrender or truce symbol; extinct species dating back to 1600).

Unsuccessful, Difficult: a black day, for a day to be black, about a black day / черный день, на/про чёрный день / יום שחור (unfortunate event, financial, health hard problems); to blackball / положить черны́й шар (to vote against).

Depression, Pessimism, Gloomy, Dismal: the black dog, black mood / черная (зеленая) тоска; весь черный, чернее тучи / היה בעיניים, נעשה לי שחור (hypochondria, the despair, severe and prolonged depression); black thoughts, black doubts, black suspicions / черные мысли, черные подозрения (extreme bad thoughts); a black future / רוואה שחורות, חוזה שחורות, שחור משחור, סרט שחור (execution is the most pessimistic prediction; Russian – мрачный прогноз); to paint in black colors / представлять в черном цвете (represent as evil or harmful).

Harmful, Terrible, Evil, Wicked, Sinister: a black look, get / give a black eye / сглазить (anger, hatred, utter contempt, Russian – дурной глаз, Hebrew – עין רעה, bad eye); black-hearted / чёрная душа (unkind person); black-green-yellow envy / чёрная зависть / קנאה שחורה (very envious of a person's talent, beauty, wealth); black betrayal / черная измена; black ingratitude / черная неблагодарность (Hebrew, כפוי תודה); a black mark beside name / черная метка (a sign of a threat, a warning of impending troubles, a massacre); Blackbeard's flag / черны́й флаг / דגל שחור (anarchist, pirate flag).

Illegal, Criminal, Malignant: black deed / черное дело / מעשים שחורים (crimes and misdemeanors); little black book / черная книжка / ספר שחור קטן / (secret directory, a source of illicit knowledge as a weapon); black realtor / черны́й риелтор (criminal fraud with the purchase of apartments; English – realtor of black skin); Black Widow / Чёрная вдова / האלמנה השחורה (killed, brought to death one or more husbands); черные копатели, чёрные археологи / חופרים שחורים (Illegal archaeologists); a black crime / черное преступление / פשע שחור (brutal heinous crime).

Magic, Occult, Wizard, Witchcraft: black word/ чернокнижие, чернокнижник (sorcery, a sorcerer practicing black magic); black magic, black art/ черная магия / כישוף שחור (supernatural powers for bad purposes vs white magic for good purposes); a black cat crossing your path / черная кошка перебежала дорогу/את דרכך (harbingers of a bad); черная кошка пробежала – проскочила между ними / התול שחור חוצה את דרכך (the raising mutual hostility, quarrel); black rider / черны́й всадник (one of the Four Horsemen of the Apocalypse); Black Knight Tattoo / Тату Черны́й Рыцарь/ קעקוע אביר שחור.

2. The Unique Trilingual BLIS

2.1. English

Etalon color: as black as Newgate's knocker, over Bill's mother's, thunder, ace of spades, hat, the minister's coat, friar.

African-American Community: Black Girl Magic (amazingness of black women); Black real estate agent, Black clients; Black World, Black Twitter, Black Exchange (a media site), Black studies, Black History, Black Migration, Black Family Research, Black Records, Black Psychology.

Violence: crime in B& W (black to white persons), black-on-black crime (black to black persons); Black Lives Matter (anti-police, anti-race discrimination movement); black don't crack (lack the aging effects);

Clothes: black-tie (solemnity, a black-tie event/af-fair dress code).

B&W Image: black wallpaper (black pixel, without any light vs the white pixel which produces light); inane black ice (difficult to see area), black areas of drought(unemployment).

Magic: saintly black character (film, literature, a black character magically aids white characters); two blacks do not make a white (one injury, wrongdoing does not justify another); black eye (evil eye; Russian – дурной глаз).

Miscellaneous: black metal / чёрный металл / מטאל שחור (a heavy and extreme style, musical genre); in black (English, profit, no debt); blackout (a failure: blackout (of electrical power, boycott as a labor union action; lapse of memory); the black (a wildfire suppression); black side (pessimistic view of the situation, Russian – темная сторона; Hebrew – חצי כוס – הסרה); black hat (villain); code black (warning: code black (about a school – danger; military – ambush; hospital – bomb, suspicious object); beyond the black stump(uninhabited places); blackmail, to put the black on somebody (forcing to do or pay something by threatening to reveal a secret); saintly black character (film, literature, a black character magically aids to white characters); two blacks do not make a white (one injury, wrongdoing does not justify another); pot

calling the kettle black (criticizing, accusing someone else in his own guilty); once you go black, you never go back (Russian – береги честь смолоду).

2.2. Russian

Unskilled, auxiliary, physically difficult, dirty: черная работа (black work), держать в черном теле (keep in a black body, give bad attitude), чёрная пятница (black Friday, working day, cancellation of holiday); черная лестница (back stairs, for business or household needs), чёрный ход (back door vs front door).

Unprocessed, partially processed: чёрные металлы (metallurgy, black metals, alloys, based on iron); чёрный болт (black nut).

Humble origin: чёрная кость (black bone, vs white bone, noble origin), черное духовенство (Black clergy, Orthodox clergy, a monastic vow vs to the white clergy).

Extremely Reactionary: черные силы реакции (black reaction forces), черная сотня (Black Hundred).

Unfortunate, difficult: чёрный год, черная страница, черная полоса, черная пора, черное время (black year, page, strip, time, problematic period); черная сторона жизни (black side of life, unpleasant part of life); чёрный человек (black spirit, split personality).

Illegal: черные лесорубы (black lumberjacks, illegal logging); с черного хода (from the back door, to achieve something dishonestly); чёрное слово (black word, evil world); очернить (denigrate).

Miscellaneous: чернозем (rich black soil); bold: заголовок черным (typography, bold header in black as opposed to light type); чёрный человек (black spirit, split personality).

2.3. Hebrew

Orthodox: blacks / שחורים (Jewish orthodox long-wearing in winter and summer with a high hat); ישיבה שחורה (an ultra-Orthodox yeshiva); כיפה שחורה (kip-pah, Russian – ермолка, the ultra-Orthodox velvet small head cap vs הכיפה הסרוגה, the national Zionist crochet dome in a variety of colors and sizes).

Protest: שחורים מהאזת דגלים (demonstrations for the Israeli government rotation in 2021–2020).

Discussion

This study presents and analyses about 430 idioms (about 180 English, 160 Russian, and 100 Hebrew idioms). The scholars noted that English (17–23 %) and Russian BLIS (24 %) have the same ratio in the total color idioms amount [Zavvalova 2011: 308–309; Yakovleva etc., 2015: 33; Knodel 2019: 247], while we have no data on Hebrew color idioms. The equivalents and unique BLIS ratio is as follows: in English 140–40, in Russian 130–25, and in Hebrew 100–3.

In quantitative terms, Russian unique BLIS outnumber English and especially Hebrew idioms.

More than 80 % of trilingual BLIS are equivalent, a fact consistent with Kövecses [Kövecses 2010: 217] claiming that some conceptual metaphors are near or potentially universal, though not universal in an absolute sense. Cases of differences in the meanings of the same phraseological units have been noted: black medicine in Russian means anatomical and medical knowledge for inflicting mutilations and murders, and in Hebrew, it is preferred medical services on the verge of legality.

Undoubtedly, many equivalents of recent years are borrowings from English as the modern language of science, technology, and culture. Thus, the term *Black Swan* or *Extremely unlikely rare event* entered Russian and Hebrew from N. Taleb's book "The Black Swan" published in 2007.

The BLIS meanings were combined into associative chains based on logical-semantic relationships, as we see in this example: the meanings Unsuccessful, Difficult are associated with Depression, Pessimism. Then the associative chains were organized into two trilingual groups – Equivalent and Unique BLIS. Microsystem BLIS Equivalent now classified them in this way: 1. *The optical color of the object. 1.1. Nature. Natural phenomena, Physical Objects – Resources; Flora – Fauna; Body – Skin color. 1.2. Human Activity. Etalon Color – Black and White Image; Clothing: Official – Mourning – Military; Food, Beverages; Medicine – Drugs; Board Games – Competition – Sports; Hybrid War: Disinformation – Secret Operations; Economy – Profit – Employment; Vote; Computers, Devices; Typography; Art: Literature – Music – Morbid Humor. 1.3. Intellectual, mental and moral problems. Clarity is an intellectual activity; Unpredictable event – Exception; Prohibition versus permission; Unsuccessful, Difficult – Depression, Pessimism; Ruinous – Illegal; Magic.*

The significantly different Unique BLIS are systematized separately in each language in this way: English: *Etalon color – African-American community; Violence; Clothes; B&W Image; Miscellaneous. Russian: Unskilled, Auxiliary, Physically Difficult, Dirty – Unprocessed, Partially Processed; Humble Origin; Extremely Reactionary; Unfortunate; Illegal; Miscellaneous and Hebrew: Orthodox; Protest.*

This concept of a semantic field allows BLIS to include new idioms in the future as they appear. BLIS microsystems are not sealed and can be organized in different ways, for example, in our article Drugs are associated with Medicine, but they can also be associated with the meaning Illegal.

Gadányi [2007: 136] in his study of Slavic, including Russian, color adjectives noted the typicality for them of such phenomena as synonymous rows, anto-

nymic oppositions, and polysemy. This issue in English and Hebrew BLIS requires deep study, but we have already observed some interesting linguistic phenomena.

Some BLIS are polysemic, so, following the Merriam-Webster Dictionary, the first meaning of a *black box* is "a generally complex electronic device whose internal mechanism is usually hidden from the user or mysterious to him in a broad sense: anything that has mysterious or unknown internal functions or mechanisms" when the second meaning is "an impact-resistant device in an aircraft for recording cockpit conversations and flight data".

In some cases, BLIS show synonym rows: not (all) black and white, not all black and white. The existence of non-color equivalents in two languages is found, for example, it is clear as black and white in Russian – as clear as daylight.

BLIS are parallel to blue, less often *green and yellow* idioms, for example, *Black/Blue Screen of Death*, *blue/green/yellow envy*. BLIS have the meaning of prohibition-permission that is linked to punishment, for example, *black-white salary* has *red-green* parallels, while *red-green* antinomy during the Covid-19 pandemic, controversially, is associated with what a recommendation.

Since black-white are colors that are at the two ends of the achromatic scale, the antonymy black-white is the most lexical and semantically polarized, which we see in such examples: black-white in games, black – white economy. The antonymy black-white with the black color in the first place is diachronically associated with strong negative or strong positive connotations in examples such as *black and white magic*, *black and white hacker*, and *black and white thinking*.

In addition, BLIS are distinguished by a rare lexical and semantic phenomenon, for example, phraseological units black sheep and white crow are both color opposites and semantic synonyms, and phraseological units *black flag* (pirate, ruthlessness) and *white flag* (surrender, truce) are quasi-antonyms [Knodel 2019: 272].

The scholars emphasized that black metaphorically refers to negative connotations, and white to the positive ones [Hamilton 2016: 130; Talapina 2008: 15] but noted a few positive black connotations: "Black is viewed positively in the phrases in the black "solvent, in profit", black-tie event "formal social gathering", little black dress a simple, elegant black dress that can be dressed up or down depending on the occasion – a must for every woman's wardrobe" [Allan 2009: 627]. It should be noted that the connotation of Hebrew BLIS featured moderation even in negative terms. We indicated the neutral connotations of BLIS in the microsystem Natural Objects Color, such as a black hole, black coffee, tea, and even such

an artifact as dark chocolate that still didn't sign by scholars.

Regarding unique BLIS that originated because of the unique living environment, religion, custom, philosophy, and many other factors, it is noticeable that there are more Russian BLIS than English ones, and there are few unique BLIS in Hebrew. English BLIS generally expand such equal associative chains as an *African-American Community*, *Clothes*, *Magic*, when Russian BLIS add the new meanings of *Unskilled*, *Auxiliary*; *Unprocessed*; *Humble origin*; *Extremely Reactionary*, and Hebrew unique BLIS focused on the metonymy of the *Orthodox Community*.

Conclusions

The study answered key research questions about the number of equivalent, and unique BLIS in each language, the possibility of organizing BLIS associative chains and microsystems based on logical-semantic related meanings, and also the question about the similarities and differences in BLIS in the three languages.

In this innovative phraseological research related to contrastive color linguistics, numerous trilingual BLIS are presented, numbered, and analyzed when Hebrew idioms are being collected and researched for the first time. BLIS are integrated into numerous semantic associative chains based on logically connected lexemes, and then into two trilingual microsystems: equivalent idioms and unique idioms. The suggested classification combined physical objects, a large number of human activity areas, also mental, and ethical characteristics, and the possibility of including new idioms.

Among equivalent BLIS, the group of natural phenomena and objects of physics is the smallest, followed by the group of artificial objects, and the largest is the group of intellectual, mental, and moral problems. Are found cases when BLIS could be included in different associative chains due to their polysemy.

Our results prove that about 80% of trilingual BLIS are equivalent, indicating a strong base of intercultural communication and the number of equivalent BLIS are expanding due to the active borrowing of scientific, technical, and social science terms. At the same time, the unique BLIS of each of the three languages significantly enrich the language picture of the world.

The metaphorical meaning of black and white antinomy that corresponds to the position of these colors on the achromatic scale could be traced in many associative chains. The paper shows a parallel of BLIS with blue/green and, to a lesser extent, yellow idioms, as well as a parallel with a lexical-semantic pair of red-green idioms in the meaning of *Prohibition – Permission*.

Future research will focus on the antinomy of *black and white*, on the relationship of *black, white, and gray idioms*, as well as on the color metaphorical characteristics of personality. It is especially important to study the peripheral trilingual color terms (yellow, gray, brown, lilac, pink, etc.) and make a generalization for primary and secondary trilingual color metaphors.

Sources

Black. *Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/black> (accessed 29 Jun 2022).

Black. *The Free Dictionary*. Available at: <https://www.thefreedictionary.com/black> (accessed 29.06.2022).

Black. *Wiktionary*. Available at: <https://en.wiktionary.org/wiki/black> (accessed 29 Jun 2022).

Карта слов и выражений русского языка (Map of words and expressions of the Russian language). Available at: <https://kartaslov.ru/карта-слова/толкование/черный> (accessed 29 Jun 2022).

Черный. *Викисловарь*. Available at: <https://he.wiktionary.org/wiki/%D7%A9%D7%97%D7%95%D7%A8> (accessed 29 Jun 2022).

שחור. Available at: <https://milog.co.il/%D7%A9%D7%97%D7%95%D7%A8> (accessed 29.06.2022).

שחור. Available at: <https://www.almaany.com/he/dict/en-he/%D7%A9%D7%97%D7%95%D7%A8/> (accessed 29 Jun 2022).

References

Achromatic. *Free Dictionary*. Published from the original on August 17, 2015. URL: <https://www.thefreedictionary.com/achromatic+color> (accessed 29 Jun 2022). (In Eng.)

Allan K. The connotations of English colour terms: Colour-based X-phemisms. *Journal of Pragmatics*, 2009, issue 41(3), pp. 626–637. doi 10.1016/j.pragma.2008.06.004. (accessed 29 Jun 2022). (In Eng.)

Bolotina M. A., Shabasheva E. A. Simvolika tsveta v russkom i angliyskom yazykakh [Color symbolism in the Russian and English languages]. *Vestnik Baltiyskogo Federal'nogo Universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [IKBFU's Vestnik. Philology, Pedagogy, and Psychology], 2011, issue 2, pp. 7–12. (In Russ.)

Chielens L. *Basic Color Terms in English. An Examination of Their Use and Meaning in English Expressions*. Thesis. Ghent University, Faculty of Arts and Philosophy, 2006. 192 p. (In Eng.)

Gadányi K. *Sravnitel'noe opisaniye prilagatel'nykh tsveta v slavyanskikh yazykakh: (na materiale russkogo, serbskogo, slovenskogo, khorvatskogo yazykov)* [Comparative Description of Color Adjec-

tives in the Slavic Languages (a case study of the Russian, Serbian, Slovenian, Croatian languages)]. Melbourne Academia Press, 2007. 219 p. (In Russ.)

Groß L. *The Metaphorical Meanings of the Color Term Black* (German Edition). Kindle Edition, 2014. 22 p. (In Eng.)

Hamilton R. *Colour In English: From Metonymy to Metaphor*. Thesis. University of Glasgow, 2016. 300 p. URL: <https://theses.gla.ac.uk/7353/1/2016HamiltonPhD.pdf> (accessed 15 Sept 2022) (In Eng.)

He G. A comparative study of color metaphors in English and Chinese. *Theory and Practice in Language Studies*, 2011, vol. 1, issue 12, pp. 1804–1808. doi 10.4304/tpls.1.12.1804-1808. (In Eng.)

Kareem N. O. Colour-related idiomatic expressions In English and Kurdish. *Koya University Journal of Humanities and Social Sciences*, 2019, issue 2(1), pp. 131–149. doi 10.14500/kujhss.v2n1y 2019. (In Eng.)

Kigel T. Contrastive analysis of English, Russian, and Hebrew gold and silver idioms. *Yazyk i tekst [Language and Text]*, 2022b, vol. 9, issue 1, pp. 4–17. doi 10.17759/langt.2022090101. (In Eng.)

Kigel T. Contrastive analysis of English, Russian, and Hebrew green idioms. *Russkoe slovo v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve: istoriya i sovremennost'*. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The Russian Word in the International Educational Space, History, and Modernity. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Pyatigorsk, Pyatigorsk State University Press, 2021b, pp. 76–82. Available at: <https://upload.pgu.ru/iblock/6bd/6bd21f9d84be55d66c08cae0a3bff066/Sbornik-materialov-konferentsii.pdf> (accessed 29 Jun 2022). (In Eng.)

Kigel T. Contrastive analysis of English, Russian, and Hebrew idioms with lexeme 'grey'. *Linguistics & Polyglot Studies*, 2022c, vol. 8, issue 2, pp. 126–137. doi 10.24833/2410-2423-2022-2-31-126-137. (In Eng.)

Kigel T. Contrastive analysis of English, Russian, and Hebrew red idioms. *Yazyk i tekst [Language and Text]*, 2021a, vol. 8, issue 2, pp. 103–112. doi 10.17759/langt.2021080210. (In Eng.)

Kigel T. Contrastive analysis of English, Russian, and Hebrew yellow idioms. *Yazyk i Tekst [Language and Text]*, 2022d, vol. 9, issue 2, pp. 67–75. doi:10.17759/langt.2022090208. (In Eng.)

Kigel T. Contrastive analysis of English, Russian, and Hebrew yellow idioms. *Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve* [Russian Journal of Multilingualism and Education], 2022g (in print) (In Eng.)

Kigel T. Contrastive analysis of English, Russian, and Hebrew white idioms. *Russkiy yazyk: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy*

mezhdunar. nauch. Internet-konf. / otv. red. S. V. Lesnikov [Russian Language: Past, Present, Future. Materials of the International Scientific Internet Conference. Ed. by S. V. Lesnikov], Saint Petersburg, 2022e. Available at: <https://dialects.ru/2022/20220909No0100.pdf> (accessed 20 Sept 2022). (In Eng.). doi 10.48612/govor/18nx-rmbv-49zt

Kigel T. Contrastive analysis of English, Russian, and Hebrew blue idioms. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2022a, issue 1(67), pp. 80–86. (In Eng.)

Kigel T. Contrastive analysis of English, Russian, and Hebrew idioms with secondary color terms. *Russkiy yazyk: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy mezhdunar. nauch. Internet-konf. / otv. red. S. V. Lesnikov* [Russian Language: Past, Present, Future. Materials of the International Scientific Internet Conference. Ed. by S. V. Lesnikov], Saint Petersburg, 2022f. Available at: <https://dialects.ru/2022/20220909No0139.pdf> (accessed 20 Sept 2022). (In Eng.). doi 10.48612/govor/vf79-uvat-9hmb

Knodel L. *Angliyskie idiomyy tsveta* [English Color Idioms]. Kiev, Sole proprietor Kandiba T. P. Publ. 320 p. (In Russ.)

Kövecses Z. Metaphor, and culture. *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*, 2010, vol. 2, issue 2, pp. 197–220. doi 10.1093/acprof:oso/9780190224868.003.0005 (In Eng.)

Molina Plaza S. Black and white metaphors and metonymies In English and Spanish: A cross-cultural and corpus comparison. *Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics*. Ed. by J. Romero-Trillo. 2015, vol. 3. 25 p. doi 10.1007/978-3-319-17948-3_3 (In Eng.)

Nelyubin L. L. *Tolkovyy perevodnoy slovar'* [Explanatory Translation Dictionary]. 3rd revised ed. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003. 320 p. (In Russ.)

Samatov K. Mikrosistemy akhromaticheskikh tsvetooboznacheniy ak ‘belyy’, kara ‘chernyy’ i boz ‘seryy’ v kyrgyzskom yazyke [Microsystems of achromatic color terms ak ‘white’, kara ‘black’ and boz ‘gray’ in the Kyrgyz language]. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Problems of Modern Science and Education], 2017, issue 14(96), pp. 28–39. (In Russ.)

Talapina M. B. *Sopostavitel'noe issledovanie russkikh i angliyskikh prilagatel'nykh ‘belyy/chernyy’ i ‘white/black’ v kognitivno-diskursivnom aspekte*. Avtoreferat diss. dokt. filol. nauk [The comparative study of Russian and English adjectives ‘belyy/chernyy’ and ‘white/black’ in the cognitive and discursive aspect. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2008. 25 p. (In Russ.)

Yakovleva S. L., Fliginskikh E. E., Kazyro G. N., Pershina M. A., Soldatkina T. A. Category of the naming of colors In English, German and Mari idioms. *Mediterranean Social Science Journal*, 2015,

vol. 6, issue 3, pp. 33–40. doi 10.5901/mjss.2015.v6n3s7p33. (In Eng.)

Zavyalova N. A. *Frazeologizmy s komponentom kolorita kak komponent diskursa povsednevnosti v Yaponii, Velikobritanii i Rossii* [Phraseological Units with a Coloration Component as a Component of Everyday Life Discourse in Japan, Great Britain, and Russia]. Yekaterinburg, Ural Publ., 2011. 320 p. (In Russ.)

Список литературы

Achromatic. Free Dictionary. Published from the original on August 17, 2015. URL: <https://www.thefreedictionary.com/achromatic+color> (дата обращения: 29.06.2022)

Allan K. The connotations of English colour terms: Colour-based X-phemisms // *Journal of Pragmatics*. 2009. Issue 41(3). P. 626–637. doi 10.1016/j.pragma.2008.06.004 (дата обращения: 29.06.2022).

Chielens L. Basic colour terms in English. An examination of their use and meaning in English expressions. Thesis. Universiteit Gent; Faculteit Letteren En Wijsbegeerte. 2006. 192 p.

Gadányi K. Сравнительное описание прилагательных цвета в славянских языках (на материале русского, сербского, словенского, хорватского языков). Melbourne: Melbourne Academia Press, 2007. 219 p.

Groß L. *The Metaphorical Meanings of the Color Term Black* (German Edition). GRIN Verlag; 1st edition. 2014. 22 p.

Hamilton R. Colour in English: from metonymy to metaphor. Thesis. University of Glasgow, 2016. 300 p. URL: <https://theses.gla.ac.uk/7353/1/2016HamiltonPhD.pdf> (дата обращения: 15.09.22)

He G. A comparative study of color metaphors in English and Chinese // *Theory and Practice in Language Studies*. 2011. Vol. 1. Issue 12. P. 1804–1808. doi 10.4304/tpsl.1.12.1804-1808

Kareem N. O. Colour-Related Idiomatic Expressions in English and Kurdish // *Koya University Journal of Humanities and Social Sciences*. 2019. Issue 2(1). P. 131–149. doi 10.14500/kujhss.v2n1y2019

Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian and Hebrew Yellow Idioms // *Ázyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 67–75. doi 10.17759/langt.2022090208

Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Blue Idioms // *Филология и культура*. 2022a. № 1(67). P. 80–86.

Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Gold and Silver Idioms // *Язык и текст*. 2022b. Т. 9, № 1. P. 4–17. doi 10.17759/langt.2022090101

Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Idioms with Lexeme “Grey” // *Филологические науки в МГИМО*. 2022c. Т. 8, вып. 2.

С. 126–137. doi 10.24833/2410-2423-2022-2-31-126-137

Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew White Idioms // Русский язык: прошлое, настоящее, будущее: материалы междунар. науч. Интернет-конф. / отв. ред. С. В. Лесников. СПб., 2022e. URL: <https://dialects.ru/2022/20220909No0100.pdf> (дата обращения: 20.09.2022). doi 10.48612/govor/18nx-rmbv-49zt

Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Idioms with Secondary Color Terms // Русский язык: прошлое, настоящее, будущее: материалы междунар. науч. Интернет-конф. / отв. ред. С. В. Лесников. СПб., 2022f. URL: <https://dialects.ru/2022/20220909No0139.pdf> (дата обращения: 20.09.2022). doi 10.48612/govor/vf79-uvav-9hmb

Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Yellow Idioms // Многоязычие в образовательном пространстве. 2022g (в печати).

Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Red Idioms // Язык и текст. 2021b. Т. 8, № 2. С. 103–112. doi 10.17759/langt.2021080210

Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Yellow Idioms // Язык и текст. 2022d. Т. 9, № 2. С. 67–75. doi: 10.17759/langt.2022090208

Kövecses Z. Metaphor, and Culture. January 2010 // Acta Universitatis Sapientiae, Philologica. 2010. Vol. 2. Issue 2. P. 197–220. doi 10.1093/acprof:oso/9780190224868.003.0005

Molina Plaza S. Black and White Metaphors and Metonymies in English and Spanish: A Cross-Cultural

and Corpus Comparison // Romero-Trillo J. (eds). Yearbook of Corpus Linguistics and Pragmatics. 2015. Vol. 3. 25 p. doi 10.1007/978-3-319-17948-3_3

Yakovleva S. L., Fliginskikh E. E., Kazыro G. N., Pershina M. A., Soldatkina T. A. Category of the naming of colors in English, German and Mari idioms // Mediterranean Social Science Journal. 2015. Vol. 6, № 3. P. 33–40. doi 10.5901/mjss.2015.v6n3s7p33

Болотина М. А., Шабашева Е. А. Символика цвета в русском и английском языках // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2011. Вып. 2. С. 7–12.

Завьялова Н. А. Фразеологизмы с компонентом колорита как компонент дискурса повседневности в Японии, Великобритании и России. Екатеринбург: Урал. изд. дом, 2011. 320 с.

Кнодель Л. Английские идиомы цвета. Киев: ФОРМ Кандиба Т. П., 2019. 320 с.

Нелюбин Л. Л. Толковый переводной словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.

Саматов К. Микросистемы ахроматических цветообозначений ак «белый», кара «черный» и боз «серый» в кыргызском языке // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 14(96). С. 28–40.

Талатина М. Б. Сопоставительное исследование русских и английских прилагательных «белый/черный» и «white/black» в когнитивно-дискурсивном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 25 с.

Сопоставительный анализ идиом с лексемой «черный» на английском, русском языках и иврите

Тали Кигель

независимый исследователь

Билингвальный центр

4938128, Израиль, г. Петах-Тиква, Узиэль, 10. kigelt@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4136-4711>

Статья поступила в редакцию 31.01.2022

Одобрена после рецензирования 05.05.2022

Принята к публикации 06.06.2022

Информация для цитирования

Кигель Т. Сопоставительный анализ идиом с лексемой «черный» на английском, русском языках и иврите // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-5-15

Аннотация. Целью работы является сбор и анализ английских, русских и ивритских идиом с лексемой *black / черный / שחור* (далее – BLIS (black idioms)), при этом сбор ивритских идиом и сопоставление этих трех языков является предметом научного исследования впервые. В статье предлагается систематизация *черных* идиом на основе микросистем, состоящих из их ассоциативных цепочек значений с логически и семантически связанными значениями. Материалом работы послужили около 440 идиом (из них около 180 на английском языке, 160 на русском языке и 100 идиом на иврите), собранных из трехязычных электронных лексических, фразеологических источников и в результате интернет-поисков. В исследовании использовались качественный и количественный контекстуально-функциональный, семантический и культурно-лингвистический анализ в рамках лингвокультурологического подхода. После создания списков идиом, выявления их значений и сравнения разработана классификация с группами эквивалентных и уникальных БЛИС. Микросистема эквивалентных БЛИС, в свою очередь, состоит из двух групп ассоциативных цепочек: 1. Оптический цвет объекта. 1.1. Природа. Явления природы, физические объекты – Ресурсы; Флора – Фауна; Тело – Цвет кожи. 1.2. Человеческая деятельность. Эталонный цвет – Черно-белое изображение; Одежда: Официальная – Траурная – Военная; Пища, напитки; Медицина – Наркотики; Настольные игры – Соревнования – Спорт; Гибридная война: Дезинформация – Секретные операции; Экономика – Прибыль – Занятость; Голосование; Компьютеры, устройства; Типография; Искусство: Литература – Музыка – Мрачный юмор. 1.3. Интеллектуальные, психические и моральные проблемы. Ясность – интеллектуальная деятельность; Непредсказуемое событие – Исключение; Запрет в сравнении с разрешением; Неудачный, Трудный – Депрессия, Пессимизм; Губительный – Незаконный; Магия.

Предлагаемая классификация охватывает физические и психические характеристики, большое количество сфер деятельности человека и позволяет включать новые ЧИ в будущем. Эти результаты могут быть эффективно использованы в изучении второго языка, в человеческом и особенно в автоматическом переводе. Описанные эквивалентные метафоры доказывают наличие общих черт в лингвокультурной картине мира, а уникальные БЛИС дополняют эту картину, что имеет важное значение для межкультурной коммуникации и автоматического перевода идиом.

Ключевые слова: колоративная лингвистика; контрастивная лингвистика; цветовая метафора; идиомы; черный; английский; русский; иврит.

УДК 81'42:004.9
doi 10.17072/2073-6681-2022-3-16-25

Лингвистические аспекты локализации видеоигр

Светлана Алексеевна Коптелова

студентка 5 курса гуманитарного факультета

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский просп., 29. moltenlight@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8838-1818>

Екатерина Александровна Руцкая

к. пед. н., доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский просп., 29. re10@yandex.ru

SPIN-код: 1275-2710

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7415-3761>

Статья поступила в редакцию 15.12.2021

Одобрена после рецензирования 31.01.2022

Принята к публикации 15.06.2022

Информация для цитирования

Коптелова С. А., Руцкая Е. А. Лингвистические аспекты локализации видеоигр // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 16–25. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-16-25

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвистических аспектов локализации видеоигр. Практическим материалом исследования послужили оригинальные и локализованные версии игр Dishonored 2, Control и Monster Hunter: Rise. Представлен краткий обзор научных исследований, посвященных локализации. Их анализ дает основание говорить об актуальности изучения лингвистического аспекта локализации видеоигр, его специфики и взаимосвязи с другими аспектами данного процесса. Дискурс видеоигры как многожанровый продукт, включающий в себя все виды коммуникативного воздействия, рассматривается как разновидность компьютерного дискурса на основе ряда общих признаков, выделенных вслед за другими исследователями. Данный дискурс представляет собой креолизованный текст, состоящий из визуального и аудиального компонентов. Лингвистический компонент данного дискурса представлен в письменной и звучащей форме. В статье указаны основные виды современных видеоигр в зависимости от сюжета и роли игрока.

Представлен краткий обзор истории термина «локализация», который в настоящее время трактуется как процесс адаптации продукта или контента для определенного региона или рынка. Авторы рассматривают соотношение понятий «локализация» и «перевод» в контексте современного переводоведения и переводческой практики.

В работе приводится типология уровней локализации видеоигр, дано описание ее основных моделей. Анализ локализации видеоигр проводился с учетом трех «блоков» локализации, работа с которыми включает лингвистические аспекты, а именно предполагает осуществление перевода: интерфейс, внутриигровой текст, субтитры и озвучивание. К факторам, которые затрудняют процесс перевода, были отнесены лингвистические и экстралингвистические, прежде всего технические факторы.

Ключевые слова: локализация; перевод; видеоигра; дискурс видеоигры; лингвистический компонент локализации; лингвистические факторы; экстралингвистические факторы.

Постановка проблемы

Рост индустрии цифрового контента – веб-сайтов, программ и видеоигр – вызывает все большую потребность в услугах локализации. Вопросы локализации и различные определения данного понятия рассмотрены, в частности, в исследованиях А. В. Ачкасова [Ачкасов 2019], О. В. Зинкевича [Зинкевич 2018], А. Э. Левицкого [Левицкий 2019], О. В. Шурлиной [Шурлина 2013]. Некоторые авторы уделяют внимание локализации интернет-сайтов [Сухарева, Шурлина 2016, Тараскина 2020]. Локализации видеоигр как одному из значимых направлений современной индустрии перевода также посвящен ряд работ, преимущественно статьи студентов и молодых ученых. При этом авторы нередко пересказывают содержание интернет-сайтов, посвященных локализации [Морозов 2019, Знамеровская, Агеева 2021], упоминают роль технических и культурных факторов, обуславливающих требования к локализации [Знамеровская, Агеева 2021], анализируют перевод игровых текстов, рассматриваемая их вне взаимосвязи с техническими факторами (перевод идиом и устойчивых выражений, аллюзий, шуток, отдельных смысловых ошибок), исследуют проблему передачи эмоциональной окраски высказывания [Мугу, Бричева, Сасина 2021], приемы перевода с учетом грамматических особенностей русского языка, отдельные примеры изменения терминологии на протяжении развития игровой индустрии [Зеленько]. В диссертационном исследовании Д. К. Саяховой рассматриваются стилистические особенности языка видеоигр, использование аудиовизуального перевода и так называемой «непрерывной локализации», выделена группа лексических единиц, перевод которых представляет наибольшую трудность [Саяхова 2021]. В то же время не определена специфика лингвистического компонента локализации видеоигр, не рассмотрена подробно взаимосвязь между переводческими трудностями и другими аспектами локализации. Этим обусловлена **актуальность** данной статьи.

Целью нашего исследования является определение специфики лингвистических аспектов видеоигровой локализации и факторов, обуславливающих переводческие трудности и ошибки при осуществлении данной деятельности.

Теоретическая значимость работы заключается в систематизации и обобщении исследований по проблеме локализации видеоигр в российской индустрии, в выделении значимых блоков локализации, предполагающих выполнение перевода, в изучении взаимосвязи лингвистических и экстралингвистических, в особенности

технических, факторов, обуславливающих принятие переводческих решений.

Практическая ценность обусловлена тем, что результаты исследования могут представлять интерес для переводчиков, начинающих карьеру в сфере локализации видеоигр и программного обеспечения, а также использоваться в процессе обучения студентов-лингвистов.

Методы

В настоящее время исследованием видеоигр занимаются различные научные дисциплины. Однако в лингвистике и переводоведении видеоигры до недавнего времени не рассматривались.

Начало систематическому изучению данной области было положено в монографии Астрид Энслин “The Language of Gaming” [Ensslin 2012], которую можно рассматривать как основополагающее лингвистическое исследование, посвященное видеоиграм. А. Энслин относит видеоигры к сложным и многогранным средствам массовой информации. В них используются различные виды коммуникативного воздействия на человека, в числе которых письменная и устная речь, а также звуки, музыка, статичные и анимированные изображения, с которыми пользователь взаимодействует через интерфейс компьютера [там же]. Таким образом, видеоигры представляют собой многожанровый продукт, затрагивающий практически все сферы индустрии развлечений, а также программную составляющую компьютера или другого устройства, оснащенного программным обеспечением.

Дискурс видеоигр принято рассматривать в рамках компьютерного дискурса, так как эти дискурсы обладают сходными характеристиками. Е. Н. Галичкина выделила конститутивные признаки, отличающие компьютерный дискурс от других коммуникативных сред: электронный сигнал как канал сообщения, виртуальность, дистантность, опосредованность, высокая степень проницаемости, наличие гипертекста, креолизованность, статусное равноправие участников, передача эмоций, комбинация различных типов дискурса и специфическая компьютерная этика [Галичкина 2001].

А. Б. Кутузов предложил следующие восемь основных признаков компьютерного дискурса, большинство из которых сопоставимы с ведущими характеристиками дискурса видеоигр [Кутузов 2006]:

- цифровой канал передачи сигнала – видеоигры запускаются на электронных цифровых носителях;
- дистантность – все игры подразумевают наличие одного и более игроков, участники коммуникации, как правило, находятся на значи-

тельных расстояниях и их общение опосредовано видеоигрой;

- анонимность – характерное свойство компьютерного дискурса в целом;
- мультимедийность – видеоигра сопровождается изображениями, аудио- и видеоэлементами, погружающими игрока в виртуальную реальность;
- устно-письменный характер коммуникации – сочетание письменной и устной речи в видеоигре.

Главной особенностью компьютерного дискурса является опосредованность электронной средой, в которой он реализуется. Определение видеоигры как формы программного обеспечения развлекательного характера, для которого необходима электронная платформа и которое предполагает наличие как минимум одного игрока в физическом или сетевом окружении [Ensslin 2012], также подчеркивает причастность дискурса видеоигр к компьютерному дискурсу.

Опираясь на определение дискурса как текста, погруженного в ситуацию общения [Арутюнова 1990], Д. К. Саяхова предлагает рассматривать видеоигровой дискурс как «текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности» [Саяхова 2021], пространство, созданное человеческим воображением с помощью компьютерной техники. Учитывая всё вышеизложенное, мы понимаем под дискурсом видеоигр креолизованный текст, состоящий из аудиального и визуального компонентов (рис. 1). К аудиальному компоненту видеоигры относятся устные диалоги (вербальная составляющая), музыка и другие звуки (невербальная составляющая). Визуальный компонент включает вербальные (письменные тексты) и невербальные знаковые средства (видеоряд). Таким образом, лингвистический компонент представлен в письменной и звучащей форме. Данная структура дискурса видеоигры представлена ниже в разработанной нами схеме.

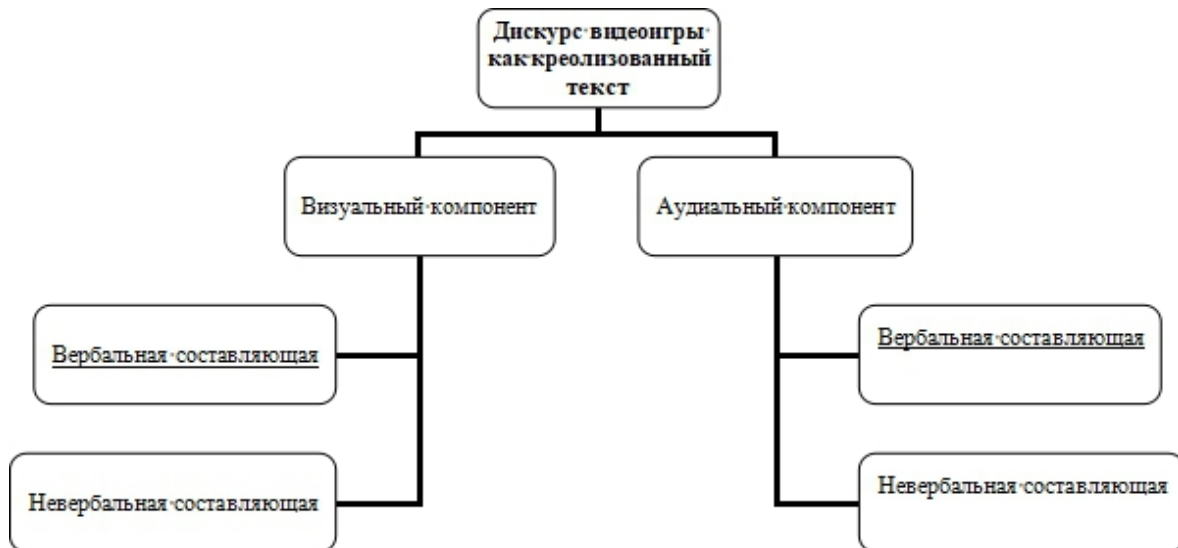

Рис. 1. Структура дискурса видеоигры
Fig. 1. Structure of the video game discourse

Д. К. Саяхова также подчеркивает, что видеоигры являются продуктом как глобальной массовой культуры, так и конкретной лингвокультуры, в них воспроизводятся культурные и исторические реалии разных стран и эпох. В видеоигровом дискурсе используются разговорная, эмоционально-экспрессивная лексика, видеоигровой сленг, сокращения и англоязычные заимствования [Саяхова 2021].

Существующие на сегодняшний день компьютерные игры можно разделить на три вида: 1) экшен (англ. *action*) – игра, в которой стремительно развиваются события, игрок должен действовать быстро; 2) ролевая игра (англ. RPG, *role playing game*) – пользователь управляет действиями одного или нескольких персонажей; 3) квест

(англ. *quest*) – игра, представляющая собой виртуальный мир, в котором необходимо разгадать некую загадку, найти что-либо.

Выход той или иной видеоигры на международный рынок невозможен без ее локализации. Понятие «локализация» возникло в индустриальном дискурсе и обозначало часть экономической стратегии по продвижению программного обеспечения на новые рынки [Ачкасов 2019]. Под локализацией понималась адаптация продукта к национальным требованиям, юридическим нормам и языку страны, в которой продукт должен быть реализован [Эсселинк 2000]. По мере развития информационных технологий объем понятия значительно расширился и стал включать «перевод и адаптацию любых цифро-

вых продуктов», в том числе веб-сайтов и компьютерных игр [Ачкасов 2019].

Со временем термин «локализация» стал вытеснять понятие «перевод» из индустрии переводческих услуг и активно использоваться в значении «перевод и адаптация». На сегодняшний день термин широко используется за рамками индустрии перевода, по крайней мере в трех значениях: 1) локализация цифровых продуктов; 2) любая творческая адаптация контента в контексте межъязыковой коммуникации; 3) адаптация любых объектов и практик в процессе выхода компании или бренда на новые рынки [Ачкасов 2019].

При этом имеет место проблема разграничения понятий «локализация» и «перевод». По определению GALA (Globalization and Localization Association), «локализация <...> представляет собой процесс адаптации продукта или контента для определенного региона или рынка. Перевод – это только один из элементов процесса локализации» [Globalization and Localization Association].

Определяя локализацию как «процесс лингвокультурной и технической адаптации продукта» [Саяхова 2021, с. 70], автор видит отличие локализации от перевода в том, что задачи перевода требуют сохранения семантического и прагматического содержания оригинала, в то время как задачи локализации предполагают интеграцию продукта в целевую культурную среду, его адаптацию к картине мира потребителей. Однако очевидно, что сохранение прагматического содержания как раз и может предполагать культурную адаптацию текста, что очень часто имеет место при традиционном переводе устных и письменных текстов различных жанров, от художественных до официально-деловых, и находит отражение в классических дефинициях понятия «перевод»: например, А. Д. Швейцер определяет его как «процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемой различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [Швейцер 1988: 75]. Следовательно, выделение культурной адаптации как признака, отличающего локализацию от перевода, представляется достаточно дискуссионным. В качестве более релевантного отличительного признака можно рассматривать технический аспект, без учета которого невозможно говорить об адаптации цифрового продукта для целевой среды и потребителя.

В компьютерном дискурсе локализация связана с переводом программного обеспечения и представляет собой «создание программ, спо-

собных обрабатывать различные языковые соглашения для разных стран» [Баландин 2003]. Совокупность компонентов, требующих адаптации, была названа термином *locale* (локаль), производным от которого и является термин *localization* (локализация) [Ачкасов 2019]. Локализация программного обеспечения включает процесс внесения изменений в само программное обеспечение, в дополнение к текстовому переводу. Таким образом, чтобы сделать игры, выпущенные в одной стране, доступными для другой страны, необходимо не только перевести ее текстовые компоненты на целевой язык, но и интегрировать переведенный текст в программное обеспечение, которое, в свою очередь, должно быть адаптировано для целевой среды и конечного потребителя [O'Hagan 2013]. Например, если в США принят формат даты ММ/ДД/ГГ, то на территории России он должен приводиться в формате ДД/ММ/ГГ; это же касается валюты, формата времени, специальных символов и т. д. [Баландин 2003; Esselink 2000].

Локализация видеоигр является одним из направлений деятельности современных переводчиков и других представителей индустрии видеоигр, маркетинга, программных и веб-разработок.

Принято выделять различные уровни локализации игр: 1) внешняя, материальная локализация, которая предполагает перевод документов и коробки (обложки); 2) частичная локализация без субтитров (переводятся письменные тексты игры, локализуются коробка, номера, цвета); 3) частичная локализация с субтитрами; 4) полная, или углубленная, локализация, включающая профессиональное озвучивание, перевод субтитров, адаптированные текстуры, коробку, цвета и дизайн. В последнем случае локализованный продукт заменяет оригинал игры и позволяет пользователям полностью погрузиться в ее атмосферу. При еще более глубокой локализации изменениям может подвергаться даже сюжет игры [Alconost. Game Localization; Петраченко].

Чаще всего процесс локализации включает такие задачи, как перевод руководства пользователя и сценария, локализация пользовательского интерфейса и графики, озвучивание, настольные издательские системы из руководства пользователя, тестирование и окончательное обеспечение качества. Тестирование локализованной версии предполагает функциональную проверку программы и проверку перевода [Морозов 2019].

Принято выделять три модели локализации видеоигр.

1. Sim-ship (от англ. *simultaneous shipment*, непрерывная доставка). Уникальность данной мо-

дели заключается в том, что локализация осуществляется одновременно с разработкой игры.

2. Post-gold представляет собой классический вариант адаптации готового продукта.

3. «Интернациональная» модель или “Final Mix”. Название образовано от обозначения способа локализации японской игры “Final Fantasy International and Last Mission”, где персонажи ведут диалоги на американском английском с японскими субтитрами, в то время как интерфейс полностью представлен на японском языке [Саяхова 2021].

Д. К. Саяхова связывает трудности, возникающие в процессе работы переводчиков игр, и последующие возможные недостатки перевода с отсутствием единого руководства по стилю перевода и глоссария терминов, с недостатком фоновых знаний или компетентности у переводчика, с утратой контекстуальной информации на семантическом уровне [Саяхова 2021].

Проблемы локализации автор подразделяет на языковые, цифровые и социальные. К техническим проблемам относятся аспекты локализации, которые влияют на корректную работу игры и правильное отображение текста, а также организационные (взаимодействие между локализаторами и заказчиком). Д. К. Саяхова не раскрывает подробно социальные проблемы, за исключением упоминания о бюджете локализации и его влиянии на качество конечного продукта и необходимости адаптации игры к картине мира потребителя.

Трудности лингвистического характера связаны, по мнению автора, с переводом имен собственных, терминов, метафор, авторских неологизмов, а также лексических единиц, принадлежащих к следующим тематическим группам: цвета, человек, животные и растения, политика, религия, системы измерения, дата и время, реалии.

Новый результат

Нами были проанализированы англоязычные и русскоязычные версии игр Dishonored 2, 2016 г. выпуска, Control, 2019 г. выпуска, и Monster Hunter: Rise, 2021 г. выпуска.

В процессе анализа было выделено три «блока» локализации, соответствующих указанным ранее уровням локализации. Работа с данными блоками предполагает, в первую очередь, собственно перевод: 1) интерфейс, включающий в себя игровое меню, меню настроек, оповещения, с помощью которых происходит коммуникация и

взаимодействие пользователя с игрой и неигровыми персонажами; 2) внутриигровой текст; 3) субтитры и озвучивание.

Игра Dishonored 2, разработанная компанией Arkane Studios (Франция) и выпущенная американским издателем Bethesda, была полностью локализована российской студией СофтКлуб, т. е. в ней были переведены все тексты, интерфейс, субтитры и выполнен дубляж.

Игра Control была разработана финской компанией Remedy Entertainment, выпущена итальянской компанией 505 Games и локализована российской компанией Buka Entertainment. Выполнена только текстовая локализация, включающая перевод интерфейса и всех текстов. Звучащие в игре англоязычные диалоги сопровождаются субтитрами на русском языке.

Игра Monster Hunter: Rise разработана, выпущена и локализована японской компанией Capcom. В игре также выполнена текстовая локализация. Особенностью игры является то, что при озвучивании можно выбрать один из трех языков: английский, японский и вымышленный язык, на котором говорят жители игрового мира.

Локализация каждого из блоков требует отдельного подхода. Так, если субтитры во многих играх не ограничены никакими рамками, кроме экрана монитора, то текст интерфейса так или иначе всегда должен вписываться в рамки, предусмотренные разработчиками. Это касается игрового меню, меню настроек и внутриигровых сообщений. Таким образом, перевод интерфейса неразрывно связан с технической частью игры.

Перевод игры предполагает предварительное ознакомление с ней, согласование стиля и глоссария, ознакомление с другими играми данного жанра в регионе и принятой терминологией. Это является одним из условий выполнения корректного перевода и позволяет обеспечить взаимосвязь пользователя с игрой.

Настоящее исследование позволило определить, что трудности перевода внутриигровых текстов, которые обусловили использование приемов трансформаций или повлекли за собой переводческие ошибки, связаны как с лингвистическими, так и с экстралингвистическими факторами (рис. 2). Кроме того, значительную роль играет уровень профессионализма переводчика. На основании вышесказанного нами была разработана следующая схема.

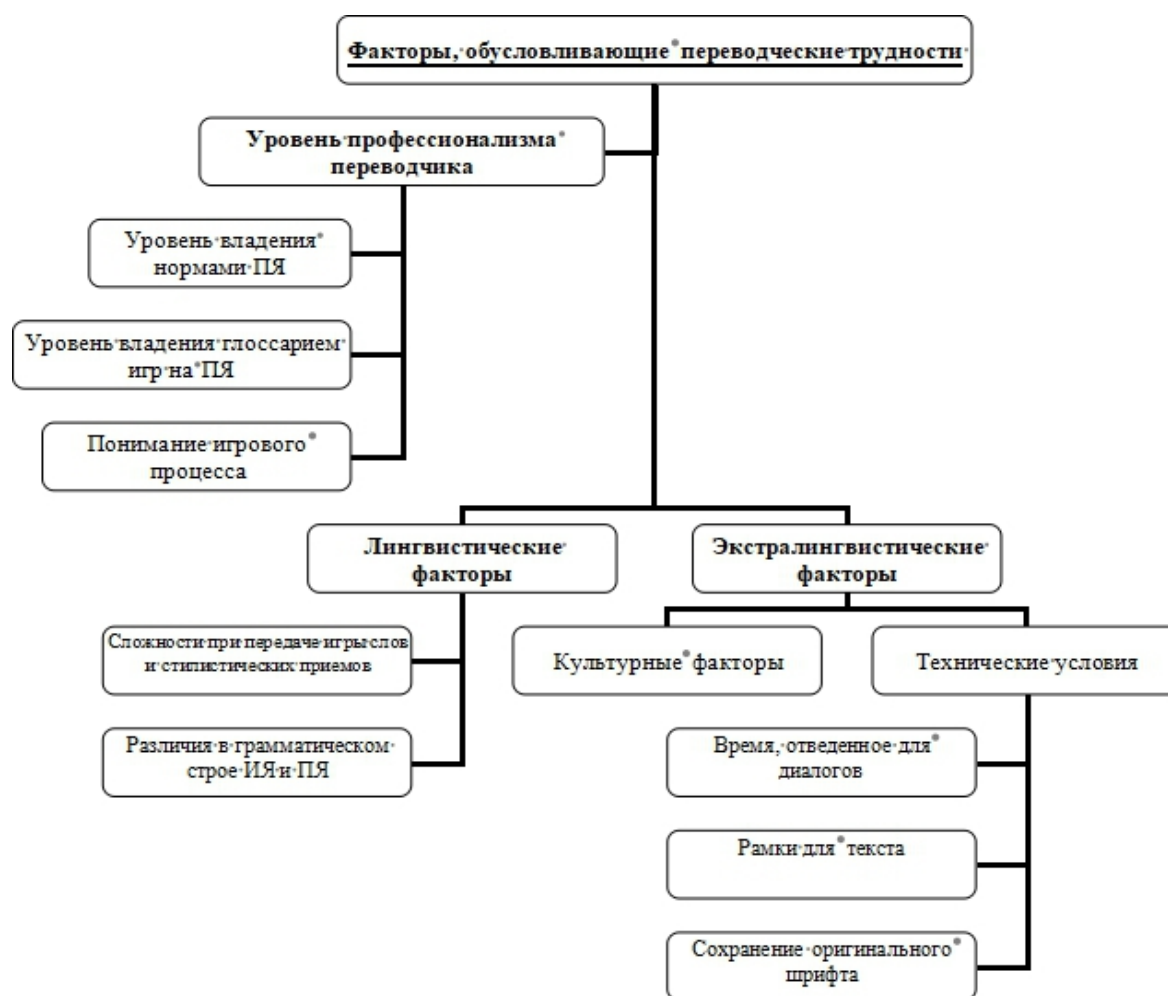

Рис. 2. Факторы, обуславливающие переводческие трудности
 Fig. 2. Factors causing translation problems

Существенное значение при локализации игр имеют различия между английским языком, который является аналитическим, и русским, который относится к флективному типу. Так, переводчики использовали лексическую замену (например, «пончо» вместо «шляпа»), так как программный код написан таким образом, что слова одной и той же категории меняются местами с каждым новым запуском игры, при этом текст должен соответствовать грамматическим нормам русского языка, где прилагательные, в отличие от английского языка, согласуются в роде, числе и падеже с существительными. В то же время данные трудности обусловлены спецификой видеоигрового дискурса, а именно вариативностью автоматически порождаемого текста.

Среди экстралингвистических факторов, обуславливающих принятие переводческого реше-

ния, можно выделить культурные факторы и технические условия. Культурные факторы представляются специфичными для каждой конкретной игры, как и для любого художественного произведения. К ним обращается Д. К. Саяхова и другие авторы [Саяхова 2012; Знамеровская, Агеева 2021].

В данной статье мы остановимся на второй группе экстралингвистических факторов – на технических условиях, влияющих на перевод. К ним относится, в частности, время, отведенное для диалогов. Иногда локализаторы опускают некоторые слова, чтобы уложиться в отведенное время между репликами диалогов, что можно наблюдать в игре Dishonored 2. В результате диалог в русскоязычной версии значительно отличается от англоязычной, происходит частичная утрата смысла:

Английская версия:

– I followed as long as I could, toward Addermire Institute. It's run by the Alchemist, Hupatia.

...

– Maybe the Alchemist will cooperate, maybe she won't.

Русская версия:

– Я следовала за ними до Аддермирского института. Там заправляет Гепатия.

...

– Станет ли алхимик мне помогать – не знаю.

Данный диалог происходит в ситуации, когда игроку нужно найти одного из персонажей – алхимика Александрию Гепатию. Однако в русской версии игрок не сразу поймет, о каком алхимике идет речь.

Одним из значимых технических условий является сохранение оригинального шрифта, что немаловажно для восприятия игры. Если текст, задуманный как рукописный, будет выглядеть как печатный, то это создаст диссонанс в восприятии игрока. При этом не всегда удается корректно выполнить в игре данное условие, так как при локализации внутриигровых текстов, которые являются дополнением к сюжету, фразы и реплики на русском языке нередко

длиннее, чем их эквивалент на английском, и они могут выходить за рамки, обозначенные разработчиками. В этой ситуации локализаторы прибегают к переводческим трансформациям или опускают части предложений или целые предложения.

В игре Control также имеет место расхождение в расположении текстов, вызванное шириной русскоязычных слов. Это касается, в частности, карты с наименованиями офисных отделов, а также обучающего игрового сообщения.

В ряде случаев переводчиками были допущены стилистические ошибки и ошибки в оформлении текста, ведущие к неверным действиям пользователя в процессе игры (рис. 3).

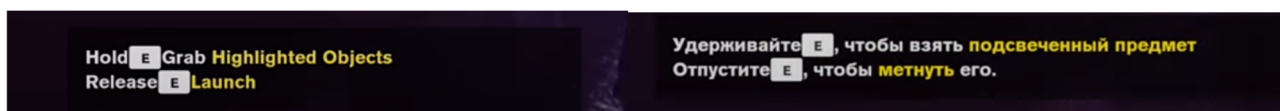

Рис. 3. Переводная версия внутриигрового сообщения, содержащая смысловую ошибку
Fig. 3. Semantically inaccurate translation of the in-game message

В данном сообщении, связанном с обучением метанию предметов, допущена серьезная для игрока ошибка. Стилистикой игры предусмотрено употребление слов через косую черту. На протяжении всей игры можно наблюдать подобные выражения: <We are broadcasting from the Pyramid/Other> или <The Floppy Disk/Nuke can be bound>. В данном случае предполагается, что кнопка «E» обладает функционалом удерживать/взять объект и отпустить/метнуть объект, а не «удерживать, чтобы взять», т. е. «E» предполагается рассматривать как знак «слэш». Если игрок будет следовать инструкции, предложенной в переводе к игре, и удерживать кнопку «E», то у него не получится воспроизвести заложенную программой механику игры, что, в свою очередь, отразится на игровом процессе.

В игре Monster Hunter Rise, чтобы избежать выхода текста за рамки интерфейса, было решено сокращать русскоязычные слова, что привело к тому, что почти в каждом окне интерфейса присутствует сокращенное выражение. Иногда сокращения настолько значительны, что становятся необходимой помощью справочника или внутриигровое обучение. При этом в некоторых случаях можно видеть явные нарушения правил русского языка, например, «дополни. настройки» вместо «доп. настройки».

Несмотря на большую популярность игры и большой бюджет, заложенный в разработку, можно сказать, что локализацию выполняли непрофессиональные переводчики или переводчики, не ознакомленные с игровым рынком на языке перевода. Эти выводы можно сделать,

учитывая явные ошибки в составлении предложений, например, в диалогах с неигровыми персонажами: «Шкала действий позволяет осуществлять множество видов действий без открывания меню» (отглагольное существительное «открывание» неудачно использовано вместо деепричастного оборота и допущена тавтология).

В ролевых играх чаще всего существует уже устоявшаяся терминология, особенно если это игра с элементами фэнтези и возможностью ездить на различных существах. Чаще всего при седлании животного предлагается команда «вперед», «ехать», «оседлать» или просто «вскочить». В данной игре локализаторы предлагают команду «Позволь мне ехать!», что не является смысловой ошибкой, но не вписывается в уже устоявшиеся рамки данного жанра. Это же касается названий некоторых видов оружия, например, игровой *Long sword*, он же в русском эквиваленте *Полтораручный или длинный меч*, что является более приемлемым названием в игровом сообществе, в локализации назван *Меч-бастард*, что является верным с исторической точки зрения, так как этот вид меча является подвидом *длинного меча* [Лайбле 2011: 90], но неприемлемым с точки зрения игрового сообщества, так как за словом «бастард» закрепилось иное значение. Выбор переводчиков обоснован тем, что в предыдущих играх серии Monster hunter тип меча тоже назывался «бастард».

Подобные спорные переводческие решения были приняты при передаче наименований профессий торговцев, с которыми контактирует игрок. Один из таких персонажей – зеленщица Ва-

кана, слово «зеленщица» редко употребляется в играх жанра RPG и чаще используются слова «торговка овощами» или «травница». С другой стороны, это может быть обусловлено аутентичностью игрового мира, так как действия происходят в деревне на острове, и такое устаревшее слово вполне вписывается в игровой мир.

Заключение

Таким образом, видеоигра является комплексным многожанровым продуктом, представляющим собой креолизованный текст. Лингвистическая, вербальная составляющая присутствует как в визуальном, так и в аудиальном компоненте. Выделено три блока локализации, в которых значимая роль принадлежит лингвистическим аспектам: 1) перевод интерфейса; 2) перевод внутриигрового текста; 3) перевод субтитров и озвучивание. В результате сопоставительного анализа видеоигр и их локализованных версий выявлены трудности перевода, обусловленные как лингвокультурными, так и техническими факторами. К последним относится ограниченное пространство для текста перевода, ограниченная продолжительность звучания аудиодорожки, вариативный характер автоматически порождаемого текста.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
- Ачкасов А. В. Англоязычная терминология локализации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2019. № 194. С. 80–88.
- Балдин Е. М. The Linux Cyrillic HOWTO (russian). URL: <https://inp.nsk.su/~baldin/Cyrillic-HOWTO-russian/index.html> (дата обращения: 10.12.2021).
- Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2001. 18 с.
- Зеленько К. Р. Особенности перевода компьютерных игр с учетом специфики данного вида перевода // Научный журнал. 2017. № 6–2(19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-da-kompyuternyh-igr-s-uchetom-spetsifiki-dannogo-vida-perevoda/viewer> (дата обращения: 10.12.2021).
- Зинкевич О. В. Локализация как процесс динамической трансформации структуры и содержания динамического текста // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 3 (111). С. 135–137.
- Знамеровская А. О., Агеева А. В. Междисциплинарность как ключевая характеристика процесса локализации компьютерных игр // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 1. С. 218–222. doi 10.30853/phil210006
- Кутузов А. Б. Коммуникативные особенности дискурса компьютерных сетевых форумов // Третьи Лазаревские чтения – 2006. Челябинск, 2006. URL: http://tc.utmn.ru/files/kutuzov_course.pdf (дата обращения: 05.10.2021).
- Лайбле Т. Меч. Большая иллюстрированная энциклопедия / пер. с нем. М.: Омега, 2011. 232 с.
- Морозов М. Д. Особенности процесса локализации компьютерных игр // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2019. № 2(68). С. 59–63. doi 10.24143/1812-9498-2019-2-59-63
- Музу М. С., Бричева М. М., Сасина С. А. Проблема языковой локализации компьютерных игр // The Scientific Heritage. 2021. № 61. С. 40–42.
- Петраченко М. В. Локализация компьютерных игр. URL: <https://www.rgph.vsu.ru/ru/science/sss/reports/5/petrachenko.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).
- Саяхова Д. К. Языковая локализация видеоигр: лингвокультурологический и когнитивно-прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2021. 189 с.
- Сухарева Е. Е., Шурлина О. В. Анализ качества перевода и локализации интернет-представительств компаний // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 84–90.
- Тараскина Я. В., Цыремпилов А. О., Платицина Т. В. Локализация веб-сайта университета: переводческий аспект // Филология: научные исследования. 2020. № 3. С. 22–29. doi 10.7256/2454-0749.2020.3.30092
- Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988. 216 с.
- Alconost. Game Localization. URL: <https://alconost.com/en/services/game-localization> (дата обращения: 10.12.2021)
- Ensslin A. The Language of Gaming. UK: Palgrave Macmillan, 2012. 224 p.
- Esselink B.A. Practical Guide to Localization. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. 488 p.
- Globalization and Localization Association. URL: <https://www.gala-global.org/knowledge-center/about-the-industry/language-services> (дата обращения: 10.12.2021).
- O'Hagan M., Mangiron C. Game Localization. Translating for the Global Digital Entertainment Industry. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2013. 386 p.

References

- Arutyunova N. D. Diskurs [Discourse]. *Lingvističeskij entsiklopedičeskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1990, pp. 136–137. (In Russ.)
- Achkasov A. V. Angloyazyčnaya terminologija lokalizatsii [The English-language localization terminology]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* [Izvestiya: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2019, issue 194, pp. 80–88. (In Russ.)
- Balandin E. M. The Linux Cyrillic HOWTO (Russian). Available at: <https://inp.nsk.su/~balandin/Cyrillic-HOWTO-russian/index.html> (accessed 17 Sep 2021). (In Russ.)
- Galichkina E. N. *Spetsifika komp'yuternogo diskursa na anglijskom i ruskom yazykakh*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The specific features of computer discourse In English and Russian. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Astrakhan, 2001. 18 p. (In Russ.)
- Zelen'ko K. R. Osobennosti perevoda komp'yuternykh igr s uchetom spetsifiki dannogo vida perevoda [Peculiarities of computer game translation in the light of the specific character of this translation type]. *Nauchnyy Zhurnal* [Science Magazine], 2017, issue 6–2(19). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-kompyuternykh-igr-s-uchetom-spetsifiki-dannogo-vida-perevoda/viewer> (accessed 10 Dec 2021). (In Russ.)
- Zinkevich O. V. Lokalizatsiya kak protsess dinamicheskoy transformatsii struktury i sodержaniya dinamicheskogo teksta [Localization as a process of linguistic transformation of the structure and content of a dynamic text]. *Izvestiya Sankt-Petersburgskogo Gosudarstvennogo Ekonomicheskogo Universiteta* [Izvestiya of Saint Petersburg State University of Economics], 2018, issue 3(111), pp. 135–137. (In Russ.)
- Znamerovskaya A. O., Ageeva A. V. Mezhdisciplinarnost' kak klyuchevaya kharakteristika protsessa lokalizatsii komp'yuternykh igr [Interdisciplinarity as a key characteristic of video games localization process]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2021, vol. 14, issue 1, pp. 218–222. doi 10.30853/phil210006. (In Russ.)
- Kutuzov A. B. Kommunikativnye osobennosti diskursa komp'yuternykh setevykh forumov [Communicative features of the discourse of computer network forums]. *Tret'i Lazarevskie chteniya-2006, Chelyabinsk, 2006* [Third Lazarev's Readings – 2006, Chelyabinsk, 2006]. Available at: http://tc.utmn.ru/files/kutuzov_discourse.pdf. (accessed 5 Oct 2021). (In Russ.)
- Laible T. *Mech. Bol'shaya illyustrirovannaya entsiklopediya* [The Sword. Large Illustrated Encyclopedia]. Moscow, Omega Publ., 2011. 232 p. (In Russ.)
- Morozov M. D. Osobennosti protsessa lokalizatsii komp'yuternykh igr [Specific features of computer games localization process]. *Vestnik Astrakhanskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta* [Vestnik of Astrakhan State Technical University], 2019, issue 2(68), pp. 59–63. doi 10.24143/1812-9498-2019-2-59-63. (In Russ.)
- Mugu M. S., Bricheva M. M., Sasina S. A. Problemy yazykovoy lokalizatsii komp'yuternykh igr [Problems of language localization of computer games]. *The Scientific Heritage*, 2021, issue 61, pp. 40–42. (In Russ.)
- Petrachenko M. V. Lokalizatsiya komp'yuternykh igr [Computer games localization]. Available at: <https://www.rgph.vsu.ru/ru/science/sss/reports/5/petrachenko.pdf> (accessed 10 Dec 2021). (In Russ.)
- Sayakhova D. K. *Yazykovaya lokalizatsiya videoigr: lingvokul'turologicheskij i kognitivno-pragmaticheskij aspekt*. Diss. kand. filol. nauk [Language localization of video games: Linguistic, cultural, cognitive and pragmatic aspects]. Ufa, 2021. 189 p. (In Russ.)
- Sukhareva E. E., Shurlina O. V. Analiz kachestva perevoda i lokalizatsii internet-predstavitel'stv kompaniy [Analysis of the quality of translation and localization of the companies' websites]. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2016, issue 1, pp. 84–90. (In Russ.)
- Taraskina Ya. V., Tsyrempilon A. O., Platitsina T. V. Lokalizatsiya veb-sayta universiteta: perevodcheskiy aspekt [Localization of a university website: Translation aspect]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Studies], 2020, issue 3, pp. 22–29. doi 10.7256/2454-0749.2020.3.30092. (In Russ.)
- Schweitzer A. D. *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty* [Theory of Translation: Status, Problems, Aspects]. Moscow, 1988. 216 p. (In Russ.)
- Alconost. Game Localization. Available at: <https://alconost.com/en/services/game-localization> (accessed 10 Dec 2021). (In Russ.)
- Ensslin A. *The Language of Gaming*. UK, Palgrave Macmillan, 2012. 224 p. (In Eng.)
- Esselink B.A. *Practical Guide to Localization*. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2000. 488 p. (In Eng.)
- Globalization and Localization Association. Available at: <https://www.gala-global.org/knowledge-center/about-the-industry/language-services> (accessed 10 Dec 2021). (In Eng.)
- O'Hagan M., Mangiron C. *Game Localization. Translating for the Global Digital Entertainment Industry*. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 2013. 386 p. (In Eng.)

Linguistic Aspects of Video Game Localization

Svetlana A. Koptelova

Student in the Faculty of Humanities

Perm National Research Polytechnic University

29, Komsomolsky prospekt, Perm, 614990, Russian Federation. moltenlight@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8838-1818>

Ekaterina A. Rutsкая

Associate Professor in the Department of Foreign Languages,

Linguistics and Translation

Perm National Research Polytechnic University

29, Komsomolsky prospekt, Perm, 614990, Russian Federation. re10@yandex.ru

SPIN-code: 1275-2710

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7415-3761>

Submitted 15 Dec 2021

Revised 31 Jan 2022

Accepted 15 Jun 2022

For citation

Koptelova S. A., Rutsкая E. A. Lingvisticheskie aspekty lokalizatsii videoigr [Linguistic Aspects of Video Game Localization]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 3, pp. 16–25. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-16-25 (In Russ.)

Abstract. The paper deals with the linguistic aspects of video game localization. The practical material for the study is the original and localized versions of the games Dishonored 2, Control, and Monster Hunter: Rise. The paper provides a brief overview of scientific research on localization. The analysis of existing studies gives grounds to speak about the relevance of investigating the linguistic aspect of video game localization, its specific features, and interrelation with other aspects of this process. Video game discourse as a multi-genre product, which includes all types of communicative influence, is considered in the paper as a kind of computer discourse based on a number of common features, previously distinguished in the literature. This discourse is creolized text consisting of visual and auditory components. The linguistic component of this discourse is presented in written and audio form. The paper indicates the main types of modern video games depending on the plot and the role of the gamer. A brief overview of the history of the term ‘localization’, which is currently interpreted as the process of adapting a product or content for a particular region or market, is presented. The authors examine the relationship between the concepts of ‘localization’ and ‘translation’ in the context of modern translation studies and translation practice. The paper provides a typology of video game localization levels and a description of its main models. The analysis of video game localization is carried out considering the three ‘blocks’ of localization that require work with linguistic aspects, namely translation: interface, in-game text, subtitles and dubbing. Linguistic and extralinguistic, primarily technical, factors were found to be the main factors complicating the translation process.

Key words: localization; translation; video game; video game discourse; linguistic component of localization; linguistic factors; extralinguistic factors.

УДК 811.111
doi 10.17072/2073-6681-2022-3-26-33

Концепт “insularity” как часть понятийной картины мира британцев и его языковая репрезентация в британском варианте английского языка (на материале языка СМИ)

Луиза Федоровна Мишина

аспирант кафедры английского языкознания

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. lindemannlouise@mail.ru

SPIN-код: 2047-1928

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3666-1332>

ResearcherID: ABG-4396-2021

Статья поступила в редакцию 27.12.2021

Одобрена после рецензирования 12.04.2022

Принята к публикации 23.06.2022

Информация для цитирования

Мишина Л. Ф. Концепт “insularity” как часть понятийной картины мира британцев и его языковая репрезентация в британском варианте английского языка (на материале языка СМИ) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 26–33. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-26-33

Аннотация. В современных гуманитарных науках всё более актуальными становятся исследования, посвященные особенностям различных национальных культур и менталитетов, а также взаимосвязи концептов и культуры. В настоящей статье рассматривается концепт “insularity” как часть понятийной картины мира британцев. Цель данной работы заключается в анализе языковой репрезентации означенного концепта в британском варианте английского языка, в котором менталитет британцев неизбежно находит свое языковое выражение. Это утверждение подкрепляется примерами, взятыми из Британского национального корпуса (The British National Corpus) и британской ежедневной газеты “The Guardian”. Задача исследования состоит в анализе словарных дефиниций лексических единиц, которые представляют собой неотъемлемую часть языкового выражения концепта “insularity”. Отмечаются особенности лексических единиц, являющихся частью вербальной репрезентации концепта “insularity” (отрицательная коннотация, пометы “disapproving” в авторитетных словарных изданиях). Отбор материала производился методом сплошной выборки из контекстов, представленных в Британском национальном корпусе (The British National Corpus) и вышеупомянутой газете “The Guardian”. При проведении исследования применены методы контекстологического, лингвокогнитивного и дискурсивного анализа. На основании анализа употреблений прилагательного “insular”, существительного “insularity”, а также других лексических единиц, используемых для характеристики британцев, делается вывод о роли рассматриваемого концепта в формировании понятийной картины мира жителей Великобритании. Отмечается, что дальнейшие исследования в этом направлении позволят лучше понять менталитет жителей Великобритании и специфические особенности британского варианта английского языка.

Ключевые слова: картина мира; концепт; островное мышление; британский вариант английского языка; Британский национальный корпус.

Введение

В настоящее время в гуманитарных науках всё более злободневными становятся исследования, посвященные анализу специфики той или иной культуры. Подобная направленность современной гуманитарной парадигмы, в рамках которой вопросы национальных языковых картин мира обретают всё большую важность, обуславливает актуальность настоящего исследования, позволяющего выявить особенности как британского варианта английского языка, так и концепта “insularity”. Настоящее исследование вносит вклад в изучение языковой и понятийной картин мира британцев, важной составляющей которых является концепт “insularity”. Цель данной работы заключается в изучении языковой репрезентации концепта “insularity” в британском варианте английского языка, в частности в языке СМИ.

Говоря о британской культуре, стоит отметить, что концепт “insularity” (‘островное мышление’) представляет собой важную составную часть как понятийной, так и языковой картины мира британцев, которых «часто характеризуют как высокомерных снобов, отстраненных и лицемерных, а также как необщительных и сдержанных в проявлении эмоций людей» [Баранова 2018: 41]. М. В. Межова и Е. А. Син подчеркивают, что «британцы любят тишину и уединение: *My house is my castle* (‘Мой дом – моя крепость’) – улыбка на лице англичанина не означает, что вам искренне рады» [Межова, Син 2020: 93].

Представляется целесообразным обратиться к определению понятия «концепт», который, по словам С. Г. Воркачева, является «единицей коллективного знания / сознания (отправляющей к высшим духовным ценностям), имеющей языковое выражение и отмеченной лингвокультурной спецификой» [Воркачев 2004: 7]. О. Д. Вишнякова, в свою очередь, рассматривает концепты как некие единицы, посредством которых человек мыслит и воспринимает окружающую действительность. По её мнению, наиболее важные концепты непременно выражены через языковые средства [Вишнякова 2002: 33].

Как уже было отмечено выше, концепт “insularity” является частью понятийной и языковой картин мира жителей Альбиона. В современной науке понимание языковой картины мира во многом базируется на идеях В. Гумбольдта, который называл язык «духом народа» и считал, что язык «есть орган внутреннего бытия, само это бытие, находящееся в процессе внутреннего самопознания и проявления» [Гумбольдт 2001: 324]. З. Д. Попова и И. А. Стернин определяют

картину мира как «упорядоченную картину знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин 2007: 4]. Понятие «картина мира» непременно включает в себя точку зрения субъекта, его интерпретацию объектов окружающего мира, причем эта точка зрения так же реальна, как и сами объекты [Маслова 2004: 50]. Рассматривая понятие «картина мира», профессор С. Г. Тер-Минасова, в свою очередь, пишет о связи языка и мышления и отмечает, что язык не просто отражает национальный характер, но и активно участвует в его формировании [Тер-Минасова 2000: 135].

Принимая во внимание вышеупомянутую связь, ученые выделяют так называемую «языковую картину мира», которая представляет собой «отражённый средствами языка образ сознания – реальности, модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, репрезентируемых языком» [Кубрякова 2009: 5]. Несмотря на общность языковой и понятийной картин мира, большинство исследователей настаивают на том, что их следует изучать по отдельности. Так, профессор С. Г. Тер-Минасова считает, что понятийная картина мира отражает внешний мир при помощи понятий, основанных на эмпирически полученных нами знаниях, в то время как языковая картина мира представляет реальность через понятийную картину мира [Тер-Минасова 2000: 21].

Далее стоит отметить, что в настоящей работе используются методы контекстологического, лингвокогнитивного и дискурсивного анализа. Как известно, в отечественной науке теория и методика контекстологического анализа связана прежде всего с именем Н. Н. Амосовой, разработавшей теорию контекстологического анализа в ходе исследований английской фразеологии. В ее трудах контекст ограничен рамками предложения. Исследователь рассматривает контекст как единство реализуемого слова и индикатора, принимая во внимание их взаимодействие [Амосова 1963: 28]. Обращаясь к лингвокогнитивному методу, необходимо подчеркнуть, что его цель состоит в реконструкции концепта как мыслительной единицы по данным языка и речи. Анализ ключевых слов или группы слов дает возможность выявить набор определенных семантических признаков, которые в результате последующей когнитивной интерпретации позволяют выявить структуру объективируемого данным языковым средством концепта [Попова, Стернин 2007: 102]. Наконец, дискурсивный анализ базируется на представлении о дискурсе как сложном

коммуникативном явлении, который включает в себя акт создания определенного текста, а также зависимость речевого произведения от различных экстралингвистических факторов, например, знаний о мире, установок и конкретных целей говорящего [Ильин 2002: 6]. Следует также отметить, что методология исследования включает в себя следующие шаги:

1) изучение словарных дефиниций термина “insularity”;

2) контекстный анализ употребления таких лексических единиц, как “insularity” и “insular”;

3) исследование словарных дефиниций лексических единиц, использующихся в анализируемых примерах наряду с существительным “insularity” и прилагательным “insular”.

Анализ вербальной репрезентации концепта “insularity” в британском варианте английского языка

Обратимся теперь к словарным дефинициям лексических единиц “insular” и “insularity”. Стоит подчеркнуть, что в настоящем исследовании мы обращались к таким словарям, как The Cambridge Advanced Learner’s Dictionary (CALD), The Oxford Advanced Learner’s Dictionary (OALD) и The Collins COBUILD Advanced Learner’s English Dictionary (CCALED), так как они относятся к числу авторитетных словарных изданий.

Так, в The Cambridge Advanced Learners’ Dictionary существительное “insularity”, представленное с пометой *disapproving* (‘неодобрительное’), снабжено следующим определением: “The state of being interested only in your own country or group and not willing to accept different or foreign ideas. *To a great extent insularity has shaped the character of Britons for all time*” (CALD). Необходимо отметить, что существительное “insularity” может переводиться и как «островное положение»; в таком случае оно не обладает отрицательной коннотацией.

Прилагательное “insular”, согласно The Oxford Advanced Learner’s Dictionary, имеет два значения:

1. connected with an island or islands;

2. only interested in your own country, ideas, etc. and not in those from outside. Во втором случае прилагательное представлено с пометой *disapproving* (‘неодобрительное’). Примечательно, что пример употребления слова в этом значении посвящен британцам: “*The British are often accused of being insular*” (OALD).

Далее, исследуя концепт “insularity”, необходимо отметить, что в настоящей статье анализируются примеры употребления “insular” и “insularity”, представленные в BNC (Британский нацио-

нальный корпус) и статье “Inside the 6 March edition of the Guardian Weekly: coronavirus – the worst-case scenario”, опубликованной в газете “The Guardian” весной 2020 г. Лексемы, принимаемые за единицу анализа в настоящей работе, отбирались методом сплошной выборки. Обращаясь к BNC, стоит подчеркнуть, что в корпусе представлено 49 примеров употребления существительного “insularity”, два из которых относятся к британцам.

Приведем один из примеров:

To be European in France is to think globally about a French-led political Europe which will challenge the power of Japan and America. But to be European in Lithuania or Scotland is to assert your nationality and the wish to get Moscow or London off your back. To be European in Italy is a logical extension of what is already assumed to be one's natural multiple identity within a family, a city, a region and a nation. And to be European in southern England, is to make a political statement against Thatcherism, philistinism, and English insularity. Where are the boundaries of Europe? (Guardian, elect. edn. of 19891207) (A8W).

Приведенный пример, источником которого является газета “The Guardian”, позволяет предположить, что англичане воспринимают европейцев как людей, которые высказываются против их обособленности, тэтчеризма и филистерства. В рамках анализа необходимо также прокомментировать такие понятия, как “Thatcherism” и “philistinism”.

Тэтчеризм (Thatcherism) – это форма британской консервативной идеологии, названная в честь лидера Консервативной партии Маргарет Тэтчер, которая была сторонником классической формы руководства страной. Рассматриваемое существительное образовано с помощью суффикса -ism, который, согласно The Collins COBUILD Advanced Learner’s English Dictionary, используется для образования слов, обозначающих:

1. политические движения или религиозные верования: “-ism is used to form uncount nouns that refer to political or religious movements and beliefs”;

2. отношение к чему-либо или манеру поведения: “-ism is used to form uncount nouns that refer to attitudes and behaviour”;

3. несправедливое или неприязненное отношение к конкретной группе людей: “-ism is used to form uncount nouns that refer to unfair or hostile treatment of a particular group of people” (CCALED).

Любопытным представляется тот факт, что рассматриваемая морфема может употребляться

и как существительное, которое, согласно The Cambridge Advanced Learners' Dictionary, имеет следующее значение: "a set of beliefs, especially ones that you disapprove of." Стоит отметить, что пример, приведенный в упомянутом словаре, посвящен Маргарет Тэтчер: *Thatcher is unique among her predecessors in having given the English language a brand new ism, created from her own name* (CALD).

Говоря о Маргарет Тэтчер, необходимо сказать, что, по ее мнению, государство не должно было помогать гражданам страны, в связи с чем она не пользовалась общественным признанием и симпатиями британцев. Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что *Thatcherism* имеет отрицательную оценку.

Продолжая анализ примера, стоит обратиться к словарной дефиниции существительного "philistinism". Так, в The Collins COBUILD Advanced Dictionary оно представлено с пометой *disapproving* ('неодобрительное') и снабжено следующим определением: "Philistinism is the attitude or quality of not caring about, understanding, or liking good art, music, or literature" (CCADLED).

В этой связи нельзя не упомянуть Мэттью Арнольда и его работу "Culture and Anarchy", в которой автор, рассуждая о культуре англичан, употребил по отношению к ним существительное 'Philistine' («филистер»), которое, как известно, в философии употребляется по отношению к людям с антиинтеллектуальной социальной позицией: *If it were not for this purging effect wrought upon our minds by culture, the whole world, the future as well as the present, would inevitably belong to the Philistines. The people who believe most that our greatness and welfare are proved by our being very rich, and who most give their lives and thoughts to becoming rich, are just the very people whom we call Philistines* [Arnold 2001: 18].

Приведем еще один пример из BNC:

This quaint description is not a manifestation of that well-known British chauvinism and insularity, but refers to an odd habit the human animal has of inserting bits and pieces of various shapes and sizes into different holes and orifices (Barlow 1979: 107) (ARH).

Как видно, по отношению к жителям Альбиона автор использует не только существительное "insularity", но и "chauvinism", которое представлено с пометой *disapproving* в The Oxford Advanced Learner's Dictionary и снабжено следующим определением: "An aggressive and unreasonable belief that your own country is better than all others." Интересно отметить, что в словаре пример с лексической единицей "chauvinism" по-

священ британцам: *It was a typical case of British chauvinism and insularity* (OALD). Стоит также подчеркнуть, что в одном из примеров из BNC существительное "insularity" употребляется с прилагательным "British", в то время как в другом – с прилагательным "English".

В этой связи стоит упомянуть такие концепты, как "Britishness" и "Englishness", которые нередко отождествляются, несмотря на то что население Британии неоднородно: "It has been common in the past for the English – and others – to say "English" when they should really have said "British". 80% of all British citizens live in England as the political and economic centre of the UK, and England and English has frequently been taken to mean the whole of Britain" [Betts 2020]. По мнению К. Роббинса, "Englishness" – это часть "Britishness": "Traditionally, British national identity was intrinsically linked with the supposed superiority of Britain's political institutions and the spread of the British Empire. By forging the British nation in opposition to others and otherness, it was possible to unite the disparate classes and nations of Britain around the cultural of its dominant nation, England. This of course reflected the fact that it was the English who had the highest stake in the venture. To have celebrated their own English identity, as the creators and directors of Great Britain, would have been impolitic in the extreme" [Robbins 2015: 249].

Концепт "Britishness" – один из наиболее сложных культуроспецифических концептов. Как пишет Т. А. Комова, "Britishness is not simply about something called "the national character", but has to be seen as a nexus of values, beliefs and attitudes which are offered as unique to Britain and to those who identify as, or wish to identify as, British. In other words, Britishness is a state of mind: a belief in a national identity which is part and parcel of one's sense of self" [Комова 2000: 114].

Возвращаясь к концепту "insularity", стоит отметить, что примеры употребления прилагательного "insular" из BNC также представляют интерес для настоящего исследования.

Пример:

Honestly, you Londoners are so insular! It's not the only place in the world (Rees 1992: 43) (H8S).

Приведенный отрывок позволяет сделать вывод о том, что жителей Лондона считают более замкнутыми, чем жителей других городов. Эту идею можно подкрепить цитатой из статьи "Londoners arrogant and insular, according to those outside capital", которая была опубликована в газете "The Guardian" в 2018 г.: *Most people in Britain who live outside London do not believe the capital*

contributes very much to their local area and many consider Londoners arrogant and insular, according to a survey.

Далее необходимо подчеркнуть, что “insular” является не единственным прилагательным с неодобрительной коннотацией, которое употребляется для характеристики британцев.

Проанализируем еще один пример, представленный в BNC:

The polemic is supported by an implicit mythology, in which English culture is presented as insular, complacent, empirical, philistine, unreflective, untheoretical, and generally slumped in dogmatic slumbers (Bergonzi 1990: 15) (A1A). Обратимся к словарным дефинициям прилагательных, которые использованы в приведенном отрывке для описания английской культуры:

complacent – too satisfied with yourself or with a situation, so that you do not feel that any change is necessary; showing or feeling complacency (OALD). В The Oxford Advanced Learner’s Dictionary эта лексическая единица снабжена пометой *disapproving*;

empirical – based on experiments or experience rather than ideas or theories (OALD). Рассматриваемое прилагательное, представленное с пометой *formal*, характеризует британцев как людей, считающих источником знаний и критерием его истинности опыт, наблюдение и эксперимент;

philistine – you can use philistine to describe people or organizations who you think do not care about or understand the value of good art, music, or literature (CCALD). Прилагательное “philistine”, которое снабжено пометой “disapproving” в The Collins COBUILD Advanced Learner’s English Dictionary, происходит от немецкого “Philister” и является презрительным названием человека с узкими взглядами;

unreflective – not exhibiting or characterized by careful thought (CALD). Как видно, британцев характеризуют как людей не только отстраненных, сдержанных, но и легкомысленных, что нельзя назвать положительным качеством;

untheoretical – not theoretical; not belonging or pertaining to the realm of theory; not confined to the theoretical realm (CALD). Прилагательное “untheoretical” описывает английскую культуру как узкопрактическую, недооценивающую теорию.

Языковой анализ позволяет отметить некоторый парадокс: концепт “insularity” представляет собой важный элемент английской культуры, при этом лексические единицы, являющиеся частью его языкового выражения, в авторитетных словарных изданиях представлены с пометой *disapproving*. Интересно также отметить, что,

несмотря на неодобрительное отношение жителей Альбиона к островному менталитету, они никогда не перестают испытывать чувство гордости за свою культуру и свою принадлежность к ней: *Working-class Britain was getting richer, but still housed in dreadful old homes, excluded from higher education, unless part of a small and lucky elite, and deprived of any jobs but hard and boring ones. Eventually, the lid would blow off. Yet to be British was something to be proud of* [Mar 2018: 54].

Обратимся теперь к газете “The Guardian” и приведем отрывок из вышеупомянутой статьи:

For many Britons, the decision to leave the European Union felt almost like a physical removal from the rest of the continent. Britain may be a more insular country than it was on 30 January, but it remains part of Europe. That is partly why the Guardian has launched This is Europe, an ongoing commitment to reporting on the challenges facing Europe – from perspectives both British and not.

Анализируемый пример отражает отношение британцев к выходу Британии из Евросоюза и позволяет отметить еще одно противоречие в их менталитете: несмотря на отчужденность, характерную для жителей Альбиона, они, как отмечает автор, восприняли выход из ЕС как физическое отделение от континента и всё ещё считают себя частью Европы.

Как известно, Великобритания с 1 января 1973 г. была членом Европейского экономического сообщества. С самого начала членства в вышеупомянутом сообществе Великобритания стремилась сохранить самостоятельность в важных экономических и политических вопросах. В 2011 г. депутат Дэвид Наттэлл поднял вопрос о референдуме, посвященном членству Великобритании в ЕС. По его итогам, за выход из ЕС проголосовали 52 % британцев. Весной 2019 г. был принят закон, обязывающий правительство страны просить отсрочку Brexit, чтобы избежать выхода из ЕС без соглашения. Борис Джонсон, заняв пост премьер-министра, заявил, что выведет страну из ЕС с соглашением или без. 31 января 2020 г. Великобритания покинула ЕС, относительно которого общественное мнение страны, как отмечают С. Ю. Антропова и Е. А. Красина, было весьма переменчиво на протяжении всего членства [Антропова, Красина 2019: 269].

Результаты и выводы

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. Прилагательное “insular”, являющееся частью языкового выражения концепта «островное мышление», – не единственная лексическая еди-

ница с пометой *disapproving*, употребляемая для характеристики британцев. К таким лексическим единицам можно отнести слова *complacent* и *philistine*.

2. В культуре британцев можно отметить некоторые противоречия: несмотря на свою отстраненность и выход из ЕС, они считают себя частью Европы. Интересно также отметить, что несмотря на то что концепт “insularity” – важная составляющая языковой и понятийной картин мира британцев, в авторитетных словарных изданиях лексические единицы, являющиеся частью его языкового выражения, снабжены пометой *disapproving*.

3. Для вербальной репрезентации концепта “insularity” преимущественно используется номинализация (*insularity*, *Thatcherism*, *philistinism*, *chauvinism*). Стоит подчеркнуть, что он находит свое языковое выражение и при помощи прилагательных, среди которых можно выделить такие эпитеты, как *complacent*, *empirical*, *unreflective* и *untheoretical*.

4. Дальнейшие исследования концепта “insularity” и его вербальной репрезентации позволят лучше понять не только менталитет англичан, но и особенности их языка.

Список источников и словарей

Barlow D. Sexually transmitted diseases: the facts. Oxford: Oxford University Press, 1979. 188 p.

Bergonzi B. Exploding English. Oxford: Clarendon Press, 1990. 256 p.

CALD – The Cambridge Advanced Learner’s Dictionary. Cambridge University Press, 2010. 1699 p.

CCALED – The Collins COBUILD Advanced Learner’s English Dictionary. Glasgow, Harper Collins Publishers, 2006. 1712 p.

Londoners arrogant and insular, according to those outside capital. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/sep/18/londoners-arrogant-insular-uk-residents-survey> (дата обращения 18.06.2022).

OALD – The Oxford Advanced Learner’s Dictionary. Oxford University Press, 1997. 1428 p.

Rees E. Hunter’s harem. Richmond, Surrey: Mills & Boon, 1992. 196 p.

The British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения 18.06.2022).

Список литературы

Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л.: Типография ЛОЛГУ, 1963. 207 с.

Антропова С. Ю., Красина Е. А. Брексит: закономерная случайность // Власть. 2019. № 1. С. 267–273. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6263>

Баранова Л. Л. Концепт “Insularity” и его языковое выражение в британском варианте английского языка // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения: сб. материалов Четвертого Междунар. науч. сем., посвящ. юбилею С. Г. Тер-Минасовой, Прага, Братислава; Будапешт, 8–15 апреля 2018 г. / отв. ред. О. Д. Вишнякова. Пльзень: Изд-во Западночеш. ун-та Пльзень (Чехия), 2018. С. 40–44.

Вишнякова О. Д. Язык и концептуальное пространство: на материале современного английского языка. М.: МАКС Пресс, 2002. 380 с.

Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. яз. / общ. ред. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 2001. 400 с. URL: <https://www.rulit.me/books/izbrannye-trudy-po-yazyk-koznaniyu-read-213842-1.html> (дата обращения 18.06.2022).

Ильин М. В. Политический дискурс как предмет анализа // Политическая наука. 2002. № 3. С. 7–19.

Комова Т. А. Основы сопоставительной культурологии. М.: Изд-во МГУ, 2000. 214 с.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5–12.

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Мн: ТетраСистемс, 2004. 256 с.

Межова М. В., Син Е. А. Анализ ментальности главных героев русских и английских сказок // Вестник культуры и искусств. 2020. № 4(64). С. 92–96.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 226 с.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.

Arnold M. Culture and Anarchy. URL: <http://public-library.uk/ebooks/25/79.pdf> (дата обращения 18.06.2022).

Betts A. J. Englishness VS. Britishness. URL: <http://www.scribd.com/doc/46669236/ENGLISHNESS-VS-BRITISHNESS> (дата обращения 18.06.2022).

Marr A. A History of Modern Britain. MacMillan, 2018. 247 p.

Robbins K. An imperial and multinational polity, 1832–1922 // Uniting the kingdom? The making of British history. London: Routledge, 2015. P. 249–250.

References

- Amosova N. N. *Osnovy angliyskoy frazeologii* [The Fundamentals of English Phraseology]. Leningrad, Leningrad State University Press, 1963. 207 p. (In Russ.)
- Antropova S. Yu., Krasina E. A. Brekzit: zakonornaya sluchaynost' [Brexit: a natural coincidence]. *Vlast'* [The Authority], 2019, issue 1, pp. 267–273. doi 10.31171/vlast.v27i1.6263. (In Russ.)
- Baranova L. L. Kontsept 'Insularity' i ego yazykovoe vyrazhenie v britanskom variante angliyskogo yazyka [The concept of 'Insularity' and its linguistic manifestation in British English]. *Yazyk, literatura i kul'tura kak grani mezhkul'turnogo obshcheniya: sbornik materialov chetvertogo mezhdunarodnogo nauchnogo seminar, posvyashchennogo yubileyu S. G. Ter-Minasovoy, Praga, Bratislava; Budapesht, 8–15 Aprelya 2018 g.* [Language, Literature and Culture as Facets of Intercultural Communication: Proceedings of the Fourth International Seminar dedicated to the anniversary of birth of S. G. Ter-Minasova, Prague, Bratislava; Budapest, April 8–15, 2018]. Pilsen, University of West Bohemia Press, 2018, pp. 40–44. (In Russ.)
- Vishnyakova O. D. *Yazyk i kontseptual'noe prostanstvo: na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka* [Language and Conceptual Area: based on the material of the modern English language]. Moscow, MAKS Press, 2002. 380 p. (In Russ.)
- Vorkachev S. G. *Shchast'e kak lingvokul'turnyy kontsept* [Happiness as a Linguocultural Concept]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 192 p. (In Russ.)
- von Humboldt W. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. Transl. from German; ed. by G. V. Ramishvili. Moscow, Progress Publ., 2001. 400 p. Available at: <https://www.rulit.me/books/izbrannye-trudy-po-yazykoznaniiyu-read-213842-1.html> (accessed 18 Jun 2022). (In Russ.)
- Il'in M. V. Politicheskiy diskurs kak predmet analiza [Political discourse as a subject of analysis]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2002, issue 3, pp. 7–19. (In Russ.)
- Komova T. A. *Osnovy sopostavitel'noy kul'turologii* [Fundamentals of Comparative Cultural Studies]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 2000. 214 p. (In Russ.)
- Kubryakova E. S. V poiskakh sushchnosti yazyka [In search of the essence of the language]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2009, issue 1, pp. 5–12. (In Russ.)
- Maslova V. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Minsk, TetraSistems Publ., 2004. 256 p. (In Russ.)
- Mezhova M. V., Sin E. A. Analiz mental'nosti glavnykh geroev russkikh i angliyskikh skazok [Russian and English fairy tales main characters mentality analysis]. *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Culture and Arts Herald], 2020, issue 4, pp. 92–96. (In Russ.)
- Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST: Vostok-Zapad Publ., 2007. 226 p. (In Russ.)
- Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and Intercultural Communication]. Moscow, Slovo Publ., 2000. 624 p. (In Russ.)
- Arnold M. *Culture and Anarchy*. Available at: <http://public-library.uk/ebooks/25/79.pdf> (accessed 18 Jun 2022). (In Eng.)
- Betts A. J. Englishness vs. Britishness. Available at: <http://www.scribd.com/doc/46669236/ENGLISHNESS-VS-BRITISHNESS> (accessed 18 Jun 2022). (In Eng.)
- Marr A. *A History of Modern Britain*. MacMillan, 2018. 247 p. (In Eng.)
- Robbins K. An imperial and multinational polity, 1832–1922. *Uniting the Kingdom? The Making of British History*. London, Routledge, 2015, pp. 249–250. (In Eng.)

The Concept of 'Insularity' as Part of British Worldview and Its Linguistic Representation in British English

Luiza F. Mishina

Postgraduate Student in the Department of English Linguistics

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation. lindemannlouise@mail.ru

SPIN-code: 2047-1928

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3666-1332>

ResearcherID: ABG-4396-2021

Submitted 27 Dec 2021

Revised 12 Apr 2022

Accepted 23 Jun 2022

For citation

Mishina L. F. Kontsept «insularity» kak chast' ponyatiynoy kartiny mira britantsev i ego yazykovaya reprezentatsiya v britanskom variante angliyskogo yazyka (na materiale yazyka SMI) [The Concept of 'Insularity' as Part of British Worldview and Its Linguistic Representation in British English]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 3, pp. 26–33. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-26-33 (In Russ.)

Abstract. In modern research, works on peculiarities of various cultures and the connection between concepts and cultures are becoming more and more topical. The article deals with the concept of 'insularity' as part of British conceptual worldview. The purpose is to analyze the linguistic means representing the concept of 'insularity' in British English. British mentality inevitably finds its linguistic manifestation in British English. This statement is supported by examples from the British National Corpus (BNC) and the daily British newspaper *The Guardian*. In the course of research, the author analyzed dictionary definitions of lexemes that form an integral part of the concept in question. These lexical units are noted to carry negative connotations and be labeled 'disapproving' in authoritative monolingual dictionaries. The material was selected from the contexts presented in the BNC and *The Guardian* using the continuous sampling method. The main research methods employed are contextual, linguocognitive, and discourse analyses. The lexical items were taken from authoritative monolingual dictionaries, in which more than a half of the analyzed lexical units are marked as 'disapproving'. Among these were words such as 'complacent', 'philistine', etc. Having analyzed the usage of the words 'insular', 'insularity', and other lexical units as used for characterization of the British, the author draws a conclusion about the role the concept of 'insularity' plays in shaping British conceptual worldview. Further research in the field would promote better understanding of British mentality and the peculiarities of British English.

Key words: worldview; concept; insularity; British English; British National Corpus.

УДК 81'25

doi 10.17072/2073-6681-2022-3-34-43

Об особенностях построения устного монолога-описания на родном и неродном языке: начало текста (на материале описаний комикса Х. Бидструпа «Эликсир для волос»)

Се Жои

аспирант кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. xieruoyi@mail.ru

SPIN-код: 3145-8006

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4044-2458>

ResearcherID: GLT-0499-2022

*Статья поступила в редакцию 28.06.2022**Одобрена после рецензирования 09.08.2022**Принята к публикации 01.09.2022***Информация для цитирования**

Се Жои. Об особенностях построения устного монолога-описания на родном и неродном языке: начало текста (на материале описаний комикса Х. Бидструпа «Эликсир для волос») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 34–43. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-34-43

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей начала (зачина) устных спонтанных монологов, записанных от 8 русских и 20 китайских информантов соответственно на родном и неродном языке. Все тексты представляют собой описания комикса Х. Бидструпа «Эликсир для волос», который можно рассматривать как комбинацию 13 взаимосвязанных картинок, где представлена история одного лысого мужчины. Данный материал является частью корпуса русской монологической речи, созданного в СПбГУ и известного как «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ). Основным методом исследования – сопоставительный. Описание проведено на структурном и лексико-дискурсивном уровнях, снабжено количественными данными и корреляциями с характеристиками информантов: социальными – гендером и уровнем владения русским языком (для китайцев) – и психологическими (психотип говорящего). Анализ материала показал, что построение монолога-описания определяется рядом лексических, культурных и индивидуальных факторов. Спонтанность такого монолога определяет тот факт, что идеальная трехчастная структура (*зачин – основная часть – концовка*) реализуется далеко не всегда. Среди зачинов в проанализированном материале выявлены два типа: *вербальный (именительный темы, «сказочно-нарративный», стартовый прагматический маркер)* и *невербальный (хезитация, паралингвистика)*, а также их комбинации. Наиболее распространенным способом обозначения начала монолога для русских и китайских информантов стали хезитации-вокализации. Китайцы предпочитают вербальное начало, особенно конструкции с именительным темы и «сказочно-нарративный» зачин, а русские – стартовые прагматические маркеры. Результаты анализа могут быть полезны как для коллоквиалистики (теория разговорной речи), так и для практики преподавания русского языка как иностранного (лингводидактика).

Ключевые слова: русская спонтанная речь; монолог-описание; зачин; коллоквиалистика; социолингвистика; психоллингвистика.

Введение

В последние десятилетия внимание лингвистов всё больше привлекает неподготовленная устная речь как наиболее естественная форма существования языка¹. Объектом внимания в

настоящем исследовании является спонтанный монолог-описание. Такой монолог, как важная составная часть корпуса «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ), созданного и разрабатываемого в Санкт-Петербургском госу-

дарственном университете (см. о нем подробнее: [Звуковой корпус... 2013; Богданова-Бегларян и др. 2019]), с одной стороны, в значительной степени лингвистически мотивирован изображением и, соответственно, ограничен тематически, что влечет за собой употребление особого рода конструкций и соответствующей лексики. С другой стороны, такой монолог-описание, будучи неподготовленным, обладает достаточно высокой степенью спонтанности и типичным для устной речи набором соответствующих черт [Звуковой корпус... 2013: 354].

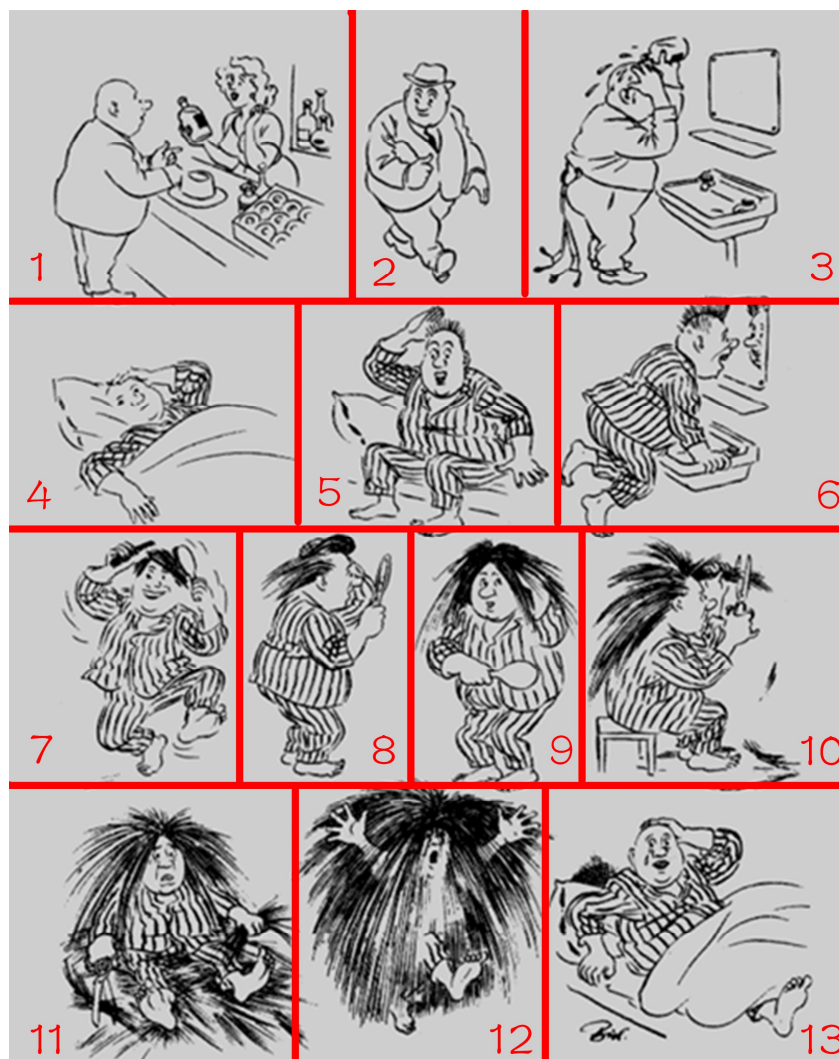
Надо отметить, что корпус САТ содержит монологи на русском языке, записанные не только от русских информантов, но и от носителей других языков, что открывает возможность сопоставительного описания изоморфных текстов, построенных разными говорящими в рамках одного и того же коммуникативного сценария (ср., например, целый ряд таких работ: [Зайдес 2016; Чэн Чэнь 2017; Богданова-Бегларян 2021; Богда-

нова-Бегларян, Се Жои 2021; Kong Chunxia 2021; Кун Чунься 2022]).

Исходные стимулы для монолога-описания в корпусе САТ делятся на два типа: сюжетный и несюжетный. Описания этих двух типов изображений различаются и структурно, и содержательно: в частности, в сюжетных описаниях преобладает динамика, в несюжетных – статика.

Материал, методика анализа и информанты

Материалом для конкретного анализа в настоящей работе стали 28 спонтанных монолог-описаний сюжетного изображения² – истории в картинках (комикса) Х. Бидструпа «Эликсир для волос» (рисунки), которая передает динамическое развертывание сюжета и от описания которой можно ожидать наличия четкого начала и четкого конца. Сопоставительному анализу особенностей зачинов спонтанных монолог-описаний, записанных от носителей русского и китайского языков, и посвящено данное исследование.

Х. Бидstrup. Эликсир для волос
H. Bidstrup. Elixir for Hair

Комикс Х. Бидструпа, предложенный информантам для описания, как видно на рисунке, распадается на 13 картинок. На них представлена история одного лысого мужчины, который купил эликсир для волос, использовал его – и что из этого получилось. Внимание в исследовании сосредоточено на первой картинке, где эта история только начинается. В ходе лингвистического описания материала последовательно учитывались индивидуальные характеристики информантов, что позволило установить корреляции между лингвистическими особенностями текстов монологов, с одной стороны, и социо- и психолингвистическими признаками говорящих – с другой.

Таким образом, основным методом данного исследования является сопоставительный. Другие методы, использованные в настоящей работе: экспериментальный (расшифровка записанного материала), описательный (контекстный анализ материала), корреляционный и квантитативный (простые количественные подсчеты).

Все русские информанты – коренные петербуржцы, студенты-филологи СПбГУ: 4 юноши и 4 девушки, в возрасте (на момент записи) 20–21 года, в том числе 4 экстраверта и 4 интроверта (см. подробнее: [Хан 2013; Звуковой корпус... 2013]). Группа русских испытуемых, таким образом, строго сбалансирована по гендеру и психотипу.

Все китайские информанты – студенты или аспиранты гуманитарных вузов Санкт-Петербурга, в возрасте (на момент записи) от 23 до 28 лет. Среди них 10 юношей и 10 девушек, 10 носителей уровня В2 (ТРКИ-2) и 10 носителей уровня С1 (ТРКИ-3) согласно Российской государственной системе тестирования иностранных граждан [Российская государственная система тестирования... 2021]. Как видно из этих данных, группа носителей китайского языка строго сбалансирована по гендеру и уровню владения русским языком. С точки зрения психотипа среди информантов оказалось 9 интровертов (И), 6 амбивертов (А) и 5 экстравертов (Э).

Результаты анализа материала

Все устные монологи можно рассматривать как тексты трехчастной структуры, в которых есть (должны быть) *зачин* (введение, вступление), *основная часть* и *концовка* (заключение) (см. об этом: [Stubbs 2001: 11]). Однако такая трехчастная структура выдержана далеко не во всех проанализированных монологах. Картина здесь получилась следующая.

Полная трехчастная структура в монологах китайцев выявлена всего в 2 текстах из 20 (10 %), в монологах русских – в 2 текстах из 8 (25 %). Чаще всего монологи-описания были построены по неполной схеме: с зачином, но без концовки – 17 текстов у китайцев (85 %) и 4 текста у русских (50 %), без зачина, но с концовкой – 1 текст у китайцев (5 %), без зачина и без концовки – 2 текста у русских (25 %).

Видно, что большинство информантов (75 % русских и 95 % китайцев) так или иначе начали историю лысого мужчины с зачина. Еще двое русских – девушка-экстраверт и юноша-интроверт – начали монолог прямо с описания поведения героя:

- *молодой человек пошёл в магазин и купил себе эликсир для / роста волос* (Р3, дев., Э)³;

- *человек покупает в магазине-э-э эликсир для роста волос // приходит домой* (Р8, юн., И).

Одна китайка-амбиверт, с более высоким уровнем владения русским языком (С1), решила рассказывать историю от лица персонажа, и у нее получилась целая история – внутренняя речь героя:

- *как же я устал сегодня-я решил полечь по-раньше // мп уснул / в сне / мне [приснился что // ну вы знаете / я же-е [сыто... я же-е [лысый [вз-э [такой расцветого(?) возраст // мне всего тридцать лет / а-а у меня волос ещё... э-э пока не осталось на голове* (К12, дев., А, С1)⁴.

Среди зачинов в проанализированном материале удалось выявить три их типа: вербальный, невербальный и смешанный (комбинация первых двух типов). Рассмотрим эти типы на материале исследования.

Вербальный зачин

Вербальный зачин – это словесное начало монолога, которое также оказалось различным в разных текстах. Представим наиболее типичные варианты.

Именительный темы, или *именительный представления* – фигура речи, на первом месте которой стоит изолированное имя существительное или словосочетание в Им. п., называющее тему последующей фразы/монолога. Это очень распространенный вариант избыточных конструкций разговорной речи [Лаптева 1976; Акимова 1990], использование которых «является результатом желания источника информации донести до получателя информации центры высказывания раздельно, последовательно, тем самым говорящий или пишущий обеспечивает, гарантирует понимание, а следовательно, структурная избыточность конструкций с именитель-

ным темы, безусловно, коммуникативно необходима, коммуникативно значима» [Нечепуренко 2014: 127]. В материале настоящего исследования это было представление либо изображения, либо героя комикса, ср.:

1) *«Эликсир для волос»* / м-м [раньше / о... один мужчина / э-ы [у него [у него / нет [волосы [волосОв (К1, дев., Э, В2) (представление изображения);

2) *чело-век лысый* / он пошёл в магазин чтобы [купить себе / эликсир для волосы (К8, юн., А, С1) (представление героя).

Семеро из 20 китайцев (35 %) начали описание именно с конструкции именительного темы. Из них трое (42,9 %) использовали изолированное словосочетание в Им. п.: *человек лысый; наш герой; один человек*. Остальные 4 информанта (57,1 %) указали тему самого комикса – *«Эликсир для волос»*. Одна китайка-интроверт с уровнем С1 создала более полное введение в описание изображения:

3) *ы это одна [из самых известных [ы карикатур [Бидс-трУна / которая называется «Эликсир для волос»* (К7, дев., И, С1).

Что касается психотипа, то 60 % экстравертов, 33,3 % интровертов и 16,7 % амбивертов использовали конструкцию именительного темы для начала описания. Среди китайских информантов, которые начали монолог таким образом, 71,4 % имеют более высокий уровень владения русским языком С1. Влияния пола в данном случае выявить не удалось: так начали свой рассказ 42,9 % юношей и 57,1 % девушек. Видно, что преобладание девушек есть, но весьма незначительное.

Следующий вид зачинов условно был назван «сказочно-нарративным», он часто встречается в начале нарративов, особенно в сказках, ср.⁵:

- *Однажды Зайцу показалось, что деревья – водоросли, небо – вода, а сам он – рыба. И Заяц поплыл. Заяц плыл, перебирая лапами, подгребая ушами и хвостом* [Сергей Козлов. Кит // «Мурзилка», 2003];

- *Жил-был маленький золотой кораблик. Он очень хотел плавать. Но в воде он тонул, а в небо взлететь не мог* [Дима Курочкин. Маленький кораблик // «Мурзилка», 2003].

В нашем материале такие монологи также встретились:

4) *ы один однажды один пожилой мужчина / он ы пош... он пошёл в магазин / и-и покупал [ы-н [одно [особое средство для [растения волосы* (К6, дев., И, В2).

Интересно, что с такого зачина начали свою историю только китайцы (6 из 20; 30 %), у носителей русского языка таких примеров не встретилось. Может быть, это связано с тем, что рассказ по картинке является типичным упражнением в курсе русского языка как иностранного и такие задания более знакомы китайцам, чем русским, которые сталкивались с ними разве что на уроках родной речи в начальной школе.

Надо отметить, что среди шестерых китайцев, избравших такое начало монолога, большинство – девушки (66,7 %). Что касается психотипа, то среди этих шести информантов оказалось почти поровну экстравертов и интровертов (40 и 44 % соответственно), амбивертов не было вовсе.

Иногда говорящий испытывает затруднения с началом своего монолога, что вполне типично в ситуации неподготовленной речи, и тогда он использует вспомогательные единицы, которые можно квалифицировать как *стартовые прагматические маркеры* (ПМ) (см. о них подробнее: [Прагматические маркеры... 2021]), обычно это десемантизированные модальные и вводные слова, наречия или частицы (*так, значит, ну, вот, какой-то* и под.), ср.:

5) *так [э-э [один [э-э [лысЫе человек [купил-л э-э [себе в магазине [э-э [эликли [э-ликсир для [вОлос* (К16, юн., А, В2);

б) *ну значит какой-то / достаточно полный молодой человек / ну даже не молодой он абсолютно лысый* (Р4, дев., И).

Среди китайских информантов два юноши-амбиверта (10 %) начали свой монолог со стартовыми ПМ, давая себе тем самым больше времени на подготовку речи. При этом русские предпочитают ПМ (3 из 8; 37,5 %), используя такие вспомогательные единицы, как *значит; в общем; так*. Анализ психо- и социолингвистических характеристик говорящих показал, что стартовые ПМ юноши (66,7 %) использовали чаще, чем девушки (33,3 %), и экстраверты (66,7 %) чаще, чем интроверты (33,3 %).

Невербальный зачин

Невербальный зачин – это несловесное начало монолога. Наиболее типичной формой такого зачина являются неречевые звуки (вокализации), физические паузы хезитации и *паралингвистические элементы*. Во всех случаях использование таких элементов дает говорящему дополнительное время для раздумья и подбора слов, чтобы начать монолог-описание. Фактически это – заполненные или незаполненные паузы хезитации. Ср.:

7) *а-ы* [нашего] героя зовут [Антон / и Антон это-о менеджер / од-ной фирме / и-и у него-о / большая проблема / *ы-н* [он лысый / и поэтому / он-н [*ы-н* [он-н до сих пор / не нашёл жену (К3, дев., И, В2)⁶;

8) *н-н* герой [картинок] герой картинок / это о... один [*н* [толстый *н* мужчина / особенно у него нет [волос (К5, юн., А, В2);

9) *э-э* человек / где-то [в возрасте / сорока лет / может ещё больше / сходил в магазин / купить [какое-то средство [*э* для-я [волос (К13, юн., Э, С1).

Большинство китайских информантов (85 %) и половина русских начали монолог с вокализации (*э-н; н-н; э-э; э-м; а-а; а-ы...*), наблюдалось и такое хезитационное явление, как удлинение гласных звуков: *та-а-ак*.

Надо отметить, что из китайцев-экстравертов все (100,0 %) начали свой монолог с неречевых хезитативов, так же как большинство амбивертов (83,3 %) и интровертов (77,7 %). Вполне ожидаемо так начали свои монологи и информанты с более низким уровнем владения русским языком (В2 – 58,8 %; С1 – 41,2 %): им тоже понадобилось дополнительное время для поиска нужных слов. Гендер говорящего опять оказался практически неважен.

Из русских информантов, начавших монолог-описание с хезитации, было 75 % экстравертов и столько же – девушек.

Паралингвистика – это составная часть невербальной *семиотики* (науки о знаках и знаковых системах), изучающей особенности невербального поведения человека. [Звуковой корпус... 2014: 396]. В настоящем исследовании были зафиксированы такие звуковые коды невербальной коммуникации, как *вдох* и *кашель*. Они зафиксированы не в самом начале монолога, но сразу после какого-то иного зачина, как бы встраиваясь в него.

Вдох может отражать отношение информанта к исходному стимульному материалу. В примере (10) *вдох* сопровождается неречевыми звуками (*н-н, н*) и физическую паузу (*л*). Видно, что информант испытывает серьезные затруднения с поиском нужных слов:

10) *н-н* наш герой / <*вдох*> *н* [один толст... толстяк / и-и он был [он [*ы* был лыс [лыс [лысый (К9, юн., И, В2).

Здесь и сам *вдох*, и хезитационные явления важны для информанта, чтобы снять напряжение и подобрать подходящие слова для описания героя. После физической паузы (*л*) юноша-интроверт с уровнем В2 продолжил речь и оборвал

слово *толст...*, заменив его впоследствии на *толстяк*. Надо отметить, что прилагательное *толстый* входит в лексический минимум В2 [Лексический минимум... 2011], а слова *толстяк* там нет, т. е. оно менее знакомо данному информанту, что и потребовало больше времени для подготовки.

В следующем примере (11) информант кашлянул после хезитационного элемента *н-н* – тоже, скорее всего, для того, чтобы выиграть время и дать себе дополнительный шанс подумать:

11) картина по «Эли... [эликсир для вОлосы» / *н-н* <*кашель*> картина на... написала что / мужчина купил [элис... эликсир для вОлосы и он / сначала (К10, юн., Э, С1).

Надо отметить, что паралингвистические элементы использовали в начале монолога-описания только 2 китайских информанта (10 %), и оба они – юноши. У носителей русского языка таких примеров не встретилось вовсе.

Смешанный зачин

Смешанным можно условно назвать начало монолога, в котором испытуемые использовали комбинации разных зачинов, ср.:

12) «*Элипси... [ы-н [ЭИксир / для волосы*» // один человек / он лысый / *н-н* [он хоче... [*ы-н* [*однажды* день [он-н [*ы-н* [шёл ву-у аптеке (К4, дев., И, С1) (именительный темы + хезитация-вокализация);

13) *однажды [э-э [один мужчина / он [э-м пришёл в магазин / э-э [купил [аликсир потому что он сылый* (К15, дев., И, В2) («сказочно-нарративный» зачин + хезитация-вокализация).

У китайских информантов таких зачинов (11 из 20; 55 %) оказалось в 4,4 раза больше, чем у русских (1 из 8; 12,5 %). Это связано с тем, что в каждой комбинации наблюдаются хезитационные элементы, которых в принципе в русской речи китайцев очень много (см. подробнее: [Чэн Чэнь 2017]).

Анализ материала показал также, что зачины в составе комбинаций у китайских информантов, носителей уровня С1, более разнообразны: 60 % из них начали с трех разных зачинов; в то время как 83,3 % носителей уровня В2 объединили только два типа зачина. Гендер говорящего снова большого влияния не оказал: смешанный зачин выявлен в монологах 54,5 % юношей и 45,5 % девушек. Что касается психотипа, то оказалось, что смешанный зачин для начала описания использовали 80 % экстравертов, 44,4 % интровертов и 50 % амбивертов.

Из русских информантов лишь один (12,5 %) использовал смешанный зачин, а именно –

2 стартовых ПМ, хезитационный элемент и именительный темы:

14) *та-а-ак* / «Эликсир для волос» // *Ну я вижу некого / поленького // молодого человека // лысенького* (Р7, дев., И).

В примере (14) информант-девушка начала монолог с типичного стартового ПМ *так*, в котором растянула гласный звук *а*, что является проявлением хезитации. Затем она произнесла название комикса (именительный темы), а после фразовой паузы (//) еще раз использовала стартовый маркер (*ну*), еще давая себе время подумать.

Наблюдения и выводы

Сопоставительный анализ материала позволил сделать ряд выводов.

Идеальная трехчастная структура устного монолога (*зачин – основная часть – концовка*) встречается довольно редко. Можно сказать, что информанты строят свой рассказ по принципу «начал за здравие, а кончил за упокой»: почти все начали с четкого зачина (*вербального, невербального или смешанного*), но мало кто хорошо (с концовкой) закончил. Тем более что все информанты строили свой монолог-описание, выполняя конкретное коммуникативное задание, т. е. действовали сознательно и целенаправленно. Думается, что такой монолог гораздо легче сделать логичным и структурированным, чем, например, монолог в повседневной речи: помогают (особенно в речи на неродном языке) поведенческие стереотипы выполнения такого рода задания. Можно ожидать, что в реальных спонтанных монологах ситуация с трехчастной структурой будет еще хуже (проверку этой гипотезы можно отнести к перспективам исследования в избранном направлении).

Однако наличие четкого начала и четкого конца не является показателем качества монолога. Встретились в материале исследования и структурно идеальные, но содержательно малоинтересные монологи-описания: информанты всё точно и коротко описали, но слова были сухие, без какой бы то ни было стилистической окраски.

Полученные данные показали, что наиболее распространенным способом обозначения начала монолога для русских и китайских информантов стали хезитации-вокализации (50 % русских; 85 % китайцев). Как носители языка, так и иностранцы предпочитают (непроизвольно) использовать невербальные средства, особенно именно хезитации-вокализации, чтобы выиграть время для размышления при столкновении с непостоянной

коммуникативной задачей. Такой «зачин» обычно состоит из одного или двух слогов, и с растяжкой звука: *э-н; н-н; э-э; э-м; а-а; а-ы*. Как видно, этот тип зачинов очень простой, информантам не надо тратить лишние силы на их произнесение, он позволяет говорящему экономично выполнить задачу продления времени.

Кроме того, китайцы чаще, чем русские, используют вербальное начало, особенно конструкции с именительным темы и «сказочно-нарративный» зачин, что может быть связано с тем, что данный сценарий, как одно из типичных упражнений в практике преподавания РКИ, оказался им более знаком.

Но при этом мало кто из китайцев использовал стартовые прагматические маркеры, зато русские, как оказалось, «любят» ПМ, такие как *так, значит, ну, вот*. Подобные маркеры также свидетельствуют, что говорящему нужно больше времени на обдумывание, более того, они заменяют монотонные растяжки звуков и вокализации, делая речь внешне более плавной и свободной, хотя содержательно ничего в нее не вносят.

Что касается корреляции выявленных особенностей начала спонтанного монолога-описания с характеристиками информантов, то среди говорящих как на родном, так и на неродном языке более активными оказались экстраверты: они использовали разные типы зачинов, делая начало своей речи более разнообразным, чтобы и лексически, и психологически подготовиться к последующему описанию. Интроверты в целом и китайцы – носители более высокого уровня владения русским языком (С1), как и можно было ожидать, оказались внимательнее и меньше хезитировали. Более того, мужчины несколько в большей степени предпочитают ПМ и паралингвистические элементы, а женщины – «сказочно-нарративный» зачин и хезитации-вокализации.

Результаты проведенного анализа могут быть полезны как для коллоквиалистики как теории разговорной речи, так и для практики преподавания русского языка как иностранного (лингводидактика).

Примечания

¹ Ср.: речь «есть первое и истинное состояние языка, и всякий язык раскрывается в своей полноте только в живом употреблении, в речи **говорящего** лица (выделение автора. – Ж. С.)» [Гумбольдт 1960: 69], а «в сношениях между людьми нет ничего, кроме звуков и действий» [Дидро 1941: 149]. Ср. также: «Историческое языкознание, вынужденное самым предметом своим ос-

новываться на текстах, досадным образом приучило нас пренебрегать живыми формами, которые нам удастся находить во всей их свежести и непосредственности в современных языках. Учитывая, что **язык создан прежде всего для устного употребления** (выделение мое. – Ж. С.), было бы ошибкой не принимать последнее за норму» [Балли 1955: 34].

² Собственно записи русской речи китайцев провели в свое время аспирантки СПбГУ Чэн Чэнь [Чэн Чэнь 2017] и Кун Чунься [Кун Чунься 2022] – для корпуса САТ и для своих диссертационных исследований. Для настоящей работы были расшифрованы записи монологов-описаний от информантов-китайцев №№ 11-20. Записи и расшифровки для корпуса САТ материала, полученного от носителей русского языка, осуществила Н. А. Хан [Хан 2013].

³ Все примеры в статье атрибутированы с указанием номера информанта: русского (Р...) или китайского (К...), а также его пола, психотипа и уровня владения русским языком (для китайцев).

⁴ Знаком (/) в расшифровках монологов отмечены физические паузы хезитации, *мл* – это причмокивание (звуковой артефакт), *э-э* и *под.* – вокализации, невербальные заполнители паузы хезитации. Об остальных знаках расшифровки звучащего материала см., например: [Кун Чунься 2022: 139–140].

⁵ Оба примера – из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка.

⁶ В отличие от носителей русского языка, информанты-китайцы оказались очень креативными при описании героя комикса: они не ограничились коротким описанием его внешности (*лысый, толстый, пожилой*), но порой дали «герою придуманные имена (*Антон, Александр ЛесИкович и Виктор*), обозначили род его деятельности (*менеджер в одной фирме*) и добавили описание его настроения в момент прихода в магазин: *ему очень грустно; у него <...> большая проблема <...> он лысый и поэтому <...> он до сих пор не нашёл жену; я же лысый <...> [а] мне всего тридцать лет*. Очевидно, что все эти придуманные подробности – тоже следствие привычки китайцев к упражнениям по описанию внешности, но в результате в их монологах персонаж предстает более ярким и живым [Богданова-Бегларян, Се Жои 2021: 287].

Список литературы

Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 166 с.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с 3-го фр. изд. Е. В. и Т. В. Вентцель / ред., вступ. статья и прим. Р. А. Будагова. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.

Богданова-Бегларян Н. В. Идиомы в русской речи носителей других языков: они есть или их нет? (о языковой креативности говорящих на неродном языке) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8, № 3. С. 499–510. doi 10.24147/2413-6182.2021.8(3).499-510

Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В, Зайдес К. Д., Шерстинова Т. Ю. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова / гл. ред. А. М. Молдован. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / отв. ред. вып. В. А. Плунгян. М.: ИРЯ РАН, 2019. С. 111–126.

Богданова-Бегларян Н. В., Се Жои. Особенности построения спонтанного монолога-описания (на материале русской речи носителей русского и китайского языков) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8, № 2. С. 281–295. doi 10.24147/2413-6182.2021.8(2).281-295

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. 2-е изд., доп. М.: Просвещение, 1960. С. 68–86.

Дидро Д. Разговор Даламбера и Дидро // Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат, 1941. С. 143–153.

Зайдес К. Д. Метакоммуникативные вставки в русской устной спонтанной речи на родном и неродном языке // Коммуникативные исследования. 2016. № 3 (9). С. 19–35.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. 396 с.

Кун Чунься. Специфика неподготовленного чтения на неродном языке (комплексное исследование)

дование на материале русской речи носителей китайского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2022. 157 с.

Лантева О. А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976. 399 с.

Лексический минимум по русскому языку как иностранному. 2 сертификационный уровень. Общее владение / ред. Н. П. Андрушина. СПб.: Златоуст, 2011. 164 с.

Нечепуренко М. Ю. Избыточные конструкции разговорной речи // Современная филология: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2014 г.) / отв. ред. Г. А. Кайнова, Е. И. Осянина. Уфа: Лето, 2014. С. 125–128.

Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и авт. предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

Российская государственная система тестирования иностранных граждан. URL: <https://testing-center.spbu.ru/ekzameny/russia/trki.html> (дата обращения: 01.02.2022).

Хан Н. А. Устные спонтанные монологи разговорного типа в коммуникативно-дискурсивном аспекте (на материале Звукового корпуса русского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 285 с.

Чэн Чэнь. Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. 285 с.

Kong Chunxia. «Text about Text», or «Communication about Communication» (Based on the Material of Unprepared Reading of Russian Texts by Native Speakers of Russian and Chinese Languages) // Коммуникативные исследования. 2021. № 3. С. 547–559. doi 10.24147/2413-6182.2021.8(3).547-559

Stubbs M. Words and Phrases: Corpus Studies of Lexical Semantics. Oxford, Blackwell, 2001. 11 p.

References

Akimova G. N. *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo yazyka* [The New in the Syntax of the Modern Russian Language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1990. 166 p. (In Russ.)

Bally S. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and Issues of the French Language]. Transl. by E. V. Vintsel and T. V. Vintsel. Ed., introd., comment. by R. A. Budagov. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1955. 416 p. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V. Idiomy v russkoy rechi nositeley drugikh yazykov: oni est' ili ikh net? (o yazykovoy kreativnosti govoryashchikh na ne-

rodnom yazyke) [Idioms in Russian spontaneous speech used by non-native speakers: do they exist or not? (About the linguistic creativity of non-native speakers)]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 2021, vol. 8, issue 3, pp. 499–510. doi 10.24147/2413-6182.2021.8(3).499-510. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V., Blinova O. V., Zaides K. D., Sherstinova T. Yu. Korpus 'Sbalansirovannaya annotirovannaya tekstoteka' (SAT): izuchenie spetsifiki russkoy monologicheskoy rechi [Corpus 'Balanced annotated text library': Studying the specific features of Russian monologic speech]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 21. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: issledovaniya i razrabotki* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute. Issue 21. The National Corpus of the Russian Language: Research and Developments]. Ed. by V. A. Plungyan. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Press, 2019, pp. 111–126. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V., Xie Ruoyi. Osobnosti postroeniya spontannogo monologa-opisania (na materiale russkoy rechi nositeley russkogo i kitayskogo yazykov) [Features of construction of a spontaneous monologue-description (on the material of Russian speech by the native speakers of Russian and Chinese languages)]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 2021, vol. 8, issue 2, pp. 281–295. doi 10.24147/2413-6182.2021.8(2).281-295. (In Russ.)

von Humboldt V. O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyaniya na dukhovnoe razvitiye chelovecheskogo roda [On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of the human race]. Zvegintsev V. A. *Istoriya yazykoznaniiya XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [History of linguistics of the 19th and 20th centuries in essays and extracts]. 2nd enlarged ed. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1960, pt. 1, pp. 68–86. (In Russ.)

Diderot D. Razgovor Dalamberta i Diderota [Conversation between d'Alembert and Diderot]. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Moscow, Gospolizdat Publ., 1941, pp. 143–153. (In Russ.)

Zaides K. D. Metakommunikativnye vstavki v russkoy ustnoy spontannoy rechi na rodnom i nerodnom yazyke [Meta-communicative insertions in Russian oral spontaneous speech of native speakers and foreigners]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 2016, issue 3 (9), pp. 19–35. (In Russ.)

Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya monografiya. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie. [The Speech Corpus as the Material for the Analysis of the Russian Speech. Collective Monograph. Pt. 1. Reading. Retelling. Description]. Ed. by N. V. Bogdanova-Beglaryan. St. Petersburg, Faculty of Philology of Saint Petersburg State University Press, 2013. 532 p. (In Russ.)

Zvukovoy korpus kak material dlya analiza russkoy rechi. Kollektivnaya Monografiya. Chast' 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza. Tom 1. O nekotorykh osobennostyakh ustnoy spontannoy rechi raznogo tipa. Zvukovoy korpus kak material dlya prepodavaniya russkogo yazyka v inostrannoy auditorii [The Speech Corpus as the Material for the Analysis of the Russian Speech. Collective Monograph. Pt. 2. Theoretical and Practical Aspects of Analysis. Vol. 1. On Some Features of Spontaneous Speech of Various Types. A Speech Corpus as Material for Teaching the Russian Language to Foreign Audience]. St. Petersburg, Faculty of Philology of Saint Petersburg State University Press, 2014. 396 p. (In Russ.)

Kong Chunxia. *Spetsifika nepodgotovlennogo chteniya na nerodnom yazyke (kompleksnoe issledovanie na materiale russkoy rechi nositeley kitayskogo yazyka)*. Diss. kand. filol. nauk [The peculiarities of unprepared reading in a non-native language (A comprehensive study on the material of the Russian speech of native Chinese speakers). Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2022. 157 p. (In Russ.)

Lapteva O. A. *Russkiy razgovornyy sintaksis* [Russian Colloquial Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 399 p. (In Russ.)

Leksicheskiy minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu. 2 sertifikatsionnyy uroven'. Obshchee vladenie [Lexical Minimum in Russian as a Foreign Language. 2nd Certification Level. General Proficiency]. Ed. by N. P. Andryushina. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2011. 164 p. (In Russ.)

Nechepurenko M. Yu. *Izbytochnye konstruksii razgovornoy rechi* [Redundant constructions of the colloquial speech]. *Sovremennaya filologiya: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Ufa, Iyun' 2014)* [Modern Philology: Proceedings of the 3rd International Scientific Conference (Ufa, June 2014)]. Ed. by G. A. Kaynova, E. I. Osyanina. Ufa, Leto Publ., 2014, pp. 125–128. (In Russ.)

Pragmaticheskie markery russkoy povsednevnoy rechi: Slovar'-monografiya. [Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: Dictionary-Monograph]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2021. 520 p. (In Russ.)

Rossiyskaya gosudarstvennaya sistema testirovaniya inostrannykh grazhdan [Russian State System of Testing Foreign Citizens]. <https://testing-center.spbu.ru/ekzameny/russia/trki.html> (accessed 1 Feb 2022). (In Russ.)

Khan N. A. *Ustnye spontannyye monologi raznogo tipa v kommunikativno-diskursivnom aspekte (na materiale zvukovogo korpusa russkogo yazyka)*. Diss. kand. filol. nauk [Oral spontaneous monologues of various types in the communicative and discursive aspect (based on the material of the speech corpus of the Russian language). Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2013. 285 p. (In Russ.)

Cheng Chen. *Khezitatsii v russkoy ustnoy rechi nositeley kitayskogo yazyka*. Diss. kand. filol. nauk [Hesitations in Russian speech of native Chinese speakers. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2017. 285 p. (In Russ.)

Kong Chunxia. 'Text about text', or 'Communication about communication' (based on the material of unprepared reading of Russian texts by native speakers of Russian and Chinese languages). *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 2021, issue 3, pp. 547–559. doi 10.24147/2413-6182.2021.8(3).547-559. (In Eng.)

Stubbs M. *Words and Phrases: Corpus Studies of Lexical Semantics*. Oxford, Blackwell, 2011. 11 p. (In Eng.)

Construction of an Oral Monologic Description in the Native and Non-Native Language: the Beginning of the Text (based on the descriptions of the comic strip by Herluf Bidstrup ‘Elixir for Hair’)

Xie Ruoyi

Postgraduate Student in the Department of Russian Language

Saint Petersburg State University

7–9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. xieruoyi@mail.ru

SPIN-code: 3145-8006

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4044-2458>

ResearcherID: GLT-0499-2022

Submitted 28 Jun 2022

Revised 09 Aug 2022

Accepted 01 Sep 2022

For citation

Xie Ruoyi. Ob osobennostyakh postroeniya ustnogo monologa-opisaniya na rodnom i nerodnom yazyke: nachalo teksta (na materiale opisaniy komiksa Kh. Bidstrup «Eliksir dlya volos») [Construction of an Oral Monologic Description in the Native and Non-Native Language: the Beginning of the Text (based on the descriptions of the comic strip by Herluf Bidstrup ‘Elixir for Hair’)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 3, pp. 34–43. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-34-43 (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of the beginnings of spontaneous monologic descriptions and their peculiarities. The descriptions were recorded from 8 Russian and 20 Chinese informants when speaking in Russian, i.e. when speaking in the native and non-native language, respectively. All texts are descriptions of Herluf Bidstrup’s comic strip *Elixir for Hair*, which represents a series of 13 interconnected pictures telling a story of a bald man. This material is part of the corpus of Russian monologic speech created at Saint Petersburg State University and known as the Balanced Annotated Text Library (SAT). The main research method is comparative. The description of the material was performed at the levels of discourse and structure, it is provided with quantitative data and correlations with the characteristics of the informants: social characteristics – gender and the level of Russian language proficiency (for the Chinese) – and psychological characteristics (extroverts / ambiverts / introverts). The analysis of the material showed that the construction of a monologic description is determined by a number of lexical, cultural, and individual factors. The spontaneity of such a monologue is determined by the fact that the ideal three-part structure (beginning – main part – ending) is not always realized. Among the beginnings in the analyzed material, two types were identified: verbal (*nominative themes, ‘fabulous-narrative’ beginning, starting pragmatic marker*) and non-verbal (*hesitation, paralinguistics*), as well as their combinations. The most common way to indicate the beginning of a monologue for the Russian and Chinese informants was hesitation-vocalization. The Chinese prefer the verbal beginning, especially constructions with nominative themes and ‘fabulous-narrative’ beginnings, while the Russians prefer starting pragmatic markers. The results of the analysis can be useful both for colloquialistics (the theory of colloquial speech) and for the practice of teaching Russian as a foreign language (linguodidactics).

Key words: Russian spontaneous speech; monologic description; beginning; colloquialistics; sociolinguistics, psycholinguistics.

УДК 81'33:81'42

doi 10.17072/2073-6681-2022-3-44-55

Язык оценок в научном дискурсе: терминологическое поле и методологические подходы

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
«Язык оценок в научных гуманитарных практиках Германии и России» № 22-28-01024*

Валерия Евгеньевна Чернявская**д. филол. н., профессор Высшей школы лингводидактики и перевода****Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого**

195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 19. Chernyavskaya_ve@spbstu.ru

исполнитель гранта РФ**Санкт-Петербургский государственный университет**

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

SPIN-код: 5173-6746

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6039-6305>

ResearcherID: A-1304-2017

*Статья поступила в редакцию 20.04.2022**Одобрена после рецензирования 22.05.2022**Принята к публикации 10.06.2022***Информация для цитирования**

Чернявская В. Е. Язык оценок в научном дискурсе: терминологическое поле и методологические подходы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 44–55. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-44-55

Аннотация. Представлен аналитический обзор теоретико-методологических подходов в российских и зарубежных исследованиях к изучению языка оценок. Полученные данные основаны на анализе научных публикаций по теме на русском и английском языках. Как релевантные источники отбирались публикации в рецензируемых журналах и/или главы в монографиях в период с 1990 по 2022 г., индексируемые в базах RSCI, Scopus, WoS, Erih Plus. При поисковом запросе задавались русскоязычные термины *оценка, оценочность*, английские термины *evaluation, stance, appraisal, voice*. На основе контекстуально-интерпретативного анализа, сравнительно-сопоставительного анализа литературы, аналитического обзора теоретических концепций определено актуальное состояние и основные тенденции изучения языка оценок и оценочности в прагмалингвистике, лингвистике текста, дискурсивном анализе, лингвистической аксиологии, определен терминологический аппарат, используемый для описания языка оценок. Выявлено, что для описания оценочного отношения субъекта используются термины «оценка», «оценочность» в публикациях на русском языке, в англоязычных публикациях сложился диверсифицированный терминологический аппарат. Анализ проведен как междисциплинарный, межкультурный и межъязыковой. В изучении оценок в лингвистическом анализе ключевое значение имеют несколько исследовательских перспектив: анализ авторского голоса, субъектной позиции, заметной в структуре текста; изучение широкого спектра оценочных значений, показывающих отношение автора к предмету высказывания, коммуникативному партнеру, скоординированность с другими голосами, диалогическую включенность голоса автора в другие субъектные позиции.

Ключевые слова: оценка; ценность; эпистемическая оценка; язык оценки; научный текст.

Введение

Оценка является центральной категорией в изучении научной коммуникации и одновременно точкой кристаллизации нескольких исследовательских направлений. Оценка значима в связи с определением качества научного результата, качества научного текста, предлагаемого к публикации, оценка включена в процедуры принятия решений в связи с запросами на грантовое финансирование исследований, в связи с глобальной состязательностью отдельных исследователей, научных школ, университетских центров, национальных наук в мировом масштабе. Специалисты говорят о расширении сфер применения оценочных процедур по причине усложнения отношений научного сообщества и общества. Оценка – это «прагматический инструмент в структуре профессиональной научной деятельности» специалиста [Нефедов 2021: 760]. Оценка и процедуры оценивания детально и глубоко изучались в философии, социологии, социологии науки, науковедении начиная с 1970-х гг. в проекции эпистемической значимости и стандартов оценки. Одновременно в мировой практике сложились несколько исследовательских фокусов на оценочность и язык оценок в лингвистике в связи с изучением жанровой специфики текстов, в прагматике и функциональной стилистике в связи с изучением языковых ресурсов, выбираемых для выражения различных коммуникативных и прагматических задач субъекта речи. Исследовательский подход к оценке возможен с нескольких точек доступа, что обуславливает многообразие терминологии, сложившейся в глобальном научном пространстве.

В рамках статьи объектом анализа являются лингвистические аспекты оценочности. Это значит, что интерес представляют оценочные суждения, для которых субъект выбирает языковые средства. Предлагается аналитический обзор сложившихся теоретико-методологических подходов, как отечественных, так и зарубежных, к изучению языка оценок. Если в публикациях на русском языке используются определенные и очевидные термины «оценка», «оценочность», то в мировом контексте в англоязычных публикациях сложился диверсифицированный терминологический аппарат для описания оценки. Для описания оценочного отношения и связанных с ним предметов изучения используются термины *appraisal, evaluation, stance, voice u metadiscourse*. Обзор специальных исследований решает существенную задачу, а именно проясняет плюрализм существующих подходов к понятию «оценка» и «оценочность», раскрывает их объяснительные возможности и исследовательский инструментарий, с которым работает лингвист. Предлагае-

мый аналитический подход может быть определен как междисциплинарный, поскольку выявляется и сравнивается терминологический аппарат изучения и описания языка оценок в прагматической лингвистике, лингвистике текста, дискурсивном анализе, лингвистической аксиологии. Одновременно реализован межкультурный и межъязыковой анализ, так как принимаются во внимание подходы внутри различных национальных академических традиций, научных школ, базирующиеся на культурно-языковой вариативности в выражении оценок в русском, немецком, английском языках. Применительно к оценке в научной коммуникации это приобретает особую значимость, поскольку именно в научной коммуникации наиболее отчетливо выражено доминирование англоязычной академической традиции и англоязычных образцов текстопостроения и культурно-специфических норм. Выражение оценочного отношения связано с культурно-языковой спецификой.

Методология

Полученные данные основаны на анализе научных публикаций по теме на русском и английском языках. Как релевантные источники отбирались публикации в рецензируемых журналах и / или главы в монографиях в период с 1990 по 2022 г., индексируемые в базах RSCI, Scopus, WoS, Erih Plus. При поисковом запросе задавались соответственно русскоязычные термины *оценка, оценочность*, английские термины *evaluation, stance, appraisal, voice*. На основе контекстуально-интерпретативного анализа, сравнительно-сопоставительного анализа литературы, аналитического обзора теоретических концепций, с учетом метода словарных дефиниций определено актуальное состояние и основные тенденции изучения языка оценок и оценочности в лингвистике, определен терминологический аппарат, используемый для описания языка оценок. Проведен сравнительный анализ основных объяснительных подходов и эмпирических исследований оценки в прагматически ориентированной и функциональной лингвистике, стилистике, дискурсивном анализе, лингвоаксиологии. На заключительном этапе проведен сравнительно-сопоставительный анализ концепций и методов в зарубежных научных школах, англо- и немецкоязычных публикациях с теоретическими положениями, выдвинутыми российскими исследователями.

Теоретические подходы к изучению оценки

Изучение языка оценок находится в точке пересечения нескольких исследовательских перспектив. В науковедении, гносеологии оценка (операция оценивания) понимается как способ установления значимости чего-либо для субъекта

в процессе его познавательной или коммуникативной деятельности, это одновременно форма рефлексивного отношения субъекта к себе или к предмету. В логике оценка рассматривается и как особый прием обоснования утверждений [Ивин 1970]. Логико-философская интерпретация оценки связана с оценочными предикатами *хорошо / плохо* [Арутюнова 1984; Вольф 1985]. Это можно рассматривать как известное сужение концепта оценки до семантики лексем *хорошо / плохо*, когда берется только центральная область когнитивной категории оценки. С лингвистической точки зрения такое сужение не оправдано, поскольку исключало бы большой пласт языковых явлений, реализующих процедуру оценивания так сказать на периферии от центральной части [Баранов 1989: 74–75]. Оценка реализуется и как квалификация, т. е. описание качеств и характеристик (доказанный факт, необходимое условие), и как модальность мнения, выражение уверенности, окончательности, определенности (*разумеется, конечно, по-видимому, кажется*); как выражение эмоций и чувств (к *сожалению, желательно, удивительно, интересно*), см., например: [Нефедов 2021: 764]. В оценку включены ценностно-ориентированные концепты (*правильный* значит *истинный*, *неправильный* значит *ложный*). Одновременно оценка включает и те понятия, которые могут далеко отстоять от ценностных категорий, например количественная оценка (*недостаточный материал, достаточно ясно*). Такое определение оценки основано на представлениях о когнитивной процедуре оценивания, ее составляющих и этапах. В ранних исследованиях указывалось, что оценивание включает по крайней мере следующие важнейшие компоненты: выбор объекта (предмета) оценки; выбор признака (основания) оценки; сопоставление предмета оценки с оценочным признаком; выбор значения признака оценки; приписывание значения признака оцениваемому объекту; ориентация на возможность участия в процессе принятия решения (последний включает выявление альтернатив разрешения проблемной ситуации, оценку альтернатив, выбор одной из них) [Баранов 1989: 75]. При этом не следует упрощать ситуацию оценки, она не требует обязательного последовательного продвижения от одного уровня к другому. Представленная процедура являет собой инвариант, допускающий и предполагающий вариативность оценочных ситуаций.

Понятие «оценочность» традиционно рассматривается в связи с другим – «ценность». Оценка включена в ценностно-ориентированную, аксиологическую деятельность субъекта, т. е. особую когнитивную деятельность, направ-

ленную на осознание ценности некоторого объекта. Оценка действует как мыслительная операция уяснения связей одного объекта с другим, уяснения характера и значимости этих связей.

Ценность, в свою очередь, является междисциплинарной категорией и изучается в нескольких научных направлениях, которые предлагают различные определения ценности и неоднозначно определяют ее онтологический статус. Так, *ценность* изучается как *психологическая категория*. Понятие ценностной ориентации субъекта разрабатывается с 1980-х гг. в советской, российской психологии и связано с теорией мотивации личности С. Л. Рубинштейна. Ценностная ориентация изучается как часть устойчивого отношения личности к внешним ситуациям и объектам, закрепленное жизненным опытом, способностью отделять существенное от несущественного. Ценность в таком понимании является частью смысловой регуляции личности и тождественна понятию «мотив», см.: [Леонтьев 2003].

Ценность изучается как *антропологическое и социальное явление*. Ценности возникают в ходе целесообразной, социально значимой деятельности человека, внутри культурных практик. Ценность может быть представлена как «идеальная модель какого-либо явления. Идеальность трактуется как набор требований к этому явлению, которое, стало быть, необходимо либо изменить, либо соотнести (оценить) в соответствии с моделью. Модель эта включает субъективные требования человека, которые, однако, трудно отделимы от объективных» [Докучаев 2009: 20]. Ценность в такой интерпретации выступает как порождающая модель человеческой деятельности и ее продуктов.

Аналитический обзор современных социально ориентированных подходов к интерпретации ценностей представлен в работах [Молодыхченко 2015а; Молодыхченко 2016], там же см. подробные ссылки на исследования 1990–2020-х гг. Ценность можно рассматривать в нескольких проекциях: во-первых, как оценку действий людей в рамках традиционных этических и эстетических координат «хорошо» и «плохо», «прекрасно» и «безобразно». Такая оценка опирается на убеждения индивида о принципах, которых должен придерживаться человек в отношениях с другими членами социума. С другой стороны, ценности могут выступать как обобщенные понятия, закрепленные в концептах, например, «справедливость», «демократия», «равенство» и т. п. Третий подход – понимание ценностей как субъективных конструкторов, личных предпочтений, регулирующих взаимодействие личности с окружающим миром.

Как важный вывод из анализа современных дискуссий следует считать предложенное Е. Н. Молодыченко разделение понятия ценности, производного от языкового значения лексемы «ценность», и собственно терминологического, используемого в социальных, психологических теоретико-методологических разработках. Это значит, что следует различать ценность как «идеальное (когнитивное) образование – “модель должного” (a value), задающую ориентиры человеческой деятельности», и высказывания, «те случаи, когда что-либо номинируется “ценным” как вытекающее из языкового значения лексемы и практики её речевого употребления <...> Подобные высказывания следует трактовать как утверждение о том, что некоторый объект или явление обладает той или иной значимостью. Такая значимость может определяться соотношением с ценностной моделью, но сама по себе не есть ценность» [Молодыченко 2016: 92]. Это методологически значимое заключение для исследований, которые выполнены как лингвистические и дискурсивно ориентированные, с позиции критического и некритического дискурсивного анализа. «Ценность представляет собой психологический и социальный феномен, а ценностный смысл – это компонент семантики текста, доступный для интерпретации при использовании лингвистических методов и процедур анализа» [Молодыченко 2015а: 59].

Определение чего-либо как ценного связано с рефлексией субъекта. Это значит, что «характеристика чего-либо станет оценкой лишь тогда, когда мы захотим этого – выберем ее из некоторого парадигмального ряда (множества) характеристик, внутренне обоснуем этот выбор и свяжем с возможным принятием решений» [Баранов 1989: 87]. Преобладание оценочного компонента значения придает высказыванию отчетливо выраженную рекомендательную функцию [там же: 76]. Е. Н. Молодыченко говорит в этой связи об участии оценки в создании инструктивности высказываний, содержащих оценочные языковые единицы, об их “how-to” направленности [Молодыченко 2020: 123 и след.].

Итак, сформулируем в качестве промежуточного итога: оценивание – это глубинный мыслительный процесс, имеющий свою «когнитивную онтологию» [Серебрянникова 2011: 40] и одновременно социальную укорененность в общественных практиках человека, поскольку задается социокультурными целеустанавливающими ориентирами. Аксиологическая деятельность выражается через оценочные суждения, для которых субъект выбирает языковые средства. Оценка объективируется в языке. Исследование ценностных смыслов происходит через семанти-

ку языковых единиц, через выявление и систематизацию тех языковых значений, с помощью которых выражаются ценностные смыслы.

Терминологический аппарат в исследовании языка оценок

Лингвистические аспекты в изучении языка оценки связаны с несколькими ключевыми вопросами. Первое – это вопрос о том, как в речевой структуре / тексте может быть выражена субъектная позиция автора, его голос. Второе – как субъект выражает свое оценочное отношение – одобрение, согласие, критику и т. п. к содержанию (предмету) высказывания и к партнеру по коммуникации.

В российском исследовательском пространстве в публикациях на русском языке используются термины «оценка», «оценочность». В публикациях, выражающих англоязычную академическую традицию, сложился более диверсифицированный терминологический аппарат для описания оценки. Используются следующие термины *appraisal*, *evaluation*, *stance*, которым в русском языке соответствуют «оценка», «оценочное отношение». Также в этой связи используются понятия *voice* / «голос автора» и *meta-discourse* / «метадискурс».

Как сопоставимые и близко подходящие друг к другу в значении «оценка» используются два термина: *evaluation* [Thompson, Hunston 2000; Hyland, Diani 2009; Hood 2010] и *appraisal*. Термин *appraisal* характеризует исследования языка оценки, которые сложились в международных разработках вслед за предложенной типологией языка оценки в работах Дж. Мартина и П. Уайта [Martin, White 2005; Martin, Rose 2007]. Они, в свою очередь, опираются на системную функциональную лингвистику М. Хэллiday [Halliday 1978]. Акцент на функциональности означает здесь, что язык развивается как детерминированный особыми функциями, которым должна служить языковая система. Соответственно, язык оценок настраивается на выражение разных интенций и прагматических установок человека. Предложенный этими исследователями подход применяется к анализу оценки в различных сферах коммуникации – повседневного общения, СМИ, академической и научной коммуникации.

Оценка (*appraisal*) изучается на уровне семантики текста (*discourse semantics*) и определяется как собирательное понятие, включающее все языковые средства с семантикой оценки, которые субъект речи применяет для выражения позиции [Martin, White 2005]. В этом смысле оценка рассматривается как выражение трех категориальных типов оценки. Первый – выражение *отношения* (*attitude*), что характеризует эмоцио-

нальное состояние радости, страха, восхищения, удивления и др. Второй – *градуальность* (*graduation*), определение степени интенсивности выражения оценки. Третий – выражение диалогической *включенности* (*engagement*) голоса автора в иные позиции и соотносительность с иными точками зрения в тексте. Термином «включенность» (*engagement*) характеризуются те средства, которые соотносят голос автора, субъекта речи с иными позициями, голосами, в том смысле полифоничности высказывания, в котором это определил М. Бахтин (В. Волошинов). Речь идет, таким образом, об интертекстуальной соотносительности одного высказывания с другим(и), о том, как субъект речи отвечает на вопрос, поставленный другим(и), как реагирует на другие точки зрения.

Каждый из трех типов оценки в типологии П. Мартина и Дж. Уайта может быть далее дифференцирован на функционально-семантические подтипы. «Отношение» (*attitude*) разделяется на 1) «аффект» (*affect*), т. е. выражение эмоций, чувств; 2) «суждение» (*judgment*), что подразумевает средства оценки поведения, действий людей; 3) «значимость» (*appreciation*), для этого используются языковые средства описания ценности, значимости объекта.

«Градуальность» подразделяется на средства создания более или менее интенсивной оценки, ее (де)интенсификации (терминологически это выражается как «сила» (*force*)), например, за счет ограничения *некоторые, немногие недостатки, особенно значимо, так трогательно* (*most important, so touchy*), и на средства акцентирования оценки, выдвигания ее в фокус внимания в структуре текста (*focus*).

«Включенность» (*engagement*), соответственно, предполагает монологическую (*monogloss*) и полифоническую позиции (*heterogloss*), когда авторская позиция как источник оценки соединяется с другими голосами, одобряющими, отвергающими, критикующими, принимающими что-либо. С такой точки доступа оценка попадает в перспективу интертекстуальности как механизма смыслообразования в научной коммуникации.

Научный текст по сути интертекстуален. Научное знание развивается как преемственное и поступательное, как заимствование предшествующего знания и как критическое переосмысление традиций, новаторство. Каждый новый фрагмент знания выстраивается на основе предыдущего с различной степенью обобщения и углубления. Научная логика предопределена ориентацией ученого на ту или иную уже существующую теорию. Поэтому научное знание представляется в тексте с прозрачными скрепами и переходами между исходными и дополняющими понятиями, между чужим и своим, старым и новым знанием.

Интертекстуальность выражает диалогичность как особый способ смысло-и текстопостроения в научной коммуникации. Оценочность как «включенность» проявляет себя в эксплицитных языковых сигналах обращенности к другому исследователю, в цитатах и разных видах косвенной речи, для обзора и детальной библиографии, см.: [Баженова 2001; Чернявская 2017].

Другой термин, принятый в англоязычных исследованиях оценки, – *stance* (*оценочная позиция*). Он используется для обозначения оценочного отношения, выраженного лексически или грамматически, касающегося пропозиционального содержания высказывания, ср.: “the lexical and grammatical expression of attitudes, feelings, judgments, or commitment concerning the propositional content of a message” [Biber, Finegan 1989: 94]. Выражение позиции (*stance*) характеризует те способы и средства, которыми субъект речи выражает свое отношение к тому, что он представляет, которыми комментирует содержательные аспекты, чтобы раскрыть, сделать понятными свои эпистемическую и эмоциональную оценки. Оценочная позиция может быть уточнена по основаниям *положительно / отрицательно*, т. е. реализовываться как эмоциональная оценка, по основаниям *определенно / неопределенно, доказательно / недоказательно*, т. е. выступать как эпистемическая оценка и как отношение к той форме, которую субъект речи выбирает, чтобы выразить информацию (*style stance*), см. подробнее: [Aull et al. 2017; Conrad, Biber 2000; Biber 2006; Chang, Schleppegrell 2011; Grey, Biber 2012]. В англоязычных публикациях, которые используют понятие *stance*, обозначены несколько направлений анализа. Выражение позиции показывается как включающее в себя средства смягчения оценки (*hedge*), ее усиления (*boosters*) и средства авторизации и выдвигания субъекта сообщения в структуре текста через его номинации, в форме местоимений 1-го лица единственного и множественного числа я/мы и др., ср.: [Crompton 1997; Gross, Chesley 2012; Hunston, Thompson 2000; Hu, Cao 2011; Hyland 2000; Lewin 2005]. В таком значении вместе с термином *stance* в англоязычных исследованиях используется *metadiscourse* / метадискурс [Gillaerts 2014].

Еще одно понятие *voice* (*голос автора*) выступает как самое широкое и выходящее за рамки изучения языка оценок. «Голос» как диалогическая позиция отражает взаимодействие автора и его читателя, их отношения между собой, настроенность на адресата [Bondi 2012; Bondi 2014; Hyland, Guinda 2012; Matsuda, Tardy 2007; Peng 2019; Sanz 2011]. В работе [Tardy 2012] называются три измерения, в которых может быть определен голос автора: индивидуальный,

социальный, диалогичный голос. Индивидуальный аспект характеризует присутствие автора в тексте, его уникальный и узнаваемый отпечаток (the writer's unique and recognizable imprint) [Tardy 2012: 37], прочитывающийся в риторическом формулировании сообщения. Социальный аспект голоса автора соотносим с тем социокультурным и дисциплинарным контекстом, в котором голос автора, проявление его индивидуальности сформированы, т. е. выражены дискурсивными характеристиками, типичным выбором слов, тем, образцов текстопостроения, см. подробнее: [Беляева, Чернявская 2016; Нефедов, Чернявская 2020; Чернявская 2018; Чернявская 2021]. Это традиционно изучается как интертекстуальность, полифония, гетероглоссия. Вслед за определением К. Хайленда, «голос» может быть уточнен как совокупность лингвистических (риторических) средств, используемых автором, чтобы быть узнаваемым как часть определенного сообщества, определенной дискурсивной практики и получить право быть услышанным в таком качестве компетентными участниками сообщества. Термин «позиция» определяет то, как автор имеет возможность выразить свое ценностно ориентированное отношение к тому, что он(а) представляет.

В аналитическом обзоре [Хіе 2020: 5] делается заключение, что в англоязычной традиции понятия *stance*, *appraisal*, *voice* тесно связаны и используются как эквивалентные, взаимозаменяющие, обращены к сходным теоретико-методологическим позициям. Между ними невозможно провести отчетливую демаркационную линию.

Оценка и ценностная ориентация в научном тексте

В научной коммуникации ценностное измерение и, соответственно, выражение оценочного отношения имеет свою специфику. В науке принято разделять эпистемологические и неэпистемологические ценности. Первые связаны с доказательным поиском, объяснительными возможностями теории, ее проверяемостью, спецификой представления гипотезы и системы доказательств. Опора на рациональность выступает как главная и основополагающая ценность в научной коммуникации. В такой перспективе эпистемологические ценности не являются предметом оспаривания и для сторонников принципа ценностно нейтральной науки. Последний, как известно, на протяжении нескольких десятилетий выдвигался вперед при обсуждении объективного характера науки. Объективность понимается как независимость от субъективности и сознания ученого, научные суждения и заключения основываются на доказательности, а не на моральных, политических, иных установках, т. е. неэпистемо-

логических ценностях. Ценностная нейтральность является основным принципом методологии и этики в науке, и исследовательские процедуры, опыты, эксперименты и тесты должны проводиться так, чтобы поддерживать объективность в интерпретации данных и минимизировать субъективную деформацию. С 1950–1960-х гг. предметом интенсивных дискуссий в философии, социологии науки стали неэпистемологические ценности, и современные представления контрастируют с преобладающим ранее представлением о науке, свободной от ценностей. Ценностный нейтралитет не означает, что научные разработки полностью свободны от ценностей. Оставляя неизменным безусловное требование не смещать сознательно интерпретацию результатов исследований под влиянием экономических, политических, идеологических факторов, специалисты признают, что неэпистемологические ценности способны влиять на исследователя, например, на этапе выбора самой исследовательской проблемы. Общественная значимость проблемы, то, что признается как первоочередное и существенное, может создавать приоритет и влиять на отношение. В статье [Resnik, Elliott 2016] обсуждаются три типа ситуаций, в которых исследователь сталкивается с необходимостью делать ценностный выбор: это выбор проблемы / темы исследования, публикация данных и обмен данными, вовлечение общественности в обсуждение результатов и возможных последствий исследования.

В научном тексте, вербализующем процесс поисковой исследовательской деятельности, оценка реализуется как эпистемическая, т. е. познавательная. В российской лингвистике применительно к научной коммуникации сложилась научная школа М. Н. Кожинной и ее последователь и коллег М. П. Котюровой, Е. А. Баженовой, Н. В. Данилевской. В результате исследований введено и детально разработано понятие «эпистемическая ситуация» как комплекс экстралингвистических факторов, которые детерминируют построение научных текстов и превращаются в их речевые характеристики. Н. В. Данилевская показала, как аксиологическая составляющая познавательной деятельности приводит в действие механизм построения научного текста и выражения в нем нового знания. Она обосновала понятие познавательной оценки и ее роль в научном тексте как механизма, обуславливающего движение субъекта познания от незнания (еще-пока-незнания) к доказательному знанию. Оценка, или, точнее, процесс оценивания связаны с пониманием, с ментальной операцией «уяснения, для-себя-разъяснения» познающим субъектом связей одного объекта с другим(и) [Данилевская 2006: 26; 25]. Новый авторский

результат формируется как динамическое взаимодействие старого (известного, чужого) знания и нового, полученного лично автором. Взаимобусловленность старого и нового знания регулируется критической оценкой знания. С помощью познавательной оценки «ученый квалифицирует тот или иной компонент знания как определенную ценность, необходимую для формирования и выражения нового знания» [Данилевская 2006: 27].

Российские разработки в области функциональной стилистики научного текста 1990–2000-х гг. показали, что познавательная оценка соотносится с двумя планами. Во-первых, она проявляется как когнитивная (рассудочная, рациональная, логическая) оценка. Наблюдаема в таких познавательно-оценочных действиях автора или, в иной терминологии, коммуникативно-речевых приемах построения текста, как конкретизация, обобщение, установление причинно-следственных связей, объяснение (экспликация), обоснование (аргументация) и др. Познавательная оценка проявляет себя широким спектром языковых средств: как эпистемическая квалификация знания или познавательного действия как имеющего ценность в познании. Для этого характерны языковые единицы со значением методов, процедур, источников познания: *идея, гипотеза, типология, заключение, эксперимент, наблюдение, интерпретация, доказывать, представлять аргументы, проводить эксперимент* и др. Оценка реализуется как квалификация репрезентации знания по эпистемическим основаниям: *актуальная тема, оригинальная идея, авторский метод, доказанная процедура, неоригинальная методика, ошибка, недостаток, слабые стороны, недостаточный материал, неубедительные аргументы* и др., а также как определение модальности утверждений: *вероятно, очевидно, бесспорно, следует согласиться, возможно признать* и т. п. Во-вторых, познавательная оценка проявляет себя как эмотивная оценка, что связано с выражением личного, позитивного или негативного отношения автора к предмету, к знанию. Эмотивная оценка демонстрируется с разной степенью интенсивности и экспрессии, проявляется через средства интенсификации и деинтенсификации характеристик объекта или познавательных действий: *очень, весьма, абсолютно, совершенно* и др., что «схватывает» в единую связку логическое содержание и субъективное, эмоционально-чувственное содержание [Данилевская 2006].

Признавая значимый задел отечественной функциональной стилистики 1990–2000-х гг. в изучении научного текста и выраженности аксиологической активности познающего субъекта,

возможно констатировать ряд открытых вопросов и не до конца проясненных позиций. Исследователи обращают внимание, что «аксиологическая членимость научного текста на сегменты “старого” и “нового” знания представляется слишком общей и требует дальнейшей детализации в соответствии с вектором движения структур знания по эпистемической траектории “верифицируемое – верифицированное – базовое (аксиоматическое) знание”» [Нефедов 2021: 762]. Возможно указать, что неисследованными остались «важные аспекты оценки, которые обнаруживаются при проецировании языка оценок на разные цели научных коммуникативных практик, разные предметные области науки, меняющиеся роли субъектов дискурса и другие параметры внешней коммуникативной ситуации» [там же: 763]. Это значит, что оценка вообще и познавательная оценка в частности по-разному инструментализируются в поисковой исследовательской деятельности, в критической экспертной деятельности, в учебном дискурсе, в научно-популярном дискурсе при взаимодействии профессионального сообщества и общества. Эти открытые вопросы показывают направления для детальных разработок на разном языковом и текстовом материале.

Заключение

Оценка – это когнитивная операция, в основе которой лежит рефлексивная ценностно-ориентированная деятельность человека. В изучении оценки сходятся две теоретические перспективы. С одной стороны, рефлексия обеспечивает доступ к оценочным установкам и пресуппозициям, стоящим за языковым выражением. Поэтому аксиологический, логико-философский, социально-ориентированный анализ создает базис для изучения оценочного отношения субъекта. С другой стороны, оценка объективируется в языке и доступна через лингвистический анализ тех языковых средств, которые выражают ценностные смыслы. Поэтому лингвистическая перспектива создает возможность и точку доступа для наблюдения за аксиологической деятельностью человека, включенного в различные социокультурные практики. Изучение оценок в лингвистическом анализе в 1990–2010-е гг. и в современном контексте расходилось на несколько исследовательских перспектив. Во-первых, как анализ авторского голоса, субъектной позиции, заметной в структуре текста. Во-вторых, как широкий спектр оценочных значений, показывающих отношение автора к предмету высказывания, коммуникативному партнеру. И в-третьих, как скоординированность с другими голосами, диалогическая включенность в содержательный

интертекст. Эти методологические подходы в мировой исследовательской практике опираются на разнообразный терминологический аппарат, что позволяет точно и детально настраивать оптику в изучении языка оценок.

Список литературы

Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1984. С. 5–23.

Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 269 с.

Баранов А. Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. 1989. № 3. С. 74–90.

Беляева Л. Н., Чернявская В. Е. Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 77–84. doi 10.20916/1812-3228-2016-3-77-84

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.

Данилевская Н. В. Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста (аксиологический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2006. 47 с.

Докучаев И. И. Ценность и экзистенция. СПб.: Наука, 2009. 595 с.

Ивин А. Л. Основания логики оценок. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 230 с.

Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд. М.: Смысл. 2003. 511 с.

Молодыхенко Е. Н. Об операционализации категории «ценность» в текстовом и дискурсивном анализе: к вопросу о лингвистической аксиологии // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015а. № 3. С. 90–97.

Молодыхенко Е. Н. Аксиология дискурса консюмеризма: о роли языковой оценки в жанре лайфстайл // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015б. № 6(38). С. 55–66. doi 10.17223/19986645/38/5

Молодыхенко Е. Н. Ценности и оценка в дискурсе консюмеризма: лингво-прагматический и критический анализ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2016. № 3. С. 122–130. doi 10.17238/issn2227-6564.2016.3.122

Молодыхенко Е. Н. Метасемиотические проекты и лайфстайл-медиа: дискурсивные механизмы превращения предметов потребления в ресурсы выражения идентичности // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24, № 1. С. 117–136. doi 10.22363/2687-00882020-24-1-117-136.

Нефедов С. Т. Варьирование оценки в коммуникативных практиках научного дискурса. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18, № 4. С. 760–778. doi 10.21638/spbu09.2021.408

Нефедов С. Т., Чернявская В. Е. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 83–97. doi 10.17223/19986645/63/5

Серебренникова Е. Ф. Этносемиотрия как способ лингвистического аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: кол. монография. М.: Тезаурус, 2011. С. 7–48.

Чернявская В. Е. Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема. М.: УРСС, 2017. 144 с.

Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. Р. 31–37. doi 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37.

Чернявская В. Е. Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: URSS, 2021. 208 с.

Aull B., Bandarage D., Miller M. R. Generality in student and expert epistemic stance: A corpus analysis of first-year, upper-level, and published academic writing // Journal of English for Academic Purposes. 2017. № 26. Р. 29–41.

Biber D. Stance in spoken and written university registers // Journal of English for Academic Purposes. 2006. № 5. Р. 97–116.

Biber D., Finegan E. Styles of stance in English: Lexical and grammatical marking of evidentiality and affect // Text. 1989. № 9. Р. 93–124. doi 10.1515/text.1.1989.9.1.93

Bondi M. Voice in textbooks: Between exposition and argument // Stance and voice in written academic genres / Ed. by K. Hyland, & C. S. Guinda. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2012. P. 101–115.

Bondi M. Changing voices: Authorial voice in abstracts // Abstracts in academic discourse: Variation and change / Ed. by M. Bondi, & R. L. San. Berlin: Peter Lang, 2014. P. 243–270.

Chang P., Schleppegrell M. Taking an effective authorial stance in academic writing: Making the linguistic resources explicit for L2 writers in the social sciences // Journal of English for Academic Purposes. 2011. № 10(3). P. 140–151.

Conrad S., Biber D. Adverbial marking of stance in speech and writing // Evaluation in text: Authorial stance and the construction of discourse / Ed. by S. Hunston, G. Thompson. UK: Oxford University Press, 2000. P. 57–73.

Crompton P. Hedging in academic writing: Some theoretical problems. *English for Specific Purposes*. 1997. № 16(4). P. 271–287.

Gillaerts P. Shifting metadiscourse: Looking for diachrony in the abstract genre // *Abstracts in academic discourse: Variation and change* / Ed. by M. Bondi, R. L. Sanz. Berlin: Peter Lang, 2014. P. 271–287

Gray B., Biber D. Current conceptions of stance // *Stance and voice in written genres* / Ed. by K. Hyland, C. S. Guinda. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan. 2012. P. 15–33.

Gross A. G., Chesley P. Hedging, stance and voice in medical research articles. *Stance and voice in written academic genres*. London: Palgrave Macmillan, 2012. P. 85–100.

Halliday M. A. K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. London: Edward Arnold, 1978. 256 p.

Hood S. *Appraising research: Evaluation in academic writing*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan. 2010. XI, 227 p.

Hu G. W., Cao F. Hedging and boosting in abstracts of applied linguistics articles: A comparative study of English- and Chinese-medium journals // *Journal of Pragmatics*. 2011. № 43. P. 2795–2809.

Hunston S., Thompson G. (Eds.) *Evaluation in text: Authorial stance and the construction of discourse*. UK: Oxford University Press, 2000. xii, 225 p.

Hyland K. Hedges, boosters and lexical invisibility: Noticing modifiers in academic texts. *Language Awareness*. 2000. № 9(4). P. 179–197.

Hyland K., Diani G. Introduction: Academic evaluation and review genres // *Academic evaluation: Review genres in university settings* / Ed. by K. Hyland, G. Diani. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan. 2009. P. 1–14.

Hyland K., Guinda C. S. (Eds.) *Stance and voice in written academic genres*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan. 2012. XVI, 263 p.

Lewin B. A. Hedging: An exploratory study of authors' and readers' identification of 'toning down' in scientific texts. *Journal of English for Academic Purposes*. 2005. № 4(2). P. 163–178.

Martin J. R., Rose D. *Working with discourse*. London; NY: Continuum. 2007. 239 p.

Martin J. R., White P. R. *The language of evaluation*. NY: Palgrave Macmillan. 2005. 278 p.

Matsuda P. K., Tardy C. M. Voice in academic writing: The rhetorical construction of author identity in blind manuscript review. *English for Specific Purposes*. 2007. № 26. P. 235–249.

Peng J. E. Authorial voice constructed in citation in literature reviews of doctoral theses: Variations

across training contexts // *Journal of English for Academic Purposes*. 2019. № 37. P. 11–21. <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2018.11.001>

Resnik D. B., Elliott K. C. The ethical challenges of socially responsible science // *Accountability in research*. 2016. № 23(1). P. 31–46.

Sanz R. L. The construction of the author's voice in academic writing: The interplay of cultural and disciplinary factors. *Text & Talk*. 2011. № 31(2). P. 173–193.

Tardy C. Current conceptions of voice // K. Hyland, C. S. Guinda (Eds.) *Stance and voice in written academic genres*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2012. P. 34–48.

Thompson G., Hunston S. Evaluation: An introduction // *Evaluation in text: Authorial stance and the construction of discourse* / Ed. by S. Hunston, G. Thompson. Oxford University Press, 2000. P. 1–27.

Xie J. A review of research on authorial evaluation in English academic writing: A methodological perspective // *Journal of English for Academic Purposes*. 2020. № 47. P. 1–20.

References

Arutyunova N. D. Aksiologiya v mekhanizmax zhizni i yazyka [Axiology in the mechanisms of life and language]. *Problemy strukturnoy lingvistiki* [Issues of Structural Linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 5–23. (In Russ.)

Bazhenova E. A. *Nauchnyy tekst v aspekte politekstual'nosti* [Scientific Text in the Aspect of Politekstuality]. Perm, Perm State University Press, 2001. 269 p. (In Russ.)

Baranov A. N. Aksiologicheskie strategii v strukture yazyka (paremiologiya i leksika) [Axiological strategies in language structure (paremiology and lexicon)]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 1989, issue 3, pp. 74–90. (In Russ.)

Belyaeva L. N., Chernyavskaya V. E. Dokazatel'naya lingvistika: metod v kognitivnoy paradigme [Evidence-based linguistics: Methods in cognitive paradigm]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2016, issue 3, pp. 77–84. doi 10.20916/1812-3228-2016-3-77-84. (In Russ.)

Volf E. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 228 p. (In Russ.)

Danilevskaya N. V. *Cheredovanie starogo i novogo znaniya kak mekhanizm razvertyvaniya nauchnogo teksta (aksiologicheskiy aspekt)*. Avtoref. diss. d-ra filol. nauk [Interchange of old and new knowledge in scientific text production (axiological

aspect). Dr. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg. 2006. 47 p. (In Russ.)

Dokuchaev I. I. *Tsennost' i ekzistentsiya* [Value and Existence]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 595 p. (In Russ.)

Ivin A. L. *Osnovaniya logiki otsenok* [Foundations of the Logic of Evaluation]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1970. 230 p. (In Russ.)

Leont'ev D. A. *Psikhologiya smysla: Priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [The Psychology of Sense: Nature, Structure, and the Dynamics of Semantic Reality]. 3rd ed. Moscow, Smysl Publ., 2003. 511 p. (In Russ.)

Molodychenko E. N. Ob operatsionalizatsii kategorii 'tsennost' v tekstovom i diskursivnom analize [The concept of value in textual and discourse analysis: Towards linguistic axiology]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie»* [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education], 2015a, issue 3, pp. 90–97. (In Russ.)

Molodychenko E. N. Aksiologiya diskursa konsyumerizma: o roli yazykovoy otsenki v zhanre layfstayl [Axiological dimension in the discourse of consumerism: The role of evaluative language in the lifestyle genre]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2015b, issue 6(38), pp. 55–66. doi 10.17223/19986645/38/5. (In Russ.)

Molodychenko E. N. Tsennosti i otsenka v diskurse konsyumerizma [Values and evaluation in discourse of consumerism: A pragmalinguistic analysis]. *Vestnik Severnogo Arkticheskogo Federal'nogo Universiteta* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University], 2016, issue 3, pp. 122–130. doi 10.17238/issn2227-6564.2016.3.122. (In Russ.)

Molodychenko E. Metasemioticheskie proekty i layfstayl-media: diskursivnye mekhanizmy prevrashcheniya predmetov potrebleniya v resursy vyrazheniya identichnosti [Metasemiotic projects and lifestyle media: Formulating commodities as resources for identity enactment]. *Russian Journal of Linguistics*, 2020, vol. 24, issue 1, pp. 117–136. doi 10.22363/2687-0088-2020-24-1-117-136. (In Russ.)

Nefedov S. T. Var'irovanie otsenki v kommunikativnykh praktikakh nauchnogo diskursa [The variety of evaluation in communicative practices of academic discourse]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2021, vol. 18, issue 4, pp. 760–778. doi 10.21638/spbu09.2021.408. (In Russ.)

Nefedov S. T., Chernyavskaya V. E. Kontekst v lingvisticheskom analize: pragmaticheskaya i diskursivno-analiticheskaya perspektiva [Context in linguistics: pragmatic and discourse analytical dimensions]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2020, issue 63, pp. 83–97. doi 10.17223/19986645/63/5 (In Russ.)

Serebrennikova E. F. Etnosemiometriya kak sposob lingvisticheskogo aksiologicheskogo analiza [Ethnosemiometry as a method of linguistic analysis]. *Lingvistika i aksiologiya* [Linguistics and Axiology: collective monograph]. Moscow, Tezaurus Publ., 2011, pp. 7–48. (In Russ.)

Chernyavskaya V. E. *Nauchnyy diskurs: Vydvuzhenie rezul'tata kak kommunikativnaya i yazykvaya problema* [Scientific Discourse: Proposing a Result as a Communicative and Linguistic Problem]. Moscow, URSS Publ., 2017. 144 p. (In Russ.)

Chernyavskaya V. E. Diskursivnyy analiz i korpusnye metody: neobkhodimoe dokazatel'noe zveno? Ob"yasnitel'nye vozmozhnosti kachestvennogo i kolichestvennogo podkhodov [Missing evidence-based link? Towards qualitative and quantitative approaches in language studies]. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2018, issue 2, pp. 31–37. doi: 10.20916/1812-3228-2018-2-31-37. (In Russ.)

Chernyavskaya V. E. *Tekst i Social'nyi Kontekst* [Text and Social Context]. Moscow, URSS Publ., 2021. 208 p. (In Russ.)

Aull B., Bandarage D., Miller M. R. Generality in student and expert epistemic stance: A corpus analysis of first-year, upper-level, and published academic writing. *Journal of English for Academic Purposes*, 2017, issue 26, pp. 29–41. (In Eng.)

Biber D. Stance in spoken and written university registers. *Journal of English for Academic Purposes*, 2006, issue 5, pp. 97–116. (In Eng.)

Biber D., Finegan E. Styles of stance In English: Lexical and grammatical marking of evidentiality and affect. *Text*, 1989, issue 9, pp. 93–124. doi 10.1515/text.1.1989.9.1.93. (In Eng.)

Bondi M. Voice in textbooks: Between exposition and argument. *Stance and Voice in Written Academic Genres*. Ed. by K. Hyland, & C. S. Guinda. Basingstoke, UK, Palgrave Macmillan. 2012.101–115. (In Eng.)

Bondi M. Changing voices: Authorial voice in abstracts. *Abstracts in Academic Discourse: Variation and Change*. Ed. by M. Bondi, & R. L. Sanz. Berlin, Peter Lang. 2014. pp. 243–270. (In Eng.)

Chang P., Schleppegrell M. Taking an effective authorial stance in academic writing: Making the linguistic resources explicit for L2 writers in the so-

- cial sciences. *Journal of English for Academic Purposes*, 2011, issue 10 (3), pp. 140–151. (In Eng.)
- Conrad S., Biber D. Adverbial marking of stance in speech and writing. *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse*. Ed. by S. Hunston, & G. Thompson. UK, Oxford University Press, 2000, pp. 57–73. (In Eng.)
- Crompton P. Hedging in academic writing: Some theoretical problems. *English for Specific Purposes*, 1997, issue 16 (4), pp. 271–287. (In Eng.)
- Gillaerts P. Shifting metadiscourse: Looking for diachrony in the abstract genre. *Abstracts in Academic Discourse: Variation and Change*. Ed. by M. Bondi, & R. L. Sanz. Berlin, Peter Lang, 2014, pp. 271–287. (In Eng.)
- Gray B., Biber, D. Current conceptions of stance. *Stance and Voice in Written Genres*. Ed. by K. Hyland, & C. S. Guinda. Basingstoke, UK, Palgrave Macmillan, 2012, pp. 15–33. (In Eng.)
- Gross A. G., Chesley P. Hedging, stance and voice in medical research articles. *Stance and Voice in Written Academic Genres*. London, Palgrave Macmillan, 2012, pp. 85–100. (In Eng.)
- Halliday M. A. K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. London, Edward Arnold, 1978. 256 p. (In Eng.)
- Hood S. *Appraising Research: Evaluation in Academic Writing*. Basingstoke, UK, Palgrave Macmillan, 2010. XI, 227 p. (In Eng.)
- Hu G. W., Cao F. Hedging and boosting in abstracts of applied linguistics articles: A comparative study of English- and Chinese-medium journals. *Journal of Pragmatics*, 2011, issue 43, pp. 2795–2809. (In Eng.)
- Hunston S., Thompson G. (Eds.) *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse*. UK, Oxford University Press. 2000. xii, 225 p. (In Eng.)
- Hyland K. Hedges, boosters and lexical invisibility: Noticing modifiers in academic texts. *Language Awareness*, 2000, issue 9(4), pp. 179–197. (In Eng.)
- Hyland K., Diani G. Introduction: Academic evaluation and review genres. *Academic Evaluation: Review Genres in University Settings*. Ed. by K. Hyland, G. Diani. Basingstoke, UK, Palgrave Macmillan, 2009, pp. 1–14. (In Eng.)
- Hyland K., Guinda C. S. (Eds.) *Stance and Voice in Written Academic Genres*. Basingstoke, UK, Palgrave Macmillan. 2012. XVI, 263 p. (In Eng.)
- Lewin B. A. Hedging: An exploratory study of authors' and readers' identification of 'toning down' in scientific texts. *Journal of English for Academic Purposes*, 2005, issue 4(2), pp. 163–178. (In Eng.)
- Martin J. R., Rose D. *Working with Discourse*. London/NY, Continuum. 2007. (In Eng.)
- Martin J. R., & White P. R. *The Language of Evaluation*. NY, Palgrave Macmillan. 2005. 278 p. (In Eng.)
- Matsuda P. K., & Tardy C. M. Voice in academic writing: The rhetorical construction of author identity in blind manuscript review. *English for Specific Purposes*, 2007, issue 26, pp. 235–249. (In Eng.)
- Peng J. E. Authorial voice constructed in citation in literature reviews of doctoral theses: Variations across training contexts. *Journal of English for Academic Purposes*, 2019, issue 37, pp. 11–21. doi 10.1016/j.jeap.2018.11.001. (In Eng.)
- Resnik D. B., Elliott K. C. The ethical challenges of socially responsible science. *Accountability in Research*, 2016, issue 23(1), pp. 31–46. (In Eng.)
- Sanz R. L. The construction of the author's voice in academic writing: The interplay of cultural and disciplinary factors. *Text & Talk*, 2011, issue 31(2), pp. 173–193. (In Eng.)
- Tardy C. Current conceptions of voice. *Stance and Voice in Written Academic Genres*. Ed. by K. Hyland, C. S. Guinda. Basingstoke, UK, Palgrave Macmillan, 2012, pp. 34–48. (In Eng.)
- Thompson G., Hunston S. Evaluation: An introduction. *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse*. Ed. by S. Hunston, & G. Thompson. Oxford University Press, 2000, pp. 1–27. (In Eng.)
- Xie J. A review of research on authorial evaluation In English academic writing: A methodological perspective. *Journal of English for Academic Purposes*, 2020, issue 47, pp. 1–20. (In Eng.)

Evaluative Language in Scientific Discourse: Terminological Framework and Methodological Perspectives

The research was supported by the Russian Science Foundation, “Language of Evaluation in Humanities Research Practices and Discourses in Russia and Germany”, project No. 22-28-01024

Valeria E. Chernyavskaya

Professor at Higher School of Linguodidactics and Translation

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

19, Politekhnikeskaya st., St. Petersburg, 196135, Russian Federation. Chernyavskaya_ve@spbstu.ru

RSF grant executor

Saint Petersburg State University

7–9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

SPIN-code: 5173-6746

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6039-6305>

ResearcherID: A-1304-2017

Submitted 20 Apr 2022

Revised 22 May 2022

Accepted 10 Jun 2022

For citation

Chernyavskaya V. E. Yazyk otsenok v nauchnom diskurse: terminologicheskoe pole i metodologicheskie podkhody [Evaluative Language in Scientific Discourse: Terminological Framework and Methodological Perspectives]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 3, pp. 44–55. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-44-55 (In Russ.)

Abstract. Evaluation is considered as a key feature in scientific communication and academic writing. It is a crucial pragmatic tool in scientific activity among specialists and experts. The paper provides a systematic review of authorial evaluation research in the literature and aims to outline the major strands of current research. The study was carried out as interdisciplinary and intercultural analysis. It showed that different methodological approaches have been adopted to examine the issues of evaluation across disciplines, different sociocultural practices, languages, through different analytical lenses. The review is based on the publications in the scientific area in Russian and English. Based on contextual-interpretive analysis, comparative analysis of literature, analytical review of theoretical concepts, the study identified the current state and the major theoretical and methodological approaches adopted in the field of pragmatic linguistics, text linguistics, discourse analysis, linguistic axiology over the past thirty years. It revealed the terminological diversity used to describe the evaluative language in English literature. As relevant sources there were selected publications in peer-reviewed journals and/or chapters from monographs published in 1990–2022, indexed in the RSCI, Scopus, WoS, ERIH PLUS databases. The search query included the Russian terms *otsenka*, *otsenochnost'*, and the English terms *evaluation*, *stance*, *appraisal*, *voice*. The main strands in research on the evaluative use of language have been identified, namely: the stance strand, the analysis of the authorial stance, when the speaker/writer adopts a certain value position and makes it visible in the text structure by means of linguistic devices; the appraisal strand, the study of a wide range of evaluative devices that show the author's attitude to the subject of the statement, the communicative partner; the voice strand, coordination with other voices, dialogic involvement of the author's voice in other subjective positions.

Kew words: evaluation; value; evaluative language; appraisal; stance; voice; epistemic evaluation; scientific text.

УДК 811.111'42
doi 10.17072/2073-6681-2022-3-56-68

Посвящается 300-летию
Санкт-Петербургского государственного университета

Виды экспертной оценки в англоязычном искусствоведческом дискурсе о творчестве И. Наховой

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276

Наталья Валерьевна Шутёмова

д. филол. н., профессор кафедры английской филологии и лингвокультурологии

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. n.shutemova@spbu.ru

SPIN-код: 6361-4981

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4188-0310>

ResearcherID: AAW-8265-2021

Статья поступила в редакцию 27.06.2022

Одобрена после рецензирования 05.07.2022

Принята к публикации 08.08.2022

Информация для цитирования

Шутёмова Н. В. Виды экспертной оценки в англоязычном искусствоведческом дискурсе о творчестве И. Наховой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 56–68. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-56-68

Аннотация. Цель исследования состоит в изучении видов экспертной оценки художественной деятельности И. Наховой и способов их репрезентации в англоязычном искусствоведческом дискурсе. На основе когнитивно-дискурсивного анализа аксиологичности альбомного издания “Irina Nakhova. Museum on the Edge”, подготовленного Джейн Шарп и Джулией Туловски к выставке художницы в музее Циммерли, изучены субъект, объект и виды оценки, сформулированной для зарубежного зрителя. Выявлено, что субъект оценки характеризуется комплексностью и включает, во-первых, авторов издания, являющихся экспертами в области искусствоведения, во-вторых, саму художницу, чья оценка репрезентирована опосредованно, с помощью прямого и косвенного цитирования ее мнения, в-третьих, зрителя, точка зрения которого передана на основе авторского представления о ней. В зависимости от субъекта оценки выявлена реализация таких видов оценки, как внутренняя и внешняя, прямая и опосредованная. Если внутренняя оценка принадлежит художнику, то внешняя – авторам издания и реципиентам. Данные виды оценки соотносимы с процессами порождения и восприятия произведения искусства. Если прямая оценка принадлежит автору текста, то опосредованная общается автором текста, но принадлежит художнику и реципиенту. На основе анализа выявлена комплексность объекта оценки, включающего концепцию художницы, содержание и форму ее работ, их эстетическое воздействие на реципиента. Установлено, что в отношении концепции высказывается позитивная рациональная оценка со стороны экспертов и нейтральная рациональная оценка со стороны И. Наховой. Позитивная рациональная оценка содержания и формы работ может сопрягаться с негативной рациональной оценкой изображаемого объекта и негативной эмоциональной оценкой эстетического воздействия некоторых произведений на реципиента. Выявлено, что для доказательства оценки творчества И. Наховой используются аргументы от факта, ссылки на авторитет и реципиента, сопоставление с другими художниками. На основе проведенного анализа сделан вывод о полифоничности, полихромности и аргументированности оценки творчества И. Наховой в англоязычном искусствоведческом дискурсе.

Ключевые слова: англоязычный искусствоведческий дискурс; творчество И. Наховой; экспертная оценка; оценка внутренняя и внешняя; оценка прямая и опосредованная; рациональная позитивная оценка; рациональная нейтральная, рационально-эмоциональная негативная оценка; аргументация оценки; средства репрезентации категории оценки.

Аксиологичность составляет один из основных аспектов разных типов деятельности человека, связанный с анализом свойств объекта и формированием отношения к нему. Фундаментальный характер данной категории, ее реализация в широком спектре видов коммуникации и дискурса обуславливают актуальность ее исследования. При рассмотрении категории оценки мы основываемся на ее трактовке, которая имеет философские истоки и сложилась в лингвистике под влиянием когнитивной парадигмы. С этой точки зрения оценка определяется как сопряженная с познанием деятельность, состоящая в осмыслении ценности объекта [Болдырев 2019; Петухова, Хомякова 2020; Скаженик 2002; Шпякина 2005; Klevan 2018]. Это объясняет сложившуюся в лингвистике традицию выделять модальную рамку, включающую субъекта, объекта и шкалу оценки. Языковая объективация оценочной деятельности человека обусловила ее рассмотрение в лингвистике как «совокупности разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [Баженова 2003: 139]. При этом по принципу реализации категорий «добро / зло» выделяется оценка этическая, на основе репрезентации категорий «прекрасное / безобразное», «комическое / трагическое», «возвышенное / сниженное» – оценка эстетическая, с точки зрения степени практической пользы – оценка утилитарная, в зависимости от наличия рационального и эмоционального компонентов – соответствующие виды оценки, в аспекте отношения к объекту – позитивная, нейтральная и негативная, в зависимости от выражения одного или более видов оценки в дискурсе – оценка одно- и биполярная [Арутюнова 1998, 1999; Вольф 2005; Ивин 1970; Маркелова 2013; Хомякова 2020а; Телия 1986]. Несмотря на плодотворное изучение системы языковых средств репрезентации оценки, актуальными остаются вопросы, связанные с пониманием ее природы, изучением специфики реализации в дискурсе в зависимости от типа сознания и мышления адресата, его интенций, условий и задач коммуникации, осмыслением системы ценностей, лежащих в основе аксиологической деятельности представителей разных культур, выявлением роли в трансфере знания [Баженова 2003; Белоножко 2013; Данилевская 2009; Демьянков 2016; Котюрова 2019; Красильникова 1999; Матвеева 1990; Пашкова

2021; Пермякова 1997; Сретенская 1994; Фролова 2016; Хомякова 2020б; Петухова 2017; Hart, Lukeš 2007; Roose, Roose, Daenekindt 2018; Van Dijk 2009, 2014; Verschueren 1999].

В данной статье мы обратимся к рассмотрению аксиологичности искусствоведческого дискурса, который трактуется нами как «вербально опосредованная деятельность» [Алексеева, Мишланова 2002: 3] в сфере искусства, включая его теорию, практику, историю, критику, дидактику. Аксиологичность является одним из его основных свойств, получающим освещение в современной лингвистике с когнитивно-дискурсивных, коммуникативно-прагматических, лингвокультурологических позиций [Аксенова, Денисова, Магнес 2022; Денисова 2021; Емельянова 2021; Мячинская 2020; Петухова 2021; Петухова, Соколова, Хомякова 2021; Хомякова 2021]. Полагаем, что аксиологичность искусствоведческого дискурса обусловлена сопряжением познания и оценки в широком спектре процессов порождения произведения искусства автором и восприятия художественного объекта реципиентами. Так, в аспекте порождения данное сопряжение происходит при художественном познании ценностного аспекта отношения «человек – мир» [Бахтин 1979; Каган 1997], осмыслении любого объекта как эстетического и формировании художественной концепции. В аспекте восприятия произведения искусства оценка связана, например, с анализом его содержания и формы, жанра, философско-эстетических взглядов автора и его творческого пути, своеобразия художественного течения, направления, культуры и эпохи. Реципиентов в зависимости от уровня их компетентности можно квалифицировать как носителей «специального» и «наивного» знания [Алексеева, Мишланова 2002: 105], а формируемую ими оценку – как экспертную, или профессиональную, и наивную соответственно.

С этой точки зрения рассмотрим реализацию категории оценки в англоязычном дискурсе, освещающем творчество И. Наховой, являющейся одним из представителей московского концептуализма, повлиявшего на развитие искусства в России в XX–XXI вв. и получившего неоднозначную оценочную интерпретацию в отечественном и зарубежном искусствознании в советский и постсоветский периоды. Цель исследования состоит в изучении видов экспертной оценки художественной деятельности И. Наховой и способов их репрезентации в англоязыч-

ном искусствоведческом дискурсе, где искусство России прошлого столетия является одной из релевантных тем [Basin, Glatigny, Piotrowski 2016; Dickerman 2000; Hardiman, Kozicharow 2017; Hart, Lukess 2007; Bonnell 1998; Bowlt 1977; Klevan 2018; Other Voices 2011; Rusnock 2010; Tatourina 2018; Victoria and Albert Museum; Walsworth 2017]. Материалом анализа в данной статье послужило альбомное издание “Irina Nakhova. Museum on the Edge”, которое было приурочено к культурному событию, организованному в Художественном музее Циммерли при университете Ратгерс в Нью-Брансуике, штат Нью Джерси, и опубликовано в 2019 г. Издание включает аналитические статьи искусствоведов о творчестве художницы, интервью с ней и репродукции работ, представленных на выставке. Для достижения цели исследования нами был использован комплекс общенаучных и специальных методов, основными из которых стали наблюдение, описание, классификация, индукция, дедукция, интерпретация, семантический, контекстуальный, стилистический, сопоставительный анализ.

Субъектом оценки в обозначенном издании выступают его авторы – Джейн Шарп и Джулия Туловски (Jane A. Sharp, Julia Tulovsky), которые являются докторами наук в области искусствоведения и в этом смысле носителями специального знания. В качестве объекта оценки выступают художественная концепция И. Наховой, ее реализация в произведениях и их роль в истории изобразительного искусства России XX–XXI вв. Проанализируем, каким образом категория оценки репрезентируется в рассматриваемом издании.

Прежде всего необходимо отметить, что анализ и интерпретация эстетических взглядов художника и ее произведений сопровождаются позитивной оценкой, которая является доминирующей. Подчеркнем, что она эксплицируется уже во введении, где характеризуется место творчества И. Наховой в советском нонконформистском искусстве, которое получило признание в России и за рубежом. Уникальность и значимость роли художника репрезентируется посредством эпитетов *unique* и *prominent*:

- Nakhova occupies **a unique place** in the history of Soviet nonconformist, Russian, and American art [Sharp, Tulovsky 2019: 10];
- Nakhova played **a prominent role** in Moscow’s unofficial art world and at times participated in performances and actions during the late 1970s and early 1980s [ibid.].

В отличие от компонентов синонимического ряда *strange, singular, unique, odd, queer, quaint, eccentric, erratic, peculiar, outlandish, curious*, где

доминантным является прилагательное *strange*, а общим – значение «отличающийся от обычного или ожидаемого и поэтому вызывающий определенную эмоциональную реакцию или трудный для осмысления» [APCC 1979: 421], прилагательное *unique* номинирует объект, не только отличный от других, но и единственный в своем роде, при этом данное качество не является непонятным и трудно объяснимым. С одной стороны, это отличает его от наиболее близкого по семантике синонима *singular*, который «называет такое отклонение от обычного, которое выделяет носителя данного свойства среди всех других» [там же]. С другой стороны, оно отличается по характеру обозначаемого свойства, его степени и воздействию от доминанты *strange*, которая обозначает свойство субъекта или объекта, «вызывающе удивление или недоумение своим несоответствием знакомому, понятному, обычному» [там же]. Кроме того, по данным критериям оно отличается и от группы синонимов *odd, queer, quaint*, используемых для характеристики отклонения от нормального и естественного, которое трудно объяснить и кажется загадочным. Более того, по данным параметрам прилагательное *unique* отличается от синонимов *eccentric* и *erratic*, репрезентирующих не только мысль об отклонении от нормы, но и вызываемую им негативную реакцию, в частности «недоумение, смешанное с осуждением» [там же]. Таким образом, несмотря на нестандартность работ И. Наховой, которые могут восприниматься реципиентом как не соответствующие «знакомому, понятному, обычному» [там же], посредством прилагательного *unique* уже во введении задается даваемая искусствоведами общая оценка произведений И. Наховой как единственных в своем роде, нестандартность которых имеет объяснение и не вызывает отрицательной реакции.

Прилагательное *prominent* входит в синонимический ряд *important, big, major, significant, eminent, prominent, great*, доминантой которого является *important*, а общим значением «свойство оказывать на других существенное воздействие или влияние» (“having great effect or influence”) [CD: эл. ресурс]. При этом семантически данный ряд подразделяется на 2 группы:

- “important, big, major, significant”,
- “eminent, prominent, great”.

Компоненты первой группы репрезентируют мысль о важности объекта. Например, как указывается в толковых словарях английского языка, *significant* означает: 1) «важный, заметный» (“important or noticeable”), 2) «имеющий особое значение» (“having a special meaning”) [ibid.], а “important” – существенное воздействие и влияние объекта на реципиента (“having great effect

or influence”) [CD: эл. ресурс]. Сема «важный» в значении компонентов второй группы дополняется семой «известный», в частности, прилагательное *prominent* имеет следующие значения: 1) “known and recognized by many people”, 2) “having great effect or influence” [ibid.]. Таким образом, посредством эпитета *prominent* уже во введении эксперты репрезентируют позитивную оценку как значимости, так и известности художницы в кругах московских концептуалистов в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в.

Данный вид оценки поддерживается во введении также посредством словосочетания *now well-known*, используемого для характеристики школы московского концептуализма, получившего известность в постсоветский период истории страны, а также прилагательного *young*, используемого в форме превосходной степени сравнения и подчеркивающего принадлежность И. Наховой к самым молодым представителям этого художественного течения (“She began working in the 1970s as one of the **youngest** members of the **now well-known** “school” of Moscow conceptualism”) [Sharp, Tulovsky 2019: 10].

Позитивная оценка творчества И. Наховой, заданная во введении, получает развернутую репрезентацию посредством аргументации. Авторами используются преимущественно сильные аргументы, к которым относится прежде всего апеллирование к фактам. Для доказательства уникальности работ художницы отмечается создание новаторской формы инсталляции, когда пространство жилой комнаты преобразовывалось в произведение искусства. Данный вид аргумента сопровождается также и ссылкой на авторитет: в частности, Дж. Шарп и Дж. Туловски подчеркивают, что такой вид инсталляций был позднее использован старшими концептуалистами, в том числе лидерами течения, включая И. Кабакова. К фактам, доказывающим известность художницы, авторы относят участие в многочисленных выставках в постсоветский период, на которых, несмотря на проживание части времени в США с 1991 г., И. Нахова, сохраняя гражданство России, представляла страну, например, на 56-й Венецианской биеннале в 2015 г. с инсталляционным проектом «Зеленый павильон» (“Since 1991, she has lived part of the time in the United States and has established herself in the West with multiple exhibitions and installations. At the same time, she maintains a residence and an art practice in Russia, which she represented in 2015 at the 56th Venice Biennale with the installation *The Green Pavilion*”) [ibid.].

С точки зрения композиционной динамики важно подчеркнуть, что эксплицированная во введении высокая экспертная оценка роли

И. Наховой получает последовательное развитие в основной части, которая посвящена оценочной интерпретации и доказательству уникальности концепции, реализуемой в работах художницы.

Ключевым в объяснении философско-эстетических взглядов И. Наховой является понятие диалога с историей искусства (“dialogue with art history”), являющееся ядром, вокруг которого выстраивается ее художественная система. Именно оно отличает, по оценке искусствоведов, творчество И. Наховой от произведений других представителей концептуализма. Для актуализации важности данного стержня при оценке работ И. Наховой используется ее сравнение с более старшими и молодыми коллегами. Кроме того, доказательство значимости выделения данного ядра при интерпретации и оценке творчества художницы включает сильный аргумент от факта в виде цитирования высказываний самой И. Наховой, содержащих ее толкование своей концепции и рефлексии по поводу истории искусства, которая играет важную роль в контексте моральных и религиозных вопросов, скрытых за повседневным; с точки зрения художницы, она меньше прочего подлежит сомнению и ставит для творчества высокую планку, создавая возможности для персональных открытий (“Art history references are very important for my work... I doubt art history the least, because I see, I believe, and I live by the greatest examples of art that set very high bars for me. Art history lives in a place of utmost peace. It sits there quietly, waiting for personal discoveries”) [ibid.].

Данное понятие является отправной точкой для интерпретации и рациональной оценки таких понятий, входящих в художественную концепцию И. Наховой, как музей, время, побег, альтернативное пространство. Музей рассматривается в качестве особого пространства, где объекты, представляя прошлое для будущего в материалах настоящего, объединяют время. Оценка важной роли музея и объектов, создаваемых И. Наховой, актуализируется с помощью приема их противопоставления эре фейков и эфемерных сущностей, оформленного с помощью вопросительного высказывания (“In an era now dominated by ‘fake’ news and ephemeral items, what will serve to form an image of us, and how might our current material obsessions represent our culture to the future?”) [ibid.].

Кроме того, оценка места понятия музея в художественной системе И. Наховой осмысливается метафорически: музей уподобляется игровой площадке (“the museum as a playground”), месту на краю реальности (“a place on the edge of reality”), где возможно провести линию, соединяющую эпохи (“a place in which to think and to

connect the dots between eras”). Также метафора игровой площадки развивается посредством ряда антитез, раскрывающих диапазон осмысляемых в музее понятий высокого и низкого, ценного и пустого, почитаемого и отторгаемого, истинного и ложного (“Using the museum as a playground, the artist can challenge concepts of high and low, treasure and trash, revered and rejected, truth and fraud”) [Sharp, Tulovsky 2019: 11].

Особо значимым, с точки зрения экспертов, является инновационный характер создаваемых ею объектов, заключающийся в соединении истории искусства с повседневностью, что интерпретируется авторами как сюрреалистическая коллажность смыслов (“By intruding into the lofty space of art history with these commonplace things, she transforms her works into surrealist collages of meaning and concept”) [ibid.]. Такое сочетание возвышенного и обыденного трактуется искусствоведами как преодоление ограниченности нашего вклада в прошлое (“Nakhova’s highly mediated and manipulated images challenge the limits of our own investment in the past”) [ibid.]. Например, художественный эксперимент, состоящий в соединении не связанных между собой объектов в серии “Four Torsos” (1992), получает позитивную рациональную и эмоциональную оценку, репрезентированную прилагательными *clever* и *unexpected* [ibid.: 13], подчеркивающими, с одной стороны, продуманность идейной основы объектов, с другой – их способность удивлять зрителя, влиять на сферу его чувств.

Оценка произведений И. Наховой включает актуализацию их важной миссии, состоящей в осуществлении связи времен, а также в эстетическом воздействии, которое заключается в побуждении реципиента к размышлению о том, насколько важными музейные артефакты были во время их создания и что может оставить в музеях современное общество, ценящее обман и утилизируемость (“They cause the viewer to consider how essential the museums’ artifacts were in their own time and what will be important to preserve in museums from our own reality, so heavily based on deception and disposability”) [ibid.: 10].

В этой связи необходимо отметить, что свою оценку эксперты дополняют точкой зрения реципиента, у которого сочетание в объекте возвышенного и обыденного вызывает неожиданные ассоциации (“Nakhova often combines images from art history with mundane objects, forming unexpected connections and associations”) [ibid.: 11], обуславливая неопределенность и неоднозначность понимания произведения и культурных аллюзий.

Отметим, что для репрезентации оценки авторами используются приемы ритмизации выска-

зывания. К ним относится перечислительный ряд антитез, названных выше, рекуррентность существительного *place* в перечислительном ряду метафор, синтаксический параллелизм словосочетаний, включающих существительные, соединенные союзом *and* (“prompting the viewer to experience uncertainty **and** unpredictability of perception **and** interpretation both for the cultural references **and** for the work as a whole”) [ibid.], а также фонетический повтор, в частности созвучие начальных компонентов однородных членов предложений (“based on **d**eception and **d**isposability”, “**u**ncertainty and **u**npredictability”) [ibid.]. Ритмизация традиционно используется для со- и противопоставления лексических единиц, способствующего актуализации их семантики и большего воздействия на реципиента.

По оценке экспертов, значимыми в концепции И. Наховой являются и связанные с понятием музея метафоры пространства (*space*) и побега (*escape*). При их позитивной оценке вновь используется прием сопоставления И. Наховой с другими представителями концептуализма (Эриком Булатовым, Эдуардом Гороховским, Олегом Васильевым и др.) для репрезентации мысли о сквозном характере идеи побега в творчестве этих художников. С одной стороны, сам музей осмысляется как пространство, где соединяются времена, с другой – подчеркивается значимость категории пространства в произведениях И. Наховой. При аргументации данной оценки особая роль в интерпретации способов реализации категории пространства в произведениях художницы приписывается методу многослойных отсылок (“methodology of using multiple – multilayered – references”) [ibid.], позволяющему через объекты физического мира исследовать тесно взаимосвязанные пространства. Для репрезентации логической оценки свойств данных пространств используются такие эпитеты, как *painterly*, характеризующий пространство живописное, *historical* – историческое, *cultural* – культурное. Оценка своеобразия их взаимосвязи авторами выражается посредством эпитета, функцию которого выполняет наречие *intricately*, означающее сложность и утонченность комбинации частей, которые обуславливают трудности понимания целого.

Названные пространства интерпретируются как иные, параллельные, альтернативные миры, что репрезентируется посредством синонимов-уточнителей, в качестве которых выступают эпитеты, выраженные соответственно местоимением *other* и прилагательными *alternative*, *parallel*. Позитивная оценка метода многослойности связана с интерпретацией этих миров как пространств для побега и от абсурда советской цензуры (“an escape from a Soviet everyday life restricted by

absurd rules”), и от абсурда западной массовой культуры, желтой прессы и лживой информации в медиа (“the absurdities of Western mass culture, yellow press, and false media reports”). Данные факторы получают в рассматриваемом издании негативную оценку, выражающую, с одной стороны, мнение искусствоведов, с другой – опосредованное ими мнение самого художника. Негативная оценка актуализируется посредством рекуррентности оценочных лексических единиц, имеющих корень *absurd*, использования эпитета *false*, негативного по своей коннотации словосочетания *yellow press*.

Кроме того, при оценке идеи альтернативных миров в эстетике И. Наховой прослеживается значимость пустых живописных пространств, открывающих для реципиента возможность «путешествий» (“empty pictorial space where one could travel”), а также значимость предлагаемой реципиенту игры пространствами, которая заключается в возможности перемещения их частей относительно друг друга. В качестве аргументации от факта искусствоведы приводят ряд работ, в частности “Variable Landscape” (1983), “Scaffolding” (1984), “Double Vision” (1988), “Camping” (1994), “Skins” (2010), “Gaze” (2016–2019), анализируя при этом динамику взглядов художницы во времени. Например, если первое полотно дает реципиенту возможность участвовать в игре пространством и изменять пейзаж, а во втором обыгрывается пустое пространство при изображении строительных лесов, то на третьей картине, сочетающей живописное, культурное и историческое пространства, совмещено изображение разрушенных русских церквей и архитектурного пейзажа античных руин.

Принцип многослойности прослеживается, по мнению экспертов, и в серии трехмерных объектов “Camping”, представляющей собой изображения античных и средневековых статуй на старых армейских раскладушках, которые трактуются экспертами вслед за И. Наховой в рамках ее концепции как уникальные, имеющие индивидуальную историю, а не готовые объекты, что репрезентируется посредством эпитетов *unique* и *readymade*, образующих антитезу. По мнению экспертов, такое соединение обыденного и возвышенного позволяет автору достичь двойной эффект, заключающийся в очеловечивании статуи и возвышении предмета быта до статуса античной скульптуры, что репрезентируется глаголами *humanize* и *elevate* соответственно, оформленными в синтаксически параллельные структуры *humanizes the statue* и *elevates the cot*, ритмизирующими высказывание, обуславливая его суггестивность.

По мнению искусствоведов, наиболее противоречивое воздействие на реципиента оказывают

экспонаты из серии “Skins”, в целостности которых репрезентируется эстетическая категория безобразного. Осмысление их содержания и формы, по мнению экспертов, вызывает у реципиента множество экзистенциальных вопросов, а для характеристики эстетики этих экспонатов искусствоведы используют лексику, которая выражает отрицательную эмоциональную оценку и обозначает, с одной стороны, доведенное до крайней степени проявление негативных свойств объектов (*screaming (absurdity)*, *pushed-to-the-edge kitsch*), с другой – удручающее впечатление, производимое ими на зрителей (*sobering effect on the viewer*).

Серия “Gaze” представляет собой видеоролик, содержанием которого является обзор высококачественных изображений картин из коллекции Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, например картины Франсуа Буше «Геркулес и Омфала», основанный на изменении четкости деталей композиции, что отражает стратегии внимания при восприятии произведения искусства зрителем. При этом серия показывает восприятие одной и той же картины разными людьми: студентом, изучающим искусствоведение, ребенком и пожилым человеком. В данной серии, по мнению авторов, также репрезентируется идея побега, но, в отличие от названных выше работ, он осуществляется в микропространство, которое, однако, с точки зрения экспертов, не уступает по своей плотности и неопределенности пространству, создаваемому на других полотнах (“micro space, which, as the work testifies, might be as dense and infinite as her architectural multilayered landscapes”) [Sharp, Tulovsky 2019: 11]. Таким образом, оценка данной серии характеризуется сложной структурой субъекта, включающего искусствоведов, художника, зрителя. Во-первых, анализ объектов репрезентирует их оценку, выносимую искусствоведами. Во-вторых, выражается опосредованное ими отношение самого художника к содержанию и форме этих объектов. В-третьих, репрезентируется опосредованное мнением художника зрительское восприятие других произведений искусства. Таким образом, сложностью характеризуется и объект оценки, в качестве которого выступает форма объектов, материализованная в них концепция И. Наховой, произведения других художников, процесс их восприятия реципиентом.

В целом вклад И. Наховой в продвижение ценности музея в современном мире оценивается искусствоведами как значимый. Его позитивная оценка репрезентирована посредством метафоры «края», к которому ее творчество подталкивает наше представление о музее (“pushes our notion of a museum to the edge”). Посредством контекстуально положительно окрашенных глаголов

broadens and deepens выражается мысль о влиянии творчества И. Наховой на расширение и углубление понимания исключительной важности музея во времена, когда реальность во многом подменяется виртуальностью и фиктивна. Позитивная оценка вклада художника получает дополнительную актуализацию с помощью приема противопоставления музея и реальности, при этом культурная значимость первого выражена с помощью эпитета *foremost*, а негативная оценка виртуальности, утилитарности, фальшивости второй репрезентирована посредством эпитетов *virtual, disposable, bogus*.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно заключить, что оценка творчества И. Наховой в рассматриваемом издании характеризуется комплексностью субъекта и объекта, разнообразием ее видов, способов аргументации и стилистических средств репрезентации. Основным субъектом оценки являются авторы издания, являющиеся экспертами в области искусствоведения. Опосредованно в качестве субъектов оценки выступают также художница и зритель. Оценка первой сообщается через прямое и косвенное цитирование ее высказываний. Оценка второго сообщается на основе представления, сформированного искусствоведами.

В зависимости от субъекта оценки в рассматриваемом материале можно выделить такие реализуемые в нем виды оценки, как внутренняя и внешняя. К первой относится оценка, данная самим автором произведения искусства. Этот вид оценки соотносится с процессом его создания. Ко второй относится оценка, данная искусствоведами на основе анализа художественного объекта, и оценка реципиентная, представляющая точку зрения зрителя. Данные виды оценки соотносятся с процессом восприятия художественного произведения. Сочетание разных субъектов оценки в одном тексте обуславливает его аксиологическую полифонию, в которой в зависимости от соотношения оценок возможен аксиологический консонанс или диссонанс.

По способу репрезентации субъекта оценки в рассматриваемом издании можно выделить такие виды оценки, как прямая и опосредованная. Если первая принадлежит основному лицу, являющемуся автором текста, то вторая является оценкой, данной художником и реципиентом, но сообщаемой автором текста. При этом она может быть репрезентирована посредством прямого цитирования, косвенной речи или интерпретации.

Рассмотренный объект оценки характеризуется комплексностью и включает концепцию художника, воплощенную в его работах, их содержание и форму, а также эстетическое воздействие на реципиента. При этом данные разно-

видности не имеют жесткой корреляции с субъектом оценки.

В отношении концепции, воплощенной в работах И. Наховой, доминирует позитивная рациональная оценка экспертов и нейтральная рациональная оценка художника. Содержание работ, оцениваемое на основе этой концепции, также получает позитивную интерпретацию экспертов, которая, однако, может сопрягаться с негативной оценкой изображаемого объекта. Форма произведений, мотивированная философско-эстетическими взглядами художника и индивидуальным содержанием отдельного произведения, также получает преимущественно позитивную рациональную оценку искусствоведов, которые, однако, рассматривают реализацию в ней категории не только прекрасного, но и безобразного. Это проявляется и в оценке эстетического воздействия произведений на реципиента, которая учитывает интеллектуальное и эмоциональное влияние, включая не только положительную интеллектуальную и эмоциональную оценку, но и эмоционально отрицательную.

Экспертная оценка творчества И. Наховой основана на анализе и является аргументированной. Для ее доказательства эксплицируется полученное в результате анализа системное видение объекта оценки и приводятся факты. Помимо этого, используются ссылки на мнение авторитетных личностей и зрителей, а также прием соли противопоставления с другими художниками. В связи с этим полагаем возможным дифференцировать оценку с основной и дополнительной аргументацией. В целом исследование позволило выявить наличие полифоничности, полихромности и аргументированности в оценке творчества И. Наховой в англоязычном искусствоведческом дискурсе.

Список литературы

Аксенова Н. В., Денисова Н. В., Магнес Н. О. Контрафактивная советская фотография как когнитивная область для оценочной деятельности (на материале англоязычного искусствоведческого дискурса) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 1. С. 40–51.

Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 200 с.

APCC – Англо-русский синонимический словарь / Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева [и др.]. М.: Рус. яз., 1979. 544 с.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1998. 338 с.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

- Баженова Е. А.* Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 139–146.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 484 с.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивные доминанты языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 43–52.
- Белоножко Н. Д.* Аллюзия как оценочное средство языка: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 19 с.
- Данилевская Н. В.* Научный текст как динамика оценочных действий // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 2. С. 20–28.
- Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М.: URSS, 2005. 259 с.
- Демьянков В. З.* Когнитивные техники трансфера знания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 29–32.
- Денисова Н. В.* Концептуальное искусство как способ консолидации коллективной памяти // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3(46). С. 335–339.
- Емельянова О. В.* Имагосфера советского плаката (на материале монографии В. Боннелл «Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin» // Материалы XIII Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием «Current Issues in Modern Linguistics and Humanities», 26 марта, Москва, Рос. ун-т дружбы народов. М., 2021. С. 504–514.
- Ивин А. А.* Основания логики оценки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 230 с.
- Каган М. С.* Эстетика как философская наука. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 544 с.
- Котурова М. П.* Современный научный текст. Сквозь призму дискурсивных изменений. М.: Флинта, 2019. 260 с.
- Красильникова Л. В.* Жанр научной рецензии: семантика и прагматика. М.: Диалог-МГУ, 1999. 137 с.
- Маркелова Т. В.* Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.: Моск. гос. ун-т печати им. Ивана Федорова, 2013. 297 с.
- Матвеева Т. В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 168 с.
- Мячинская Э. И.* Интерпретация англоязычного искусствоведческого текста как когнитивного события // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2(41). С. 418–423.
- Пащикова А. Д.* Сопоставительное исследование категории оценки в медиа-политическом образовательном дискурсе США и России: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2021. 24 с.
- Пермякова Т. М.* Динамика соотношения категорий оценки и аргументативности в газетных текстах 1980–1990-х гг. под влиянием социальных факторов (на материале газет русского и английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1997. 22 с.
- Петухова Т. И.* Аспекты оценочной интерпретации в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 283–286.
- Петухова Т. И.* Ценностная когнитивная доминанта как вектор интерпретации русского изобразительного искусства в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 600–603.
- Петухова Т. И., Соколова Н. Ю., Хомякова Е. Г.* Языковая репрезентация межкультурных отношений в англоязычном дискурсе, посвященном советскому изобразительному искусству периода «оттепели» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 4. С. 67–77.
- Петухова Т. И., Хомякова Е. Г.* Новое знание и биполярность оценочной интерпретации изобразительного искусства соцреализма в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 53–63.
- Скаженик Е. Н.* Категория оценки в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном аспектах: На материале речи студентов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2002. 24 с.
- Сретенская Л. В.* Функциональная семантико-стилистическая категория оценки в научных текстах разных жанров (На материале текстов по строит. экологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994. 16 с.
- Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.
- Фролова И. В.* Оценочные стратегии в аналитических статьях качественной британской и российской прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 26 с.
- Хомякова Е. Г.* Лингвистический анализ оценки в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Общество. Среда. Развитие. 2020а. № 4. С. 3–7.
- Хомякова Е. Г.* Диалог с художником. Лингвокультурологический анализ текста одного интервью // Когнитивные исследования языка. 2020б. № 2 (41). С. 789–793.
- Хомякова Е. Г.* Интерпретация концепта Russian Artist в англоязычном тексте // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 281–284.
- Шпякина О. А.* Структура языкового концепта оценки в современном английском языке (на ма-

териале оценочных глаголов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 24 с.

Basin J., Glatigny P. D., Piotrowski P. Art Beyond Borders: Artistic Exchange in Communist Europe (1945-1989). Leipzig Studies on the History and Culture of East-Central Europe. Vol. III. Budapest: Central European University Press, 2016. 518 p. URL: <https://proxy.library.spbu.ru:4767/eds/detail/detail?vid=12&sid=33403be7-77ed-448b-8e72-84ee3f099a72%40redis&bdata=Jmxhbm9cnUmc2l0ZT1lZHMtbGl2ZSZzY29wZT1zaXRl#AN=1179919&db=nlebk> (дата обращения: 03.05.2022).

CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 25.03.2022).

Dickerman L. Camera Obscura: Socialist Realism in the Shadow of Photography. October. 2000. Issue 93. P. 139–153. URL: <https://proxy.library.spbu.ru:4767/eds/detail/detail?vid=13&sid=33403be7-77ed-448b-8e72-84ee3f099a72%40redis&bdata=Jmxhbm9cnUmc2l0ZT1lZHMtbGl2ZSZzY29wZT1zaXRl#db=asn&AN=3680149> (дата обращения: 12.05.2022).

Hardiman L., Kozicharow N. Modernism and the Spiritual in Russian Art: New Perspectives. Cambridge: Open Book Publishers, 2017. 313 p. URL: <https://proxy.library.spbu.ru:4767/eds/detail/detail?vid=22&sid=33403be7-77ed-448b-8e72-84ee3f099a72%40redis&bdata=Jmxhbm9cnUmc2l0ZT1lZHMtbGl2ZSZzY29wZT1zaXRl#AN=1682816&db=e001mww> (дата обращения: 12.05.2022).

Hart C., Lukeš D. Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis: Application and Theory. Newcastle, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2007. URL: <https://eds.p.ebscohost.com/eds/ebookviewer/ebook/ZTAWMHh3d19fNTI0MTU2X19BTg2?sid=5b6c5bba-d40a-4779-ba11-169406343812@redis&vid=6&format=EB&rid=32> (дата обращения: 15.04.2022).

Bonnell V. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin. University of California Press, 1998. 385 p. (In Eng.)

Bowlit J. Russian and Soviet Painting at San Francisco // The Burlington Magazine. 1977. Vol. 119, No. 894. P. 671–672 URL: https://proxy.library.spbu.ru:2163/stable/878988#metadata_info_tab_contents (дата обращения: 18.07.2022).

Klevan A. Aesthetic Evaluation and Film. Manchester: Manchester University Press, 2018. 242 p. URL: <https://eds.s.ebscohost.com/eds/detail/detail?vid=4&sid=c32ff25e-680a-4d74-a54b-75c7395ef0c1%40redis&bdata=Jmxhbm9cnUmc2l0ZT1lZHMtbGl2ZSZzY29wZT1zaXRl#AN=1875941&db=nlebk> (дата обращения: 05.06.2022).

Other Voices: Three Centuries of Cultural Dialogue between Russia and Western Europe. Roberts Gr.H. (ed.). Newcastle upon Tyne: Cambridge

Scholars Publishing, 2011. 248 p. URL: <https://proxy.library.spbu.ru:4767/eds/detail/detail?vid=23&sid=33403be7-77ed-448b-8e72-84ee3f099a72%40redis&bdata=Jmxhbm9cnUmc2l0ZT1lZHMtbGl2ZSZzY29wZT1zaXRl#AN=553440&db=nlebk> (дата обращения: 12.05.2022).

Roose H., Roose W., Daenekindt S. Trends in Contemporary Art Discourse: Using Topic Models to Analyze 25 years of Professional Art Criticism. Cultural Sociology. 2018. Vol. 12 (3). P. 303–324. URL: https://www.researchgate.net/publication/324417501_Trends_in_Contemporary_Art_Discourse_Using_Topic_Models_to_Analyze_25_years_of_Professional_Art_Criticism (дата обращения: 15.04.2022).

Rusnock K.A. Socialist Realist Painting During the Stalinist Era: The High Art of Mass Art. Lewiston, N.Y.: Edwin Mellen Press, 2010. 219 p. URL: <https://proxy.library.spbu.ru:4767/eds/detail/detail?vid=10&sid=33403be7-77ed-448b-8e72-84ee3f099a72%40redis&bdata=Jmxhbm9cnUmc2l0ZT1lZHMtbGl2ZSZzY29wZT1zaXRl#AN=483306&db=nlebk> (дата обращения: 12.05.2022).

Sharp J.A., Tulovsky J. Irina Nakhova: Museum on the Edge. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press and the Zimmerli Art Museum, 2019. URL: <https://proxy.library.spbu.ru:3648/ehost/detail/detail?vid=4&sid=b3a3dd71-ffff-4e3d-bc3a-c1ac1f2891cc%40redis&bdata=JkF1dGhUeXBIPW1wJmxhbm9cnU%3d#AN=2318016&db=nlebk> (дата обращения: 31.01.2022).

Taroutina M. The Icon and the Square: Russian Modernism and the Russo-Byzantine Revival. University Park, Pennsylvania: Penn State University Press, 2018. 271 p. URL: <https://proxy.library.spbu.ru:4767/eds/detail/detail?vid=25&sid=33403be7-77ed-448b-8e72-84ee3f099a72%40redis&bdata=Jmxhbm9cnUmc2l0ZT1lZHMtbGl2ZSZzY29wZT1zaXRl#AN=1987321&db=nlebk> (дата обращения: 12.05.2022).

Van Dijk T. Society and Discourse. How social contexts control text and talk. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 287 p.

Van Dijk T. Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 407 p.

Verschuieren J. Understanding Pragmatics. London: Routledge, 1999. 312 p.

Victoria and Albert Museum. The Conscriptio of the Arts during the Cold War. URL: <http://www.vam.ac.uk/content/articles/t/the-conscription-of-the-arts-during-the-cold-war/> (дата обращения: 10.06.2022).

Walsworth C. Soviet Salvage: Imperial Debris, Revolutionary Reuse, and Russian Constructivism. University Park, Pennsylvania: Penn State University Press, 2017. 233 p. URL: <https://proxy.library.spbu.ru:4767/eds/detail/detail?vid=23&sid=33403be7-77ed-448b-8e72-84ee3f099a72%40redis&bdata=Jmxhbm9cnUmc2l0ZT1lZHMtbGl2ZSZzY29wZT1zaXRl#AN=553440&db=nlebk>

spbu.ru:4767/eds/detail/detail?vid=26&sid=33403be7-77ed-448b-8e72-84ee3f099a72%40redis&bdata=Jmxhbm9cnUmc210ZT11ZHMtbG12ZSZzY29wZT1zaXRl#AN=1615331&db=nlebk (дата обращения: 12.05.2022).

References

- Aksenova N. V., Denisova N. V., Magnes N. O. Kontrafaktivnaya sovetskaya fotografiya kak kognitivnaya oblast' dlya otsenочноy deyatelnosti (na materiale angloyazychnogo iskusstvovedcheskogo diskursa) [Counterfactual Soviet photography through the lens of American and British art critics: Evaluative dimensions of art discourse]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2022, issue 1, pp. 40–51. (In Russ.)
- Alekseeva L. M., Mishlanova S. L. *Meditsinskyy diskurs: Teoreticheskie osnovy i printsipy analiza* [Medical Discourse: Theoretical Foundations and Principles of Analysis]. Perm, Perm State University Press, 2002. 200 p. (In Russ.)
- Anglo-russkiy sinonimicheskii slovar'* [English-Russian Dictionary of Synonyms]. Yu. D. Apresyan, V. V. Botyakova, T. E. Latysheva et al. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1979. 544 p. (In Russ., Eng.)
- Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytiye. Fakt* [Types of Linguistic Meanings. Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1998. 338 p. (In Russ.)
- Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, LRC Publishing House, 1999. 896 p. (In Russ.)
- Bazhenova E. A. Kategoriya otsenki [The category of evaluation]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003, pp. 139–146. (In Russ.)
- Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 484 p. (In Russ.)
- Boldyrev N. N. Kognitivnye dominanty yazykovoy interpretatsii [Cognitive dominants of linguistic interpretation]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2019, issue 36, pp. 43–52. (In Russ.)
- Belonozhko N. D. *Allyuziya kak otsenочное sredstvo yazyka: na materiale angliyskogo yazyka*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Allusion as a linguistic means of evaluation (based on the material of the English Language)]. Moscow, 2013. 19 p. (In Russ.)
- Danilevskaya N. V. Nauchnyy tekst kak dinamika otsenочnykh deystviy [Scientific text as dynamics of assessment actions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2009, issue 2, pp. 20–28. (In Russ.)
- Volf E. M. *Funktional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. Moscow, URSS Publ., 2005. 259 p. (In Russ.)
- Dem'yankov V. Z. Kognitivnye tekhniki transfera znaniya [On cognitive techniques of knowledge transfer]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2016, issue 26, pp. 29–32. (In Russ.)
- Denisova N. V. Kontseptual'noe iskusstvo kak sposob konsolidatsii kollektivnoy pamyati [Conceptualist art as a way to consolidate collective memory]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2021, issue 3(46), pp. 335–339. (In Russ.)
- Emel'yanova O. V. Imagosfera sovetskogo plakata (na materiale monografii V. Bonnell 'Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin' [The imagosphere of the Soviet poster (based on Victoria Bonnell's 'Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin'). *Materialy XIII vseros. nauch.-metod. konf. s mezhdunar. uchastiem 'Current Issues in Modern Linguistics and Humanities', March 26, Moscow, Ros. Un-t Druzhyby Narodov* [Proceedings of the 13th All-Russian Scientific and Methodological Conference with International Participation 'Current Issues in Modern Linguistics and Humanities', March 26, Moscow, Peoples' Friendship University of Russia]. Moscow, 2021, pp. 504–514. (In Russ.)
- Ivin A. A. *Osnovaniya logiki otsenki* [Logic Grounds of Evaluation]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1970. 230 p. (In Russ.)
- Kagan M. S. *Estetika kak filosofskaya nauka* [Aesthetics as a Philosophic Science]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1997. 544 p. (In Russ.)
- Kotyurova M. P. *Sovremennyy nauchnyy tekst. Skvoz' prizmu diskursivnykh izmeneniy* [Contemporary Scientific Text. Through the Prism of Discursive Changes]. Moscow, Flinta Publ., 2019. 260 p. (In Russ.)
- Krasil'nikova L. V. *Zhanr nauchnoy retsenzii: Semantika i pragmatika* [The Genre of Scientific Review: Semantics and Pragmatics]. Moscow, Dialog-MSU Publ., 1999. 137 p. (In Russ.)
- Markelova T. V. *Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke* [Pragmatics and Semantics of Means of Expressing Evaluation In Russian]. Moscow, Moscow State University of Printing Arts named after Ivan Fedorov Publ., 2013. 297 p. (In Russ.)
- Matveeva T. V. *Funktional'nye stili v aspekte tekstovykh kategoriy* [Functional Styles from Perspective of Textual Categories]. Sverdlovsk, Ural State University Publ., 1990. 168 p. (In Russ.)

Myachinskaya E. I. Interpretatsiya angloyazychnogo iskusstvovedcheskogo teksta kak kognitivnogo sobytiya [Interpretation of English-language art discourse as a cognitive event]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2020, issue 2 (41), pp. 418–423. (In Russ.)

Pashkova A. D. *Sopostavitel'noe issledovanie kategorii otsenki v media-politicheskom obrazovatel'nom diskurse SShA i Rossii*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Comparative research of the evaluation category in media and political educational discourse of the USA and Russia. Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2021. 24 p. (In Russ.)

Permyakova T. M. *Dinamika sootnosheniya kategoriy otsenki i argumentativnosti v gazetnykh tekstakh 1980–1990-kh gg. pod vliyaniem sotsial'nykh faktorov (na materiale gazet russkogo i angliyskogo yazyka)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Dynamics of correlation between the categories evaluation and argumentativeness in newspaper texts of the 1980–1990s under the influence of social factors (based on the material of newspapers In Russian and English). Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 1997. 22 p. (In Russ.)

Petukhova T. I. *Aspekty otsenochnoy interpretatsii v angloyazychnom iskusstvovedcheskom diskurse* [Aspects of evaluative interpretation in anglophone art discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2017, issue 30, pp. 283–286. (In Russ.)

Petukhova T. I. *Tsennostnaya kognitivnaya dominanta kak vektor interpretatsii russkogo izobrazitel'nogo iskusstva v angloyazychnom iskusstvovedcheskom diskurse* [Value cognitive dominant and the interpretation vector of Russian painting in anglophone art discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2021, issue 3(46), pp. 600–603. (In Russ.)

Petukhova T. I., Sokolova N. Yu., Khomyakova E. G. *Yazykovaya representatsiya mezhkul'turnykh otnosheniy v angloyazychnom diskurse, posvyashchennom sovetskomu izobrazitel'nomu iskusstvu perioda 'ottepeli'* [Language representation of intercultural relations in anglophone art discourse on Soviet fine arts of the 'Thaw' period]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2021, issue 4, pp. 67–77. (In Russ.)

Petukhova T. I., Khomyakova E. G. *Novoe znanie i bipolarnost' otsenochnoy interpretatsii izobrazitel'nogo iskusstva sotsrealizma v angloyazychnom iskusstvovedcheskom diskurse* [New knowledge and bipolarity of evaluation interpretation of socialist realist painting in anglophone art discourse]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2020, issue 4, pp. 53–63. (In Russ.)

Skazhenik E. N. *Kategoriya otsenki v lingvokul'turologicheskom i lingvokognitivnom aspektakh: na*

materiale rechi studentov. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Category of evaluation from perspective of cultural linguistics and cognitive linguistics: based on the material of students' speech. Cand. philol. sci. diss.]. Taganrog, 2002. 24 p. (In Russ.)

Sretenskaya L. V. *Funktsional'naya semantiko-stilisticheskaya kategoriya otsenki v nauchnykh tekstakh raznykh zhanrov (na materiale tekstov po stroit. ekologii)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Functional semantic and stylistic category of evaluation in scientific texts of various genres (based on the material of texts on ecology in construction). Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 1994. 16 p. (In Russ.)

Teliya V. N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotation in Semantics of Nominative Units]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 141 p. (In Russ.)

Frolova I. V. *Otsenochnye strategii v analiticheskikh stat'yakh kachestvennoy britanskoy i rossiyskoy pressy*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Evaluative strategies in analytical articles in the British and Russian press. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2016. 26 p. (In Russ.)

Khomyakova E. G. *Lingvisticheskiy analiz otsenki v angloyazychnom iskusstvovedcheskom diskurse* [Linguistic evaluation analysis in anglophone art discourse]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 2020a, issue 4, pp. 3–7. (In Russ.)

Khomyakova E. G. *Dialog s khudozhnikom. Lingvokul'turologicheskiy analiz teksta odnogo interv'yua* [Dialogue with the artist. Linguocultural analysis of the interview text]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2020b, issue 2 (41), pp. 789–793. (In Russ.)

Khomyakova E. G. *Interpretatsiya kontsepta Russian Artist v angloyazychnom tekste* [Interpretation of the concept 'Russian artist' in anglophone text]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 2021, issue 3(46), pp. 281–284. (In Russ.)

Shpyakina O. A. *Struktura yazykovogo kontsepta otsenki v sovremennom angliyskom yazyke (na materiale otsenochnykh glagolov)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Structure of lingual concept of evaluation in modern English (based on the material of evaluative verbs. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2005. 24 p. (In Russ.)

Basin J., Glatigny P. D., Piotrowski P. *Art Beyond Borders: Artistic Exchange in Communist Europe (1945–1989)*. Leipzig Studies on the History and Culture of East-Central Europe, vol. 3. Budapest, Central European University Press. 2016. 518 p. Available at: <https://proxy.library.spbu.ru:4767/eds/detail/detail?vid=12&sid=33403be7-77ed->

448b-8e72-84ee3f099a72%40redis&bdata=Jmxhbm c9cnUmc2l0ZT1lZHMtbGl2ZSZzY29wZT1zaXRI# AN=1179919&db=nlebk (accessed 3 May 2022). (In Eng.)

Cambridge Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/> [CD]. (accessed 25 Mar 2022). (In Eng.)

Dickerman L. *Camera Obscura: Socialist Realism in the Shadow of Photography*. October 2000, issue 93, pp. 139–153. Available at: <https://proxy.library.spbu.ru:4767/eds/detail/detail?vid=13&sid=33403be7-77ed-448b-8e72-84ee3f099a72%40redis&bdata=Jmxhbm c9cnUmc2l0ZT1lZHMtbGl2ZSZzY29wZT1zaXRI#db=asn&AN=3680149> (accessed 12 May 2022). (In Eng.)

Hardiman L., Kozicharow N. *Modernism and the Spiritual In Russian Art: New Perspectives*. Cambridge, Open Book Publishers. 2017. 313 p. Available at: <https://proxy.library.spbu.ru:4767/eds/detail/detail?vid=22&sid=33403be7-77ed-448b-8e72-84ee3f099a72%40redis&bdata=Jmxhbm c9cnUmc2l0ZT1lZHMtbGl2ZSZzY29wZT1zaXRI#AN=1682816&db=e001mww> (accessed 12 May 2022). (In Eng.)

Hart C., Lukeš D. *Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis: Application and Theory*. Newcastle, UK, Cambridge Scholars Publishing, 2007. Available at: <https://eds.p.ebscohost.com/eds/ebookviewer/ebook/ZTAWMHh3d19fNTI0MTU2X19BTg2?sid=5b6c5bba-d40a-4779-ba11-169406343812@redis&vid=6&format=EB&rid=32> (accessed 15 Apr 2022). (In Eng.)

Bonnell V. *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. University of California Press, 1998. 385 p. (In Eng.)

Bowlt J. Russian and Soviet Painting at San Francisco. *The Burlington Magazine*, 1977, vol. 119, issue 894, pp. 671–672. Available at: https://proxy.library.spbu.ru:2163/stable/878988#metadata_info_tab_contents (accessed 18 Jul 2022). (In Eng.)

Klevan A. *Aesthetic Evaluation and Film*. Manchester, Manchester University Press, 2018. 242 p. Available at: <https://eds.s.ebscohost.com/eds/detail/detail?vid=4&sid=c32ff25e-680a-4d74-a54b-75c7395ef0c1%40redis&bdata=Jmxhbm c9cnUmc2l0ZT1lZHMtbGl2ZSZzY29wZT1zaXRI#AN=1875941&db=nlebk> (accessed Jun 5 2022).

Other Voices: Three Centuries of Cultural Dialogue between Russia and Western Europe. Ed. by Gr. H. Roberts. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing. 2011. 248 p. Available at: <https://proxy.library.spbu.ru:4767/eds/detail/detail?vid=23&sid=33403be7-77ed-448b-8e72-84ee3f099a72%40redis&bdata=Jmxhbm c9cnUmc2l0ZT1lZHMtbGl2ZSZzY29wZT1zaXRI#AN=553440&db=nlebk> (accessed 12 May 2022). (In Eng.)

Roose H., Roose W., Daenekindt S. Trends in contemporary art discourse: Using topic models to analyze 25 years of professional art criticism. *Cultural Sociology*. 2018, vol. 12 (3), pp. 303–324. Available at: https://www.researchgate.net/publication/324417501_Trends_in_Contemporary_Art_Discourse_Using_Topic_Models_to_Analyze_25_years_of_Professional_Art_Criticism (accessed 15 Apr 2022). (In Eng.)

Rusnock K. A. *Socialist Realist Painting During the Stalinist Era: The High Art of Mass Art*. Lewiston, N.Y., Edwin Mellen Press, 2010. 219 p. Available at: <https://proxy.library.spbu.ru:4767/eds/detail/detail?vid=10&sid=33403be7-77ed-448b-8e72-84ee3f099a72%40redis&bdata=Jmxhbm c9cnUmc2l0ZT1lZHMtbGl2ZSZzY29wZT1zaXRI#AN=483306&db=nlebk> (accessed 12 May 2022). (In Eng.)

Sharp J. A., Tulovsky J. *Irina Nakhova: Museum on the Edge*. New Brunswick, New Jersey, Rutgers University Press and the Zimmerli Art Museum, 2019. Available at: <https://proxy.library.spbu.ru:3648/ehost/detail/detail?vid=4&sid=b3a3dd71-ffff-4e3d-bc3a-c1ac1f2891cc%40redis&bdata=JkF1dGhUeXB1PwIwJmxhbm c9cnU%3d#AN=2318016&db=nlebk> (accessed 31 Jan 2022). (In Eng.)

Taroutina M. *The Icon and the Square: Russian Modernism and the Russo-Byzantine Revival*. University Park, Pennsylvania, Penn State University Press, 2018. 271 p. Available at: <https://proxy.library.spbu.ru:4767/eds/detail/detail?vid=25&sid=33403be7-77ed-448b-8e72-84ee3f099a72%40redis&bdata=Jmxhbm c9cnUmc2l0ZT1lZHMtbGl2ZSZzY29wZT1zaXRI#AN=1987321&db=nlebk> (accessed 12 May 2022). (In Eng.)

van Dijk T. *Society and Discourse. How Social Contexts Control Text and Talk*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 287 p. (In Eng.)

van Dijk T. *Discourse and Knowledge. A Socio-cognitive Approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. 407 p. (In Eng.)

Verschueren J. *Understanding Pragmatics*. London, Routledge, 1999. 312 p. (In Eng.)

Victoria and Albert Museum. The Conscriptio of the Arts during the Cold War. Available at: <http://www.vam.ac.uk/content/articles/t/the-conscriptio-of-the-arts-during-the-cold-war/> (accessed 10 Jun 2022). (In Eng.)

Walsworth C. *Soviet Salvage: Imperial Debris, Revolutionary Reuse, and Russian Constructivism*. University Park, Pennsylvania, Penn State University Press. 2017. 233 p. Available at: <https://proxy.library.spbu.ru:4767/eds/detail/detail?vid=26&sid=33403be7-77ed-448b-8e72-84ee3f099a72%40redis&bdata=Jmxhbm c9cnUmc2l0ZT1lZHMtbGl2ZSZzY29wZT1zaXRI#AN=1615331&db=nlebk> (accessed 12 May 2022). (In Eng.)

Kinds of Expert Evaluation in Anglophone Art Discourse on Works by Irina Nakhova

The reported study was funded by RFBR, project No. 20-012-00276

Natalia V. Shutemova

Professor in the Department of English Philology and Cultural Linguistics

Saint Petersburg State University

7–9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. n.shutemova@spbu.ru

SPIN-code: 6361-4981

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4188-0310>

ResearcherID: AAW-8265-2021

Submitted 27 Jun 2022

Revised 05 Jul 2022

Accepted 08 Aug 2022

For citation

Shutemova N. V. Vidy ekspertnoy otsenki v angloyazychnom iskusstvovedcheskom diskurse o tvorchestve I. Nakhovoy [Kinds of Expert Evaluation in Anglophone Art Discourse on Works by Irina Nakhova]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 3, pp. 56–68. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-56-68 (In Russ.)

Abstract. The paper aims to study kinds of expert evaluation and its representation in anglophone art discourse concerning the oeuvre of the artist Irina Nakhova. Based on the cognitive discourse analysis of the catalogue ‘Irina Nakhova. Museum on the Edge’, prepared by Jane Sharp and Julia Tulovsky for the artist’s exhibition at the Zimmerli Art Museum, the author of the paper has studied the subject, object and kinds of evaluation formulated for the foreign viewer. The study revealed that the subject of evaluation is characterized by complexity and includes, firstly, the authors of the publication, being experts in the field of art criticism, secondly, the artist herself, whose opinion is represented through direct and indirect quotation, and thirdly, the viewer, whose understanding is conveyed through the prism of the authors’ idea of it. Depending on the subject of evaluation, there can be distinguished internal and external, direct and indirect kinds of evaluation. The internal evaluation belongs to the artist, while the external one – to the authors of the publication and recipients. These kinds of evaluation are associated with the processes of generation and perception of a work of art. The direct evaluation belongs to the authors of the text, whereas the indirect one is reported by them, but belongs to the artist and the recipient. Based on the analysis, the complexity of the object of evaluation is revealed: it includes the artistic conception, the content and form of the works, their aesthetic impact on the recipient. It is established that the conception is given a positive rational evaluation by experts and a neutral rational evaluation by I. Nakhova herself. A positive rational evaluation of the content and form of works can be combined with a negative rational evaluation of the depicted object and a negative emotional evaluation of the aesthetic impact of some works on the recipient. To justify the evaluation of I. Nakhova’s oeuvre, there are used arguments based on facts, references to the authoritative persons and the recipient, comparison with other artists. The paper concludes that the evaluation of I. Nakhova’s works in anglophone art discourse is polyphonic, polychromic, well-reasoned.

Key words: anglophone art discourse; oeuvre of Irina Nakhova; expert evaluation; internal and external evaluation; direct and reported evaluation; rational positive evaluation; rational neutral evaluation; rational and emotional negative evaluation; argumentation of evaluation; means of representing the category of evaluation.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1(09)
doi 10.17072/2073-6681-2022-3-69-77

Чеховский контекст в «Сентиментальных повестях» Михаила Зощенко

Бао Тинтин

аспирант кафедры истории русской литературы

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. btt4896@gmail.com

SPIN-код: 7165-9724

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4000-5503>

ResearcherID: AFS-3915-2022

Статья поступила в редакцию 16.03.2022

Одобрена после рецензирования 13.04.2022

Принята к публикации 27.05.2022

Информация для цитирования

Бао Тинтин. Чеховский контекст в «Сентиментальных повестях» Михаила Зощенко // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 69–77. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-69-77

Аннотация. «Сентиментальные повести» М. М. Зощенко выстроены по принципу пирамиды, где каждый уровень согласуется и сообщается с предыдущими, с русской классикой. Одним из наиболее повлиявших на Зощенко писателей является Чехов. Их творческое сходство многообразно: поэтика повседневности, образ «маленького человека», лирический юмор, экзистенциальная проблематика. В настоящей работе проводится сравнительный анализ и интертекстуальное сравнение поэтики М. М. Зощенко и А. П. Чехова. Цель исследования – выявить, как М. М. Зощенко цитирует и трансформирует чеховский принцип «рассказов открытия», какие смыслообразующие функции выполняют интертексты. Анализ показал, что «Сентиментальные повести» М. М. Зощенко в большей степени созданы по чеховскому жанру «рассказов открытия». Тема прозрения, композиционный принцип «казалось – оказалось», экзистенциальная проблематика, футлярный комплекс продолжают литературную преемственность и предлагают новые возможности для интерпретации прозы М. М. Зощенко. Зощенковские герои – средний интеллигентский тип прошлого века. Трагедия заключается в том, что их мира уже нет, а судьба необратима, интеллигенты становятся бессмысленными мучениками страдания, жертвами смены эпохи. Сознают ли эту проблему герои или нет, они, как субъекты ориентирования в действительности, неизбежно погружаются в тупик познания бытия. Следовательно, страх, одиночество, непонимание, растерянность, разобщенность, провал коммуникации приобретают томительный вес и глубину в прозе М. М. Зощенко. Установлено, что в прозе явно ощущается авторское сочувствие к своим интеллигентам. Бытийный пафос, вечное бессилие мысли и действия, пафос невозможности возвращения к прошлой жизни и страх перед неведомостью судьбы составляют внутреннюю тему «Сентиментальных повестей» и поднимают повести до филологической высоты.

Ключевые слова: экзистенциальная проблематика; тема «открытия»; футлярный комплекс; интертекстуальность; интертекст; «Сентиментальные повести»; М. М. Зощенко; А. П. Чехов.

Введение

Говоря о наиболее повлиявших на Зощенко писателей, нельзя не назвать Чехова. «Зощенко, как писатель, является своего рода новым первичным Чеховым: Чехонте. Несмотря на разницу в эпохах, родство Зощенки с Чехонте мне кажется очевидным» [Анненков 1991: 313]. Творческое сходство писателей многообразно: поэтика повседневности, новаторство в литературном языке («работа с бытовыми и литературными штампами» [Жолковский 1999: 175]), образ «маленького человека», лирический юмор, экзистенциальная проблематика, медицинские темы (в произведениях Зощенко и Чехова представлен общий феномен «шарлатанов от медицины» [Болдырева 2021: 167]). Литературная связь Зощенко и Чехова проявляется не только в широком типологическом, но и в узком интертекстуальном аспекте. Наиболее наглядны сюжетные и мотивные реминисценции. Фабула в «Бедной Лизе» Зощенко взята из чеховской «Душечки», «Дама с цветами» представляет собой пародию на «основные знаковые характеристики чеховских персонажей и общий сентиментально-возвышенный настрой “Дама с собачкой”» [Колева 2013: 155].

Взаимодействие автора с предшественниками традиционно рассматривается как «проблема литературных влияний, реминисценций, сюжетных интерпретаций» [Лушникова 1995: 5]. В частности, само явление цитации и трансформации «чужих» текстов именуется в настоящее время термином «интертекстуальность». Эта концепция выдвинута Ю. Кристевой. Исследовательница пишет: «Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [Kristeva 1981: 66]. Однако, чтобы понятие интертекстуальности смогло остаться действенным аналитическим инструментом, мы обратимся к теории И. В. Арнольд, которая под интертекстуальностью понимает «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [Арнольд 1999: 351].

В настоящей работе мы анализируем в прозе Зощенко те места, которые должны отсылать читателя к творчеству Чехова и поднимаемым в нем вопросам: теме любви и страха, символической ассоциативности предметов, экзистенциальным проблемам и пр. Цель исследования – выявить, как М. М. Зощенко цитирует и трансформирует чеховскую традицию, какие смыслообразующие функции выполняют интертексты.

Материал и методы исследования

Материалом послужили «Сентиментальные повести» М. М. Зощенко и такие произведения

А. П. Чехова, как «Три сестры», «Человек в футляре», «Тапер», «Упразднили!» и т. п. Для решения задач исследования использовались типологический, интертекстуальный методы.

Актуальность исследуемой проблемы

Актуальность исследования обусловлена тем, что сопоставление поэтики Зощенко и Чехова еще остается малоизученным во всей своей полноте и сложности исследовательским вопросом, с учетом межтекстового компонента.

Результаты исследования и их обсуждение

В произведениях Зощенко и Чехова заметна общая ситуация любовного свидания – *rendez-vous (рандеву)*. У Чехова тема любви, как правило, связана с треугольником, уходом (или желанием ухода) женщины от мужа к другому мужчине. По этой фабульной линии построены «Несчастье», «Страх», «О любви», «Дама с собачкой» и пр. Большинство любовных историй связаны со светлой грустью и заканчиваются трагедией. К чеховскому рандеву близко зощенковское, которое реализовано мотивом «ухода женщины к другому», причем этим другим нередко оказывается более сильный мужчина, в частности сосед. Тамара вышла замуж за иностранного коммерсанта («Аполлон и Тамара»); Нина Осиповна убежала от мужа к заведующему хлебопекарней («Люди»); Домна Павловна выбрала военного телеграфиста («Коза»); Симочка жила с заведующим кооперативом («Мишель Синягин»).

При внимательном сопоставлении карьер мужчин можно обнаружить, что женщина выбирает не любовь, а «хлеб». С точки зрения женщины, стабильная семейная жизнь основана на надежной карьере мужчины. Причина ухода Нины Осиповны от мужа к заведующему хлебопекарней косвенно свидетельствует о жизненной ценности питания. Оно предстает «эмблемой жизни, счастья и покоя» [Жолковский 1999: 134]. Мотив еды становится «мерилом определения любовного чувства» [Обухова 2011: 30]. Если чеховские рандеву-драмы выражают разнообразные мировоззренческие взгляды на любовь по принципам «индивидуализации каждого конкретного случая» [Сухих 2007: 254], то зощенковские, напротив, лишь предлагают формулу любви. Сопоставление «слабого» мужа и «сильного» мужчины не просто сводится к любовной истории. Это сопоставление двух типов жизни, двух форм существования. Смена партнера означает смену жизненной позиции. Оппозиция между мужчинами – оппозиция прошлого и настоящего, старого и нового. Любовь у Зощенко шаблонна, формальна. Обсуждение брачных отношений практически есть философское размыш-

ление над проблемой бытия, над тем, какую форму существования можно выбрать.

У Зоценко «слабый» муж и его «сильный» соперник обычно находятся в состоянии антагонизма, но иногда они оказываются *двойниками*. Уход жены заставляет Ивана Ивановича совершить возмездие соседу, в итоге объектом мести становится собака. Драка героя с собакой опосредованно показывает пробуждение в нем зверя, он становится сильным и беспощадным. Амбивалентное снятие противопоставления слабого мужа и сильного антагониста возможно «путем превращения “слабого” в “сильного”» [Жолковский 1999: 99]. В этом процессе мотивы оборотничества и двойничества связаны с мотивом страха. Животное начало Ивана Ивановича демонстрирует его попытку преодолеть страх перед сильным соседом и вернуть себе семейное счастье.

В рандеву Чехова пейзаж (ночной сад, чистый воздух, лунное сияние, прошедший дождь...) обычно изображен в лирической интонации. Ситуация рандеву Чехова, «...даже когда повествование ведется в настоящем времени, имеет привкус воспоминания, всегда придающего сюжету печально-ностальгический оттенок...» [Сухих 2007: 261]. В зоценковском рандеву место любовного свидания – романтическое тихое пространство: сад, бульвар, сквер, берег моря... Любовная ситуация изображается то в меланхолической мелодике с сентиментальными воспоминаниями («Аполлон и Тамара», «Мишель Синягин»), то в патетическом тоне с пародийным оттенком («О чем пел соловей», «Сирень цветет»). Например, в повести «Сирень цветет»: «Они уходили по вечерам на озеро и там, на высоком берегу, на скамейке, а то и просто на траве под сиренью сидели, нежно обнявшись, переживая каждую секунду свое счастье» [Зоценко 2008: 192].

В «Аполлоне и Тамаре» есть сюжетная реминисценция из «Тапера» Чехова. Оба героя – музыканты, играющие на балах. У них общий комплекс неполноценности мотивирован ничтожностью социальной идентичности либо неуважением окружающих. «Не так ли? Что я такое? Тапер, прислуга... официант, умеющий играть!...» [Чехов 1976: 205]. «В этот момент Аполлон Перепенчук понял, какой он, в сущности, незначительный еще и мизерный человек» [Зоценко 2008: 20]. Отрывки можно интерпретировать с точки зрения переживания «маленького человека» в связи с незначительным социальным положением. Но наш акцент расставлен по-другому. Мы видим философский «сдвиг в сознании человека» [Катаев 1979: 11], т. е. *ситуацию «открытия»*. Данное наблюдение позволяет расширять направления и темы для дальнейшего сопоставления.

В книге В. Б. Катаева выделены следующие черты чеховских «рассказов открытия»: 1) прозрение и отрицание прежних привычных, поверхностных убеждений о жизни; 2) композиционный принцип «казалось – оказалось»; 3) человек как «субъект познания, субъект ориентирования в действительности» [там же: 87]; 4) футлярный комплекс, экзистенциальные мотивы. Заметим, что именно *по художественному принципу жанра «рассказов открытия» созданы «Сентиментальные повести» Зоценко*. Л. А. Посадская отметила, что внутри цикла повестей «можно (с определенной долей условности) выделить несколько типов сюжетов: философские – о смысле жизни, роли случая и судьбы, о прозрении...» и «бытовые» [Посадская 2013: 9]. На самом деле большинство этих типов могут быть включены в одну фабулу открытия либо прозрения. Жизнь для чеховских героев в цикле «рассказов открытия» враждебна, «представления любого героя о ней обнаруживают свою упрощенность, оборачиваются иллюзией» [Катаев 1979: 19]. Замечание В. Б. Катаева также уместно для оценки интеллигентов Зоценко, которые «были выброшены революционным вихрем из колеи жизни и было трудно найти себе место в обществе» [Гу Вэйцзе 2012: 210].

Аполлон – свободный художник, тапер, типичный романтический мечтатель. О его склонности к пребыванию в мире грез свидетельствует творчество: «Нахлынувшие на меня мечты» и «Фантазии реаль». Герой любит мечтать о счастье, о несбыточных карьерных планах: стать известным музыкантом, отважным авиатором, изобретателем, путешественником, хирургом. Он живет замкнуто, в одиночестве. Романтика затворнической жизни становится почвой для его фантазий. Он уверен в достижении успехов, но эти желания не сбылись. Проблема не в конфликте между мечтой и реальностью, а в сложности самой жизни. Она была украшена иллюзиями Аполлона, но революция уничтожила его фантазию. Само революционное преобразование не делает жизнь жестокой, а лишь раскрывает истинную, безжалостную ее сущность под обманчивой маской.

Аполлон, понимая жестокость бытия, впервые задумывается о том, как правильно жить. Его прозрение оказывается отрицанием наивных иллюзий и рефлексией о бессмысленности уходящей жизни: «...прежняя жизнь смешна и наивна. И смешно и наивно было его желание стать великим музыкантом и знаменитым прославленным человеком» [Зоценко 2008: 28–29]. Стоит почеркнуть, что Зоценко, как Чехов, убил не надежды, а наивные иллюзии. Аполлон, подобно субъекту познания в «рассказах открытия» Чехо-

ва, занят осмыслением жизни, но бессилён в ней ориентироваться: «Только что живет по-выдуманному. А ему нужно по-другому жить... Но как нужно было жить, <...> он не знал» [Зощенко 2008: 32]. Бессилие разобраться в жизненных вопросах ведет к неспособности в выборе действия и невозможности вырваться из заколдованного круга. Прозрение повлечет не душевное успокоение, а мучение и дисгармонию. Переход Аполлона к новому видению осуществлен с помощью композиции «казалось – оказалось»: «Но то, что раньше казалось ему легким и простым, теперь представлялось необыкновенной трудностью, даже невозможным» [Зощенко 2008: 22]. «Он чувствовал какой-то испуг перед неведомой ему, оказывается, жизнью. Ему казалось теперь, что жизнь – это какая-то смертельная борьба за право существовать на земле» [там же: 65].

Не менее серьезным выглядит открытие, которое делает Белокопытов («Люди»). Неудачные попытки устроиться на работу заставляют Белокопытова понять бесполезность дворянского образования (владение испанским языком) и открывают ему глаза на реальность: «Он, оказывается, ничего не умеет и ничего не может, и что об этом он еще никогда не задумывался» [там же: 63]. Тема «открытия» развернута в сюжете «казалось – оказалось». Гносеологический поворот приносит Белокопытову беспокойство, даже влечет деградацию личности. В пучине бедствий герой, потеряв доброе начало, постепенно превращается в торговца, склонного к обману покупателей. Он смиряется и утверждает новую – циничную – философию жизни: «Цинизм – это вещь, совершенно необходимая и в жизни нормальная...» [там же: 71].

Аналогичная ситуация описывается в «Страшной ночи». Котофеев вел обыденную, стабильную жизнь. В результате беседы с бывшим помещиком и учителем чистописания он опровергает свое поверхностное, привычное представление о жизни, задумывается о случайности, нетвердости существования. Прозрение приводит к хаосу: «Какое-то неясное беспокойство овладело им» [там же: 103]. Хаос проявлен не только в психологической тревоге, но и в беспорядочном поведении. Борис Иванович «закричал», просил милостыню, «...с трудом раскачивая тяжелый медный язык, бил по колоколу...», «...был смертельно бледен и дрожал всем телом» [там же: 110–112].

В повести также очевидны сюжетные и мотивные реминисценции из «Упразднили!» Чехова. Как полагает С. Г. Боровиков: «Завязка фабулы “Страшной ночи” почти повторяет рассказ Чехова “Упразднили!”...» [Боровиков 2015: 558]. Изображение портрета тревожной, недоумевающей души героев перед возможной отменой

профессии / отменой чинов рифмуется. У Чехова: «Проводив землемера, упраздненный прапорщик заходил по всем комнатам и стал думать» [Чехов 1975: 224]. «Через два часа он приехал к себе домой бледный, без шапки, с тупым выражением ужаса на лице... Жена, пораженная его видом, забросала его вопросами, но на все вопросы он отвечал только маханием руки...» [там же: 227]. У Зощенко: «И, снова задохнувшись, он встал со стула и принялся ходить по комнате. Страшное волнение охватило его» [Зощенко 2008: 108]. «А когда ему напоминали об этих подробностях, он конфузливо махал руками, упрашивая не говорить об этом» [там же: 113].

В. Б. Катаев отметил: «Герои Чехова-юмориста живут в строго регламентированном мире, где любое действие должно уместиться в ячейку той или иной знаковой системы, <...> будь то упразднение чинов или реформа орфографии, это для него равносильно жизненной катастрофе» [Катаев 1979: 49–50]. Замечание исследователя в той или иной степени справедливо, однако с ним нельзя полностью согласиться. Страх Вывертова спровоцирован не столько упразднением чинов либо крушением регламентацией, сколько неожиданным случаем, непрочностью существования. Вот почему он говорит не без тревожного сомнения: «Не упразднили ли уж и солнца?» [Чехов 1975: 227]. Страх Вывертова – это своего рода экзистенциальная эмоция боязни случайности, находящая аналог в «Страшной ночи»: «Не в том, Луша, дело, что попрут, <...> – А в том, что превратно все. Случай...» [Зощенко 2008: 107].

Котофеев – чеховский «человек в футляре», боящийся случайности. Тревожно-боязливый темперамент героя напоминает о лейтмотивной фразе Беликова: «Да как бы чего не вышло» [Чехов 1977: 43]. Чеховские инварианты «футлярности» – «мотивы ограниченности, окостенелости, порочной повторяемости, страха перед жизнью, желания защититься от нее условностями и штампами, прижизненного омертвления и преждевременной смерти и т. д.» [Жолковский 1999: 179] – могут говорить о литературной преемственности. Зощенко варьирует чеховский футлярный комплекс, экзистенциальные мотивы.

Мотивы порядка / беспорядка и покоя / беспокойства прослеживаются почти во всех повестях. Размышление о нетвердости мирового порядка приносит Котофееву беспокойство («Страшная ночь»). Поиск Володиным перспективного брака ассоциируется с его стремлением к покою и порядку («Сирень цветет»). Мечта Забежкина («Коза») о козе мотивирована желанием об идиллической, гармоничной жизни.

Заметим, что хаос, связанный с мотивом беспокойства, проявлен и в *языковом хаосе* повест-

вователя / персонажей. В рукописи «Мишеля Синягина» несколько авторских поправок направлены на «дисгармонизацию повествования» [Чудакова 1979: 67]. По мнению Ю. К. Щеглова, в художественном мире Зощенко доминантна «некультурность», в частности «антилитературная речь», «некультурность зощенковского героя представляла собой, собственно говоря, довольно широкий комплекс психологических черт и экзистенциальных установок...» [Щеглов 1994: 237]. Языковой хаос является ключом к пониманию психологических механизмов персонажей, он есть внешнее выражение внутренней дисгармонии. Типичным примером является повествование Коленкорова, полное излома формулировок и семантического алогизма. Анахронизм Коленкорова, т. е. использование названия «Ленинград» вместо «Петроград» в эпоху НЭПа в «Мишеле Синягине» показывает его психологический темперамент, равнодушие к современности, разрыв во времени, главное – это человек, живущий в прошлом, а не настоящем. В варианте 1936 г. была логически запутанная фраза: «Если человек не помрет, то опасных явлений на всю жизнь не остается» [Зощенко 1930: 73]. «Зощенковский герой весьма смутно представляет себе точное значение употребляемых им слов и выражений» [Сарнов 1994: 62]. Этот речевой феномен может быть объяснен в экзистенциальных измерениях. «Ненадежность жизни определяет ненадежность повествовательной манеры» [Жолковский 1999: 60]. В поворотный период дисгармонизацию речевой конструкции демонстрирует беспорядочность существования, торжество хаоса над космосом.

Описание Зощенко экзистенциальной ситуации дано как бы реминисценциями из «Трех сестер» Чехова, где преобладает «тема “ориентирования” человека в жизни» [Катаев 1989: 205]. В этой пьесе Чехов, погружая своих героев в экзистенциальную ситуацию, показывает, что «судьба на мгновение посылает надежду и тотчас отнимает» [Хайнади 2015: 144]. Перед каждым героем стоит общечеловеческий вопрос: «Как жить?». Из их размышлений выстраивается основная цепочка: опровержение прежнего мировосприятия, переосмысление смысла бытия, неудачная попытка постичь сущность жизни, разрушенные ожидания. Вместе с этим – страх, одиночество, непонимание, растерянность, разобщенность, провал коммуникации.

Эти же явления носят всеохватывающий характер в повестях Зощенко. Его интеллигент – субъект познания, большинству из героев, как Котофееву, «необходимо чувствовать, что жизнь его имеет смысл, что он чем-то прикреплен к жизни, к мирозданию, к самим основам бытия»

[Сарнов 2005: 218]. Так, «Он думал о человеческом существовании, о том, что человек так же нелепо и ненужно существует»; «Как надо жить человеку» [Зощенко 2008: 31]; «Живет по выдуманному. А ему нужно по-другому жить...» [там же: 32]; «Как живут люди и в чем их существование» [там же: 33]; «Не все люди имеют право существовать» [там же: 73]; «Как же жить тогда? Чем, кроме этого, я прикреплен?» [там же: 107]. Л. А. Посадская полагает, что в «Сентиментальных повестях» «именно в моменты зрелого осмысления ценностей жизни человек погибает» [Посадская 2014: 12]. На самом деле, трагедия происходит не в моменты «зрелого осмысления» бытия, а в моменты приобретения этих возвышенных чувств, не допущенных суровым временем, поскольку «...не стоит искать в жизни какой-то “высший смысл”. Нету в ней никакого “высшего смысла”» [Сарнов 2005: 678–679].

По мнению А. Д. Семкина, Чехов предлагает две телеологические модели: «модель-якорь (убежденность в собственном компетентном знании как и для чего надо жить, дающая уверенность) и модель-вектор (мучительный поиск смысла, устремленность ввысь). Герои Зощенко, от примитивного Васи Былинкина до утонченного Мишеля Синягина – объединены очень важным обстоятельством. Во всех случаях присутствует это модель-якорь, а модель-вектор отсутствует» [Семкин 2018: 6–7]. С нашей точки зрения, Зощенко практически описывает более трагическую ситуацию: «противопоставление судьбы и жизни: судьба непознаваема, а в жизни действуют жесткие в своей определенности законы» [Балашова 2014: 230].

Стремление героев жить по-новому, вырваться из косных обстоятельств в повестях присутствует, однако бессилие в изменении привычной формы существования и преодолении психологической инерции побеждает. В «Мишеле Синягине» есть характерный эпизод: какие-то животные при опасности выбрасывают часть своих внутренностей, чтобы жить. Концепция «адаптация для выживания» тонко намекает на трагедию интеллигентов, которые есть средний интеллигентский тип прошлого века. Фраза «Вашего мира не будет» [Олеша 2013: 135], написанная Ю. К. Олешей, как нельзя лучше передает пафос повестей.

При обращении к бытийным вопросам внимание обоих писателей перемещается от объективной реальности к субъективно-созерцательному настроению, *от быта к бытию* – это характерные черты неореализма. Изображение бытия через быт является важным сходством Зощенко и Чехова, в их предметном мире вещественный знак приобретает метафизическую,

идеологическую значимость. «Мир духа в чеховской прозе в каждый момент изображенной жизни не отделен от своей материальной оболочки, слит с него» [Чудаков 2016: 169], вещные детали направлены на невещественные отношения. Данное «овнешнение» внутренней действительности имеет место и в художественной системе Зощенко, где внутренне-сущностное человека внешне-предметно воплощено. Коза представляет утопическую идиллию, знак гарантированного покоя, «коза – это внутренний мир, это душа маленького человека Забейкина» [Синявский 2015: 864]. Забейкин ее кормит, покупает ей цветы, с ней разговаривает. Эти действия как бы показывают, что коза для героя – духовная поддержка.

В повести «О чем пел соловей» влюбленные выдержали испытание перед лицом болезни, однако расстались из-за комода. Комод следует понимать не просто как овеществление любви, а как выражение некой идеологии, метафизический символ прочности бытия. От матери героини мы узнаем, что комод пятьдесят один год стоит на своем месте. Комод сохранился уже как память ушедшей эпохи. «Расстановка по местам» обеспечивает покой, «разумное мироустройство предполагает “правильную расстановку” предметов в соответствии со свойствами и назначением каждого» [Жолковский 1999: 148]. Спор героя и героини об интерьере, расположении комода практически представляет собой проблему сохранения памяти, соблюдения порядка и гарантии душевного покоя.

В «Людях» покупка примуса – «целое торжество», напоминает о торжественном моменте, когда Башмачкин надевает новую шинель. Примус – не только бытовой предмет, но и символ покоя и мечты о счастье. Его потеря перекликается с семейной трагедией Белокопытова и с чужим счастьем. Как полагает Л. А. Посадская: «Примус – это признак определенного достатка, а потом для утратившего все героя – признак домашнего чужого уюта» [Посадская 2013: 13].

Выводы

В заключение отметим, что «Сентиментальные повести» выстраиваются по принципу: «казалось – оказалось», «тогда – теперь», «старый мир – новый мир». Ситуация открытия, тема прозрения в повестях Зощенко часто представлена реминисценциями из прозы Чехова. Подобно «рассказам открытия», в которых «Чехов убивал не надежды, а иллюзии» [Катаев 1979: 217], в повестях Зощенко речь идет о бессмысленности иллюзии.

В «Трех сестрах» говорится «об общественном сдвиге, непосредственно направленном к полному переустройству всех форм старой жизни»

[Скафтымов 1972: 434]. Поставленная проблема получила продолжение в повестях Зощенко. Интеллигенты, живущие в переломный период истории, вынуждены изменить привычные формы существования и даже профессии. В связи с неведомостью, непрочностью судьбы человеку приходится искать некие твердые и прочные основы для перестройки разрушенного духовного мира.

Справедливо замечание С. Г. Боровикова: «Как страшны “Сентиментальные повести” Зощенко, как там силен и заразителен ужас перед жизнью вообще» [Боровиков 2015: 557]. Бытийный пафос, вечное бессилие мысли и действия, пафос невозможности возвращения к прошлой жизни и страх перед неведомостью судьбы составляют внутреннюю тему «Сентиментальных повестей».

Список литературы

- Анненков Ю. П.* Дневник моих встреч: Цикл трагедий: в 2 т. М.: Худ. лит., 1991. Т. 1. 346 с.
- Арнольд И. В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 444 с.
- Балашова Ю. Б.* Тема судьбы и случая в творческой эволюции М. Зощенко // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 226–232.
- Болдырева Е. М.* «Шарлатаны от медицины» во «времена великой скорби» в творчестве Лу Синя, А. Чехова, М. Зощенко и В. Шаламова // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 2. С. 167–181. doi 10.20323/1813-145X-2021-2-119-167-182
- Боровиков С. Г.* В русском жанре: Из жизни читателя. М.: Время, 2015. 576 с.
- Жолковский А. К.* Михаил Зощенко: поэтика недоверия. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 392 с.
- Зощенко Мих.* Сентиментальные повести // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Время, 2008. Т. 3. 640 с.
- Зощенко Мих.* Сирень цветет // Звезда. Литературно-художественный альманах. Л.: Прибой, 1930. С. 43–76.
- Катаев В. Б.* Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: Изд-во МГУ, 1979. 326 с.
- Катаев В. Б.* Реминисценции в «Трех сестрах» // Литературные связи Чехова. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 201–219.
- Колева И. П.* «Дама с собачкой» А. П. Чехова и «Дама с цветами» М. М. Зощенко: текст и интертекст // Михаил Зощенко: искусство пародии. Традиции отечественной юмористики XIX века в творчестве М. М. Зощенко. М.: Вече, 2013. С. 149–164.

Лушникова Г. И. Интертекстуальность художественного произведения. Кемерово.: КемГУ, 1995. 82 с.

Обухова И. А. «Сентиментальные повести» как этап творческих поисков М. М. Зощенко // Вестник университета Российской академии образования. 2011. № 2. С. 28–32.

Олеши Ю. К. Прощание с миром. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2013. 256 с.

Посадская Л. А. Повседневная жизнь и жизнь духа в «Сентиментальных повестях» М. Зощенко // Государственный литературный музей ХХ век. Альманах «ХХ век». СПб.: Островитянин, 2013. Вып. 5. С. 7–18.

Посадская Л. А. Человек и судьба (социальное и архетипическое) в «Сентиментальных повестях» М. Зощенко // Государственный литературный музей ХХ век. Альманах «ХХ век». Вып. 6. СПб.: ООО «Островитянин», 2014. С. 5–14.

Сарнов Б. М. Развивая традиции Прокруста (Михаил Зощенко и его редакторы) // Вопросы литературы. 1994. Вып. II. С. 45–91.

Сарнов Б. М. Случай Зощенко. Пришествие капитана Лебядкина. М.: Эксмо, 2005. 704 с.

Семкин А. Д. К вопросу телеологической парадигмы М. М. Зощенко // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 6. С. 1–8.

Синявский А. Д. Мифы Михаила Зощенко // Мих. Зощенко: Pro et contra, антология. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2015. С. 861–879.

Скафтымов А. П. К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова // Нравственные искания русских писателей. М.: Худ. лит., 1972. С. 404–435.

Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. СПб.: Изд-во Филол. ф-та СПбГУ, 2007. 492 с.

Хайнади З. Текст. Подтекст. Интертекст. «Три сестры» А. П. Чехова // Русская литература. 2015. № 1. С. 132–146.

Чехов А. П. Рассказы, повести, 1980–1983 // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1977. Т. 10. 496 с.

Чехов А. П. Рассказы, юморески, 1885–1886 // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1976. Т. 4. 552 с.

Чехов А. П. Рассказы, юморески. «Драма на охоте», 1884–1885. // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1975. Т. 3. 624 с.

Чудаков А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.

Чудакова М. О. Поэтика Михаила Зощенко. М.: Наука, 1979. 200 с.

Щеглов Ю. К. Энциклопедия некультуры (Зощенко: рассказы 1920-х годов и «Голубая книга») // Лицо и маска Михаила Зощенко. М.: Олимп: ППП, 1994. 366 с.

Kristeva J. Word, dialogue, and novel // Desire in language: a semiotic approach to literature and art. Oxford: Blackwell, 1981. P. 64–91.

Гу Вэйцзе. 谷玮洁. 讽刺幽默先驱左琴科的反抗抑或追随 (中篇小说集《感伤的故事》的例证) // 求索. 2012 年. № 1. 第 210–212 页 [Гу Вэйцзе. Возражение и следование юмориста и сатирика Зощенко (на материале «Сентиментальных повестей») // Чу Со. 2012. № 1. С. 210–212].

References

Annenkov Yu. P. *Dnevnik moikh vstrech: tsikl tragediy* [The Diary of My Meetings. The Cycle of Tragedies: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991, vol. 1. 346 p. (In Russ.)

Arnold I. V. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. St. Petersburg, Saint Petersburg University Press, 1999. 444 p. (In Russ.)

Balashova Yu. B. Tema sud'by i sluchaya v tvorcheskoy evolyutsii M. Zoshchenko [The theme of fate and chance in M. Zoshchenko's creative evolution]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts], 2014, issue 1, pp. 226–232. (In Russ.)

Boldyreva E. M. 'Sharlatany ot meditsiny' vo 'vremena velikoy skorbi' v tvorchestve Lu Sinya, A. Chekhova, M. Zoshchenko i V. Shalamova ['Charlatans from medicine' in the 'times of the Great Tribulation' in the works of Lu Sin, A. Chekhov, M. Zoshchenko and V. Shalamov]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2021, issue 2, pp. 167–181. doi 10.20323/1813-145X-2021-2-119-167-182. (In Russ.)

Borovikov S. G. *V russkom zhanre: Iz zhizni chitatelya* [In the Russian Genre: From the Reader's Life]. Moscow, Vremya Publ., 2015. 576 p. (In Russ.)

Zholkovskiy A. K. *Mikhail Zoshchenko: Poetika nedoveriya* [Mikhail Zoshchenko: Poetics of Mistrust]. Moscow, Shkola 'Yazyki russkoy kul'tury' Publ., 1999. 392 p. (In Russ.)

Zoshchenko M. *Sentimental'nye povesti* [Sentimental tales]. *Sobranie sochineniy* [Collected Works: in 7 vols.]. Moscow, Vremya Publ., 2008, vol. 3. 640 p. (In Russ.)

Zoshchenko M. *Siren' tsvetet* [Lilac in bloom]. *Zvezda. Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh* [Star. Literary Artistic Almanac]. Leningrad, Priboy Publ., 1930, pp. 43–76. (In Russ.)

Kataev V. B. *Proza Chekhova: Problemy interpretatsii* [Chekhov's Prose: Problems of Interpretation]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1979. 326 p. (In Russ.)

Kataev V. B. Reministsentsii v 'Treh sestrakh' [Reminiscences of the 'Three Sisters']. *Literaturnye svyazi Chekhova* [Literary Connections of Chekhov]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1989, pp. 201–219. (In Russ.)

Koleva I. P. 'Dama s sobachkoy' A. P. Chekhova i 'Dama s tsvetami' M. M. Zoshchenko: tekst i intertekst ['The Lady with the Dog' by A. P. Chekhov and 'The Lady with Flowers' by M. M. Zoshchenko: Text and intertext]. *Mikhail Zoshchenko: Iskustvo parodii. Traditsii otechestvennoy yumoristiki 19 veka v tvorchestve M. M. Zoshchenko* [Mikhail Zoshchenko: The Art of Parody. Traditions of the 19th-Century Russian Humor in M. M. Zoshchenko's Works]. Moscow, Veche Publ., 2013, pp. 149–164. (In Russ.)

Lushnikova G. I. *Intertekstual'nost' khudozhestvennogo proizvedeniya* [Intertextuality of a Work of Fiction]. Kemerovo, Kemerovo State University Press, 1995. 82 p. (In Russ.)

Obukhova I. A. 'Sentimental'nye povesti' kak etap tvorcheskikh poiskov M. M. Zoshchenko ['Sentimental Tales' as a stage of M. M. Zoshchenko's creative search]. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy Akademii Obrazovaniya* [Herald of the University of the Russian Academy of Education], 2011, issue 2, pp. 28–32. (In Russ.)

Olesha Yu. K. *Proshchanie s mirom* [Farewell to Life]. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2013. 256 p. (In Russ.)

Posadskaya L. A. Povsednevnyaya zhizn' i zhizn' dukha v 'Sentimental'nykh povestyakh' M. Zoshchenko [The daily life and the life of the spirit in M. Zoshchenko's 'Sentimental Tales']. *Gosudarstvennyy literaturnyy muzey 'XX vek'. Al'manakh 'XX Vek'* [The State Literary Museum 'XX Century'. Almanac 'XX Century']. St. Petersburg, Ostrovityanin Publ., 2013, issue 5, pp. 7–18. (In Russ.)

Posadskaya L. A. Chelovek i sud'ba (sotsial'noe i arkhetypicheskoe) v 'Sentimental'nykh povestyakh' M. Zoshchenko [A man and fate (social and archetypal) in 'Sentimental tales' by M. Zoshchenko]. *Gosudarstvennyy Literaturnyy Muzey 'XX Vek'. Al'manakh 'XX Vek'*. [The State Literary Museum 'XX Century'. Almanac XX century]. St. Petersburg, Ostrovityanin Publ., 2014, issue 6, pp. 5–14. (In Russ.)

Sarnov B. M. Razvivaya traditsii Prokrusta (Mikhail Zoshchenko i ego redaktory) [Developing the Procrustean tradition. Mikhail Zoshchenko and his editors]. *Voprosy Literatury* [Issues of Literature], 1994, issue 2, pp. 45–91. (In Russ.)

Sarnov B. M. *Sluchay Zoshchenko. Prishestvie kapitana Lebyadkina* [Zoshchenko's Case. The

Coming of Captain Lebyadkin]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 704 p. (In Russ.)

Semkin A. D. K voprosu o teleologicheskoy paradigme M. M. Zoshchenko [Towards the problem of teleological paradigm of M. M. Zoshchenko]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni Yaroslava Mudrogo* [Memoirs of NovSU], 2018, issue 6, pp. 1–8. (In Russ.)

Sinyavskiy A. D. Mify Mikhaila Zoshchenko [Mikhail Zoshchenko' myths]. *M. Zoshchenko: Pro et contra, antologiya* [M. Zoshchenko: Pro et Contra. Anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Press, 2015, pp. 861–879. (In Russ.)

Skaftymov A. P. K voprosu o printsipakh postroeniya p'es A. P. Chekhova [On the principles underlying the construction of Chekhov's plays]. *Nravstvennyye iskaniya russkikh pisateley* [Moral searches of Russian writers]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972, pp. 404–435. (In Russ.)

Sukhikh I. N. *Problemy poetiki A. P. Chekhova* [Problems of A. Chekhov's Poetics]. St. Petersburg, Faculty of Philology of Saint Petersburg State University Press, 2007. 492 p. (In Russ.)

Khaynadi Z. Tekst. Podtekst. Intertekst. 'Tri sestry' A. P. Chekhova [Text. Subtext. Intertext. 'Three Sisters' of A. P. Chekhov]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2015, issue 1, pp. 132–146. (In Russ.)

Chekhov A. P. Rasskazy, povesti, 1980–1983 [Stories, tales, 1980–1983]. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters: in 30 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1977, vol. 10. 496 p. (In Russ.)

Chekhov A. P. Rasskazy, yumoreski, 1885–1886 [Stories, humoresques, 1885–1886]. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters: in 30 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1976, vol. 4. 552 p. (In Russ.)

Chekhov A. P. Rasskazy, yumoreski. 'Drama na okhote', 1884–1885. [Stories, humoresques. 'Drama on the Hunt', 1884–1885]. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters: in 30 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1975, vol. 3. 624 p. (In Russ.)

Chudakov A. P. *Poetika chekhova. Mir Chekhova: Vozniknovenie i utverzhdienie* [Chekhov's Poetics. Chekhov's World: Emergence and Consolidation]. St. Petersburg, Azbuka-Attikus Publ., 2016. 704 p. (In Russ.)

Chudakova M. O. *Poetika Mikhaila Zoshchenko* [Mikhail Zoshchenko's Poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 200 p. (In Russ.)

Shcheglov Yu. K. Entsiklopediya nekul'turnosti (Zoshchenko: rasskazy 1920-kh godov i 'Golubaya kniga') [An encyclopedia of unculturedness. (Zoshchenko: Stories of the 1920s and 'The Sky-Blue

Book'). *Litso i maska Mikhaila Zoshchenko* [The Face and Mask of Mikhail Zoshchenko]. Moscow, Olimp: PPP Publ., 1994. 366 p. (In Russ.)

Kristeva J. Word, dialogue, and novel. *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*. Oxford, Blackwell, 1981, pp. 64–91. (In Eng.)

Gu Weijie. Fengci Youmo Xianqu Zuo Qinke Fanpan Yihuo Zhuisui (Zhongpian xiaoshuoji Gan-shang Gushi Lizheng) [The rebellion and the following of the pioneer of satirical humor Zochenko (based on the material of 'Sentimental Tales')]. *Qiusuo*, 2012, issue 1, pp. 210–212. (In Chin.)

Chekhov's context in Mikhail Zoshchenko's 'Sentimental Tales'

Bao Tingting

Postgraduate Student in the Department of History of Russian Literature

Saint Petersburg State University

7–9, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation. btt4896@gmail.com

SPIN-code: 7165-9724

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4000-5503>

ResearcherID: AFS-3915-2022

Submitted 16 Mar 2022

Revised 13 Apr 2022

Accepted 27 May 2022

For citation

Bao Tingting. Chekhovskiy kontekst v «Sentimentalnykh povestyakh» Mikhail Zoshchenko [Chekhov's Context in Mikhail Zoshchenko's 'Sentimental Tales']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 3, pp. 69–77. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-69-77 (In Russ.)

Mikhail Zoshchenko's *Sentimental Tales* are organized as a pyramid where each level is consistent and connected with the previous ones and with Russian classic literature. One of the writers who most influenced Zoshchenko was Anton Chekhov. Their creative similarity is manifold: the poetics of daily life, the image of the little man they wrote about, the lyrical humor, the existential problems they raised. The present study provides a comprehensive analysis and an intertextual comparison of M. Zoshchenko's and A. Chekhov's poetics. The paper aims to identify how Zoshchenko employs and transforms Chekhov's principle of discovery story and to determine the meaning-forming functions performed by intertexts. The analysis revealed that M. Zoshchenko's *Sentimental Tales* are to a great degree based on Chekhov's discovery story genre. The theme of sudden insight, the it seemed versus it turned out compositional principle, existential problems, man-in-a-case complex continue the literary succession and offer new opportunities for the interpretation of Zoshchenko's prose. Characters created by Zoshchenko represent the average intellectual type of the last century. The tragedy lies in the fact that their world no longer exists, and fate is irreversible, thus the intellectuals become senseless martyrs, victims of the change of epoch. Whether the characters are aware of this problem or not, being the subjects of orientation in reality, they inevitably plunge into a dead end of cognition of being. Consequently, fears, loneliness, lack of understanding, perplexity, disunity, communication failure acquire depth in M. Zoshchenko's tales. The paper evidently demonstrates the authors sympathy for intellectuals he writes about. Existential pathos, eternal powerlessness of the thought and action, pathos of the impossibility of returning to the past life, and fear of the unknown future, constitute the inner issues of *Sentimental Tales* and raise the stories to the philosophical level.

Key words: existential problems; the theme of discovery; man-in-a-case complex; intertextuality; intertext; *Sentimental Tales*; Mikhail Zoshchenko; Anton Chekhov.

УДК 821.161.1–312.1

doi 10.17072/2073-6681-2022-3-78-86

Дзэн-буддийские мотивы в романе А. А. Макушинского «Остановленный мир»

Леонид Викторович Дубаков**к. филол. н., доцент филологического факультета****Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне**

518172, Китай, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1. dubakov_leonid@mail.ru

SPIN-код: 8955-5605

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>*Статья поступила в редакцию 17.03.2022**Одобрена после рецензирования 30.05.2022**Принята к публикации 07.07.2022***Информация для цитирования**

Дубаков Л. В. Дзэн-буддийские мотивы в романе А. А. Макушинского «Остановленный мир» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 78–86. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-78-86

Аннотация. Целью статьи является осмысление воздействия дзэн-буддизма, его философских положений и практик, на проблематику и поэтику романа А. А. Макушинского «Остановленный мир». Буддийское влияние в романе проявляется в художественной реализации автором принципов пустотности реальности, иллюзорности человеческого «я», относительности времени и пространства, кроме того – в особенностях создания портретов героев, специфике пейзажей, интерьера, организации хронотопа. По итогам исследования можно констатировать, что А. А. Макушинский в «Остановленном мире» изображает мир, воспринятый в медитации, не только в смысле тщательного и подробного анализа всех составляющих реальности, но и буквально изображает мир из медитации. Писатель обращает внимание на принцип всеобщей связи вещей, обозначая сходство различных персонажей романа. «Остановленный мир» ищет параллели, которые наиболее адекватно объясняют, что собой представляет дзэн и человеческое сознание. Такими параллелями оказываются небо и вода, фотография, архитектура. При этом каждая из них выражает динамику, ставшую статикой, суету, ставшую покоем, или «остановленным миром». Теоретико-методологическая база работы основывается на исследованиях В. Н. Топорова (о «петербургском тексте») и П. В. Алексеева (о «мусульманском тексте»): прецедентный перевод структурно-семиотического подхода из урбанистически-культурной в религиозную сферу позволяет применить его и к литературоведческому исследованию присутствия в тексте буддийских идей и мотивов. Актуальность статьи определяется малой изученностью существования буддизма в отечественной литературе как одной из мировых религий и одной из традиционных религий России. Новизна статьи обусловлена попыткой подхода к последовательному и широкому изучению «буддийского текста» современной и новейшей русской литературы, выполненного на материале романа «Остановленный мир» А. А. Макушинского с учетом его стихотворного творчества.

Ключевые слова: дзэн; буддизм; пустотность; иллюзорность; онейрическая реальность; медитация.

В статье «Жажда света», посвященной сборнику стихотворений А. А. Макушинского «Свет за деревьями», Егор Радов пишет о том, что внутренний ритм его поэзии стремится к спокойному созерцанию реальности во всех ее по-

дробностях, к «остановке мира» [Радов: эл. ре- сурс]. Спустя десять лет А. А. Макушинский напишет роман под названием «Остановка мира», и поэтика этого романа будет в целом именно такой, какой ее описал Е. Радов. При этом

важно, что основа этой поэтики имеет в том числе религиозные корни: прежде всего, речь идет о дзэн-буддийских размышлениях и практиках автора, о чем он сам много пишет в романе. Однако, помимо поэтики, дзэн-буддизм оставил след и в других составляющих «Остановки мира».

Так, в частности, этот роман имеет сложную тематическую структуру. Помимо того, что «Остановку мира» можно охарактеризовать как любовный роман или роман об искусстве, в контексте данного исследования нужно обратить внимание на то, что он повествует о духовных путях русских и зарубежных буддистов, включая автора и одного из главных героев, а также об истории существования – медитационных практиках, проблемах и распаде – одного из немецких дзэн-буддийских сообществ (сангхи). Каждая из этих тем не существует сама по себе, так как, по неоднократно повторяющемуся в книге выражению автора, «всё как-то со всем связано в мире», «всё со всем соотносится», «одно отзывается в другом и перекликается с третьим» [Макушинский 2018: 7]. Как пишет Д. Т. Судзуки, один из классических дзэн-буддийских авторов XX в., в своей книге «Введение в дзэн-буддизм»: «факты нашего повседневного опыта неразрывно связаны со всем бытием» [Судзуки Д.: эл. ресурс]. И поиск и обнаружение этой связи оказываются одним из двигателей сюжета «Остановленного мира».

Главный герой романа Виктор повторяет судьбу Шестого патриарха дзэн-буддизма в части осмысления им иллюзорного существования своего «я» и его ухода в мир. Это сближение схоже с параллелью между Лидой и Шестым патриархом в романе «Монограмма» А. Л. Иванченко. Но там, где у Иванченко имеет место таинственное и полное совпадение Лиды и Шестого патриарха [Иванченко 2005: 376], Макушинский сконцентрирован на отдельных пересечениях судеб героя и Шестого патриарха и схожести решаемых ими проблем.

Виктор разгадывает коаны, заданные ему его учителем. Один из этих коанов – это классический коан, восходящий к стихам Шестого патриарха о подставке, зеркале и пыли: «Нет никакого дерева Бодхи (в других переводах: у Просветления нет дерева), ясное зеркало нигде не стоит (или: у зеркала нет подставки); поскольку изначально ничего не существует, где же может осесть пыль?» [Макушинский 2018: 66]¹, – оказывается Виктором решен. Другой коан – о поиске своего подлинного лица – Виктору не дается: ответы оказываются за пределами концептуализированных решений. Кроме того, Виктор, всё далее продвигаясь в медитации по пути дзэн, сталкивается с преградой привязанности: от-

вергнуть внешние «лицо, личико, личность, личину» (356), снять коркообразную кожуру китайской сливы, личи, заглянуть под чачван Гюльчатай из «Белого солнца пустыни» – фильма, виденного в детстве, забыть о сыгранном им в школе Самозванце из «Бориса Годунова», «теряться в созерцании любимого лица» (400) – все эти синонимические вещи упираются в необходимость оставить в прошлом любимых, лишиться их, как кажется Виктору, бытийности. И решение этой проблемы остается за пределами произведения.

Отдельно стоит отметить, что подобные фонетические и смысловые стяжения (лицо, личико, личина и т. д.) вообще характерны для письма Макушинского. Поэтический по сути прием, в его прозе имеющий вид уточнения, поиска подходящего слова, становится одним из элементов организации ритма романа и предлагаемого им способа смотрения на реальность: внутреннее зрение останавливается на том или ином физическом или абстрактном феномене и фиксирует его предельно подробно и точно. Согласно определению Егора Радова, это «медитативное описание» [Радов: эл. ресурс]. Макушинский, используя игру слов, создает емкие образы, выражающие буддийскую проблематику. Так, Виктор, говоря о «я» и заикаясь в волнении, невольно порождает образ ящера, хвост которого, архаичного и хищного, это человеческое эго: «У нас у всех хвосты, и какие! не остатки нашего эго, а вот такие, говорил Виктор, по-прежнему показывая руками огромное что-то, в-вот такие эгищи, такие вот я, такие я-я-ящеры» (602). Образ паронимических «облачных областей души» (403) для Виктора – характеристика его внутреннего мира, памяти о близких, того, с чем он не хочет расставаться на дзэнском пути.

Проблема иллюзорности «я» – одна из главных буддийских проблем романа. А. А. Макушинский обозначает ее в эпиграфе к первой части «Остановленного мира», приводя цитату из Ф. И. Тютчева: «О, нашей мысли обольщенье, / Ты, человеческое Я» [Тютчев 1980: 123]. При этом, как часто это бывает и у А. Л. Иванченко, классический литературный текст оказывается если не оспорен, то перекодирован, и тютчевское романтическое стихотворение «Смотри, как на речном просторе...» в контексте романа прочитывается как буддийский текст, в котором отдельное бытие, иллюзорные отличия разных «я» в финале пути теряют свою значимость: «Все вместе – малые, большие, / Утратив прежний образ свой, / Все – безразличны, как стихия, – / Солются с бездной роковой!..» [там же: 122]. То же позже происходит и со строками из тютчевского же стихотворения «Тени сизые смести-

лись...»: «Дай вкусить уничтоженья, / С миром дремлющим смешай!» [Тютчев 1980: 81]. Строки Ф. И. Тютчева охарактеризуют и способ понимания истины в дзэн-буддизме: ее умом не понять и аршином не измерить (70). В романе будут процитированы строки из стихотворения Д. Руми «Конечно, смерть завершает страдания жизни...» (в переводе А. Макушинского): «Потому что там, где пробуждается любовь, / умирает Я, тёмный деспот» (793), – которые и для автора (по словам автора), и для главного героя будут много значить и которые, несмотря на укорененность в восточном мистицизме, будут прочитаны сквозь буддийское мировидение.

Эпиграф ко второй части «Остановленного мира» также связан с литературой. Макушинский вспоминает фрагмент письма Л. Н. Толстого к А. А. Фету от 28–29 апреля 1876 года, их «“домашние” понятия» [Самойлова 2007: 93]: «...настоящие люди, с которыми я сходилась в жизни, несмотря на здоровое отношение к жизни, всегда стоят на самом краюшке и ясно видят жизнь только оттого, что глядят то в нирвану, в беспредельность, неизвестность, то в сансару, и этот взгляд в нирвану укрепляет зрение» [Толстой 1978: 447]. В письме от 30 января 1873 г. тому же адресату Л. Н. Толстой писал о нирване так: «О Нирване смеяться нечего и тем более сердиться. Всем нам (мне, по крайней мере, я чувствую) она интереснее гораздо, чем жизнь, но я согласен, что, сколько бы я о ней ни думал, я ничего не придумаю другого, как то, что эта Нирвана – ничто. Я стою только за одно – за религиозное уважение – ужас к этой Нирване» [там же: 421–422]. Чуть ранее, в первой части, в главе «Одумайтесь!», Макушинский осмысляет расхождения в переводе и понимании Толстым работы Созна Сяку «Буддистский взгляд на войну». Там, где речь шла о необходимости видеть даже на войне недифференцированную, не отделяющую одну личность от другой глубину, Толстой увидел отделение правых от неправых и апологию войны: «как будто никогда не существовало христианского и буддийского учения о единстве человеческого духа, о братстве людей, о любви, сострадании, о неприкосновенности жизни человеческой» [Толстой 1904: 57]. Кроме того, во время сессина и мытья посуды в медитативной сосредоточенности на буддийском хуторе автор вспоминает эпизод из «Анны Карениной», где Левин при косьбе с мужиками ощущает некую внешнюю, внесознательную силу, которая управляет их работой [Толстой 1970: 215]. Л. Н. Толстого автор вспоминает и в связке с И. А. Буниным, обозначая схожую внесубъективную эстетизацию мгновений земной жизни, «зарниц счастья» (308), у того и другого. Подоб-

но А. Л. Иванченко, А. А. Макушинский обнаруживает у Толстого и Бунина аспекты восточного мировосприятия. Вспоминая Толстого и других писателей, автор как бы проговаривает укорененность буддизма в русской культуре.

Как и для А. Л. Иванченко (цикл эссе «“Homo Mysticus”. Сутры солнечного удара»), для автора «Остановленного мира» литература становится частью духовного пути писателя [Иванченко]. Но, в отличие от Иванченко, Макушинский выбирает путь только писателя: он превращает строки О. Э. Мандельштама из стихотворения «Равноденствие» [Мандельштам 1993: 103] в мантру, и они ему оказываются «всякого буддизма важнее, и всякого дацана нужнее» (74). Выбирая между сатори и хорошим стихотворением, он выбирает второе (205–206); говоря о буддизме ушедшего от творчества фотографа Ф. Дртикола, автор замечает, что «хотел бы писать до последнего дня своей жизни» (242). А. Л. Иванченко говорит о соединении религиозного и художественного творчества, ищет срединный путь между различными метафизическими молчаниями творца, для автора «Остановленного мира» дзадзэн – это просто в том числе возможность «домолчаться» до слов, до творчества, нечто, что еще и способствует концентрации сознания. Вместе с тем автор в романе отмечает, что тот, кто стремится стать художником, пытается обрести свободу от «я», от эгоизма, и это схоже с тем, кто старается находиться в состоянии присутствия и просто наблюдать (235). Тина, вспоминая Анри Картье-Брессона, говорит, что «забвение себя самого», «свобода от собственной жизни способна придать <...> снимкам» (298) необходимую простоту выражения.

Герои романа, включая автора, долгие годы идут буддийским путем. Речь не только о немецкой буддийской сангхе, которую возглавляет Боб и вместе с которой Виктор проделал множество комплексов медитаций, сессингов, но и о ленинградских знакомых автора, что открыли для себя дзэн еще в Советском Союзе. И Васька-буддист, и Дима-фотограф спустя годы отошли от буддизма, но в каком-то смысле остались в нем. Первый, по замечанию автора, оказался чужд современной петербургской реальности, несмотря на успешный бизнес, и, как и раньше, снимал с себя «незримую паутинку» (60) (возможный образ буддийской пустотности), второй не оставил своего увлечения флейтой сякухати: когда он начинал играть, то один единственный звук создавал «вокруг себя свою собственную, почти зримую тишину» (73). Игра на флейте сякухати в дзэн-буддизме является вариантом практики, суйдзэном, «духовым дзэном», которая позволяет достичь самореализации. И сам автор по-

прежнему делает дзадзэн. Дзэн-буддизм был их вариантом внутренней свободы при недостатке свободы внешней: дзэн звучал как «счастливая, радостная, даже весёлая, пожалуй, мелодия, совсем неожиданная посреди уже почти привычной серости и мрачности мира» (24).

Другой аспект осмысления буддийских путей интеллигенции Советского Союза в «Остановленном мире» – это мотив преемственности поколений русских буддистов. Виктор пришел в буддизм через Ваську-буддиста, и он, и Дима-фотограф в настоящем времени удивляются поворотам его, «трепетного мальчика», судьбы в Европе и в буддизме. Виктор пошел в дзэне так далеко, как когда-то мечтали советские буддисты восьмидесятых, он оказался их естественным продолжением и в каком-то смысле оправданием.

Буддийские пути в романе – это также ложные пути. Например, история Барбары, в дзэне которой оказалось, вероятно, меньше духовных устремлений, чем любви к учителю, или история Герхарда, много знающего о буддизме, но фальшивящего внутри дзэна своей сутью, своими сансарическими амбициями. В «Остановленном мире» присутствует множество актуализирующихся связей и параллелей, одна из них – некоторое сходство между «буддийствующими девицами» Ленинграда и «дзэнствующими папашами, буддийствующими мамашами» (196) Германии и Барбарой, ставшей внешней причиной раскола Бобовой сангхи, а также предающимся самолюбованием интеллектуалом Геннадием и гордецом и завистником Герхардом, который читал лекцию «без намёка на Ген-наадиеву сладость и сахарность» (574) и который стал внутренней причиной этого раскола. И в целом А. А. Макушинский показывает в романе разных буддистов, в том числе создавая иронический образ «буддийско-банковского клуба» (378) Франкфурта, в который приглашают Виктора. Самоироничный автор видит несоответствие религиозного позиционирования и результатов дзэн-буддийской практики многих персонажей, исключая Боба, Китагаву-роси, Виктора, костяка Бобовой сангхи.

Помимо этого, образ буддизма в «Остановленном мире» создается за счет осмысления его национальных версий – европейской (немецкой и испанской) и российской, а также версий ленинградской и московской. Автор с Тиной посещает Дацан Гунзэчойней и отмечает разницу между ним и германским дзэнскими храмами: «В самом храме все показалось мне экзотическим, очень чуждым, ничуть не похожим на те дзэнские заведения, которые доводилось мне видеть в Германии, с их простотой, пустотой, чистотой, однозначностью их порядка <...> Здесь все было

какое-то сдвинутое, словно только что переставленное, переложенное со своего правильного места – но где оно? – на другое, случайное. А так оно и всегда бывает в России (я думал); буддизм здесь, может быть, даже и ни при чем. Всего было много, и все было пестрое, золотое и красное – подушки, циновки» (735). При этом осмотр и описание дацана перебивается чтением памятной таблички «Деятелям науки и культуры, жильцам и гостям дома», которая висит возле храма и на которой наряду с ламами и буддологами упомянут Д. И. Хармс. Автор далек от русского буддизма (ранее он отвергнет мысль о поездке в Иволгинский дацан), но пассажи, связанные с дацанами, оказываются у него соединенными с русской литературой. О. Э. Мандельштам вспоминается в связи с Иволгинским дацаном, глаза выхватывают Д. И. Ювачёва в связи с Дацаном Гунзэчойней. Отрицая эстетику русского буддизма, автор фиксирует его связь с русской культурой и его трагическую ноту. Вместе с тем для автора «прохладная ироничность дзэна чем-то <...> созвучна надменно-печальной ироничности петербуржцев» (51), в отличие от Москвы, которая для автора совсем не буддийская [Мандельштам 1990: 177] «(вопреки любимым стихам)» [Макушинский 2018: 91] О. Э. Мандельштама (о буддийских мотивах в поэзии О. Э. Мандельштама и, в частности, в стихотворении «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» см. статью Э. Мачерет «О некоторых источниках «буддийской Москвы» Осипа Мандельштама») [Мачерет 2007: 166–187]: у А. А. Макушинского иной, чем у Мандельштама, набор культурных и литературных ассоциаций в связи с буддизмом. И всё же он к нему постоянно возвращается: осы на Елагином острове, кружащиеся вокруг растений, напоминают автору мандельштамовских узких ос из стихотворения «Вооружённый зреньем узких ос...», что преодолевают смерть и сон в своем проникновении к земной оси, и эта ассоциация приводит автора к мысли о пустоте, что находится за феноменами (94–95). Сам он, впрочем, при этом сомневается, что его интерпретация пустоты совпадает с буддийской.

Буддийское измерение в романе «Остановленный мир» имеет и подход к созданию портретов персонажей. У Виктора – «буддистская синева голого черепа» (13) (дело здесь не только в обритых волосах на манер буддийских монахов, но и в связи Виктора через синеву с образом неба как зеркала сознания в медитации: «абсолютное состояние ума» – «чистое небо самадхи» (129)). То же у Димы-фотографа, цвет глаз которого меняется от серого до голубого и рифмуется с «голубым сиянием гор» (73) возле Иволгинского дацана.

Характерен для портретов в романе и мотив исчезновения человека. Так, Виктор, как и Боб, оказывается «прозрачным», похожим на стеклянные часы, поскольку его просветление, по определению автора, подобно «высветлению» внутренних «уголков, закоулков» (433). Портрет Боба переходит в речевую характеристику (его слова приходят из тишины), а та превращается в горный снежный пейзаж: человек словно растворяется в пустоте. Фотография Д. Т. Судзуки – «с взвихренными бровями, готовыми улечь за край кадра» (61), а значит, как бы оказаться в пустоте.

Принцип «всеобщей связи вещей» романа реализуется и в портретном сходстве отдельных персонажей. Так, например, сосед буддийской сангхи во Франкфурте – старик, брови которого своим «лихим разлётom» (180) напоминают автору фотографию Судзуки. При этом в «Остановленном мире» много литературных и философских сравнений: у Васьки-буддиста «толстовский нос на лице отчасти <...> гоголевском» (182); Герхард похож на Гейдеггера, а бармен в кафе возле музея Гёте – на них обоих; Герхард похож на Гейдеггера и вместе с ним – на Гитлера; на буддийском хуторе присутствует «гётеобразный Вольфганг» (472), богатый адвокат, «дядька с брюсовской бородкой» (137), отец Тины смотрит на послевоенное фото через «фришевские очки» (438) и т. д.

В главе “Lifestyle” во Франкфурте у фонтана «резвящиеся девицы» соседствуют с «гигантскими гологрудыми девами» (385), а над ними «в зеркалах небоскрёбов» плывут «скульптурные облака» (386). Люди в «Остановленном мире» словно получают иллюзорный статус, оказываясь связаны и со скульптурой, и со «скульптурными» облаками, теряя безусловность собственной телесности.

Можно говорить и о буддийском пейзаже «Остановленного мира». Один из главных образов – образ неба. Небо в романе – образ дзэн-буддизма: «только свобода, огромный воздух, огромный ветер свободы – и какое-нибудь лёгкое облачко, плывущее по лазоревому чистому небу» (40). Буддизм оставляет свои знаки на небе, и автор видит «дзэнские иероглифы неба» (44), «каллиграфические упражнения заката» (43).

Небо в романе является метафорой человеческого сознания (другой такой образ – образ реки), небо без облаков – это образ реализованного пробуждения: «Когда ты достигаешь несомненного Пути, по ту сторону всех стремлений, то это как бескрайнее небо, великолепное и пустое» (148), на самом деле «...нет пути, нет познания, нет достижения, есть только бескрайнее небо, великолепное и пустое» (195), – небо с облаками

отражает сансарические интеллектуальные и эмоциональные движения героев: «чувства и мысли должны прейти во мне, как облака по небу, как волны и рябь по воде, как отражения и отблески по поверхности того зеркала, которое оттирал я от пыли» (134). «Дзэнский май» автора и его езда на велосипеде по пустынным дорогам Балтики сопровождается «сиянием, громождением облаков» (46). «Царственные балтийские облака» (48) перемещаются по небу во время перечитывания автором дзэнских записей. «В стеклянном слепящем свете» (69) неба всё искрится после занятий дзэном, и ветер выметает мысли из головы автора. Медитация автора над «бодяком и мордовником» сопровождается «акварельными неспешными облаками» «в блеклом широком небе» (95). Ручей возле «францисканско-дзэнского монастыря» отражает «небо, сияние облаков, синеву между ними» (106), вызывая в авторе ощущение покоя. Автор в медитации управляет облаками своих мыслей и устанавливает связь с тем, что «за ними, под ними, с этой чистотой, пустотой, этим зеркалом» (134). «Мысли, как светлые облака, проходили по счастливому небу» (184) во время медитации. Беспокойные мысли Виктора не проходят «в нём, как облака по небу или как рябь на реке» (364). Виктор «впускает в себя <...> сияние неба над соснами <...> это белое пухлое облако <...> над горным невысоким хребтом» (535), практикуя сохранение осознанности. Над ним же в часы сомнений «облака неслись по небу, смятые ветром» (594). В последнюю, прощальную встречу автора и Виктора «громадные, рваные, клокастые, языкастые фиолетово-чёрные тучи бродили над рекой» (674), и такие же тучи (и такую ментальную проекцию) словно оставляет за собой Виктор, которого автор и Тина позже будут искать в Испании. В комической окантовке образ неба появляется в пассаже о студентах автора: те на его лекциях витают в мыслях и облаках и просто отсутствуют на занятиях. Возможность буддийского прочтения обозначена и иронически отвергнута.

Причем образ облаков в небе может многократно умножаться: во время стирки в ручье, в нем отражаясь, «полоскались облака», стиральный порошок уплывал «взрывчатым облачком», русалка «облачалась» (49) в рубашку. Две метафоры и игра слов создают параллель к сознанию автора, что пытается в медитации отпустить поток своих сцепленных мыслей. Позже, вновь в медитации, автор «сбоку и сверху» смотрит на своё отчаяние – «как в своё время на речку-вонючку с её облачками стирального порошка и облаками небесными» (103). «Россыпи изумрудных облаков» проявляются в «зеркальных про-

долговатых, под разными углами повёрнутых друг к другу окошках небольшого <...> небоскрёба» (456). А. А. Макушинский устраивает сложную оптику отражений (учитывая еще, что на этот небоскрёб, вероятно, смотрит и плачущая Тина), и иллюзия троекратно усиливается. То же – в Лиссабоне, где идет дождь, и автор, пребывая в состоянии сонливости, скользит по булыжнику на «отражённых витринах» (765). Размышления автора о Праджня Парамита Хридая сутре, о том, что слово «парамита» означает не только добродетель, но и переправу – через реку или море иллюзий, а праджня, мудрость, запредельна словам и концепциям, оказываются параллельны ночному франкфуртскому пейзажу. В Майне отражаются многочисленные огни, в том числе «верхние окна ближайших небоскрёбов» (190), и глубина реки становится непроницаемой для глаз (снова сложная оптика, усиливающая иллюзорность реальности).

Сам по себе Франкфурт для автора – «вертикально-зеркальный город, где вечно что-нибудь отражается в чём-нибудь: один небоскрёб в другом небоскрёбе и облака во всех сразу» (518): иллюзорность реальность – основная примета этого города, который был почти полностью разрушен в войну. Почти таким же предстаёт в романе и другой город: в «стеклянном, слепящем свете» (69) полярно-яркого солнца Петербург «искрится», «попыхает» и «горит». Лиссабон кажется автору «восстающим из вод видением, фата-морганой» (790).

Принцип «всеобщей связи вещей» реализуется не только в том, что одни персонажи похожи на других персонажей или других людей, но и в сходстве отдельных пространств. Так, вязы на московском бульваре, что «врастали в воздух, в пустое пространство» (43), похожи на «в синее небо врастающий» кипарис в китайском дворе, который «так же обладает и не обладает природой Будды» (43). Поездка на трамвае в Португалии напоминает автору такую же поездку в Ленинграде: вокруг тот же дождь и тот же булыжник.

Снежный пейзаж возле японского дзэнского монастыря напоминает Виктору пейзажи возле Токсово и Сестрорецка: внешние ландшафты наплывают друг на друга и становятся ландшафтом внутренним, внешний мир становится пространством психического. То же происходит с автором в одном из перерывов во время сессии на буддийском хуторе: внешний ландшафт становится «ландшафтом молчания» (43). Сияние вещей возле буддийского хутора видится Виктору «отсветом какого-то иного, крупнейшего сияния» (366), духовным пейзажем.

В «Остановленном мире» можно обнаружить буддийский интерьер. Автор лежит на «гори-

стой, скалистой, уже прямо непальско-тибетской кровати» (178). Обстановка комнаты Виктора из-за её аскетичности описывается автором как «Буддистское Ничто, перенесённое в повседневность» (511).

Мотив сна, онейрической реальности – еще один сквозной образ «Остановленного мира», уходящий корнями в буддизм. Автор периодически говорит, что находится в состоянии сна и испытывает пробуждение. Так, на экскурсии он рассматривает конференц-павильон Тадао Андо и отмечает, что это здание разбудило его, хотя он и не спал, что он почувствовал «толчок пробуждения» (17–18). Случайная встреча с Васьюкой-буддистом на книжной ярмарке рождает у автора мысль о том, что «всё, что происходит с нами, есть только часть и фрагмент одного невероятного сна» (472): человек пребывает в иллюзии и в лучшем случае лишь осознаёт, что спит, – а после рождает вопрос: зачем «снился мне этот пятидесятилетний издатель» (475)? Проповедь Боба о неведении помещена в главе под названием «Вы спите, а вам надо проснуться», позже, в Португалии, автор, повторив эту Бобову фразу, в медитации заметит, что наконец-то пробудился – «в смысле буквальном и не-буквальном, буддистском и не-буддистском» (781), и что это пробуждение есть преодоление жизни.

Остановка мира – это также принцип изображения. Так, петербургский денек, словно здание, «можно обойти с разных сторон, снять в разных ракурсах» (20). Не одни герои могут быть в медитации, но и мир вокруг них. Так, осы на Елагинном острове кружатся над бодяком и морковником, «не прерывая своей медитации» (94). При этом автор отмечает, что осы и они с Васьюкой-буддистом – одно, поскольку смотрят на этих ос: субъект, наблюдающий объект, и объект неразделимы в буддийской философии.

В финале романа мир для автора и Тины остановился буквально: «Замер сухогруз, остановился паром. Замолкли голоса у нас за спиной» (791), – на момент, длящийся как щелчок пальцев или чуть дольше. Этот момент автор сравнивает с пребыванием в кадре фотографии.

Фотография, искусство фотографии, является в «Остановленном мире» одним из способов передать мировидение дзэн-буддизма. У автора нарушается визуальное восприятие (он роняет и разбивает очки), и благодаря этому ему удается разглядеть на фотографиях Димы не детали, а фон. Черно-белая фотография с домом в углу фото, что был поставлен «посреди ничего, посреди пустоты» (89) и создавал «вокруг себя свою собственную <...> тишину, пустоту» (90), – пример реализации принципов искусства дзэна. Монохромность исполнения концентрирует

внимание зрителя на главном. Фон позволяет осознать не столько мастерство, сколько глубину работы. Несимметричность фотографии передает естественность, реальность. Одиночество дома напоминает об одиночестве того, кто уходит за пределы сансары [Судзуки Д.: эл. ресурс].

Фотографирование в романе – это то, что позволяет Виктору на миг обрести свое довременное лицо и увидеть такое лицо Тины. Тина, делая многочисленные фотоснимки женского тела, «словно всматривается в то, что саму её ждёт, всматривается без отчаяния, с отстранённым вниманием» (273). Это подобно буддийской медитации на неприглядное, каягасати, что направлена на умиротворение чувственности. Тине оказалась понятна «аналогия между дзэнским стремлением совпасть с текучим, летучим, неуловимым и, следовательно, как бы несуществующим, как бы пустым настоящим – и стремлением фотографа это настоящее в его неувоймости, в его непрерывном исчезновении, поймать, ухватить, удержать» (314). Фотографирование как «умение забывать о себе, превращаться в чистое зрение – *conditio sine qua non* фотографии» (317) – подобно пребыванию в здесь-и-сейчас дзэн-буддизма.

Сон Тины, в котором она увидела мир как архив фотографий, что запечатлели реальность «в сотнях тысяч ракурсов» (663), оказывается точным образом, описывающим особенность буддийского восприятия: время, как и угол взгляда, относительны, в относительной реальности есть лишь субъективное увиденное настоящее.

В «Остановленном мире» много указаний на относительность времени. Эпиграф к роману – это высказывание дзэнского учителя Догена Дзэндзи: «Время течёт из настоящего в прошлое». Парадоксальность этой фразы поясняется в комментарии в книге Судзуки Сюрю «Сознание дзэн, сознание начинающего»: «Время постоянно идёт от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему. Это так, но так же верно и то, что время идёт от будущего к настоящему и от настоящего к прошлому» [Судзуки С. 2000]. В нашем сознании единое время делится на три составляющих, и все три они одновременно в нашем сознании сосуществуют. Дзэн – это время здесь-и-сейчас, и другого времени нет: «...с дзэнской точки зрения <...> мгновение, это вечно длящееся, не иссякающее сейчас» (329).

Мир Советского Союза был «повёрнутым в будущее» (68), тогда как автору и Васкебуддисту был важен «призыв к свободе – сейчас и здесь» (69). В медитации «время идёт не вперёд, но вглубь, или вообще никуда не идёт» (129), «Прошлое имеет свойство возвращаться к нам, оживать в настоящем» (183).

Можно отметить и относительность пространства в романе: «Мы расставляем события нашей жизни во времени, как предметы в пространстве» (97), – говорит автор, и он сам, и его герои провидят в одних пространствах другие, ими оставленные. А сами пространства часто теряют свою предметность: так, автобусы из гостиницы в Вейле-на-Рейне уезжают «в своё никуда» (217).

Итак, А. А. Макушинский, продолжая эксперименты русской литературы прошлого [Кинуё 2001: 13] и актуализируя философские и поэтические смыслы, настроения и формы дальневосточной литературы, активно обращается в романе «Остановленный мир» к дзэн-буддийским мотивам. Они проявляют себя в тематике и проблематике произведения, в организации системы персонажей, в образе автора и образах главных героев. Буддийские мотивы обнаруживаются в пейзажах, портретах, интерьерах и пространственно-временной организации романа. Писатель реализует в книге буддийские принципы пустотности, иллюзорности личности, относительности времени и пространства. Художественный мир романа подвижен и пронцаем и стремится к самоотрицанию вследствие неоднозначного бытийного статуса. А. А. Макушинский обращает внимание прежде всего на философию и практику дзэн-буддизма, но одновременно в «Остановленном мире» демонстрируется специфика национальных версий буддизма, а именно то, как буддизм преломляется в сознании и поведении людей различных национальных культур. Важной составляющей романа оказывается мировая художественная литература, позволяющая автору выявить особенности буддийского мировосприятия.

Примечание

¹ Далее при ссылках на роман А. А. Макушинского страницы указаны в круглых скобках.

Список литературы

Иванченко А. Л. Монограмма. М.: АСТ: СПб.: Астрель-СПб, 2005. 379 с.

Иванченко А. Л. «Homo Mysticus». Сутры солнечного удара. Темные аллеи // Топос: сайт лит.-филос. жур. URL: <https://www.topos.ru/article/3003> (дата обращения: 14.03.2022).

Кинуё М. Художественное воплощение категорий философии дзэн в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева // Филологические науки. 2001. № 5. С. 13–20.

Макушинский А. А. Остановленный мир. М.: Изд-во «Э», 2018. 800 с.

Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: в 2 т. М.: Худ. лит., 1990. Т. 2. 623 с.

Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 1. 370 с.

Мачерет Э. О некоторых источниках «буддийской Москвы» Осипа Мандельштама // *Acta Slavica Iaponica*. 2007. Т. 24. Р. 166–187.

Радов Е. Жажда света // Газета Утро.Ру. URL: <https://utro.ru/articles/2007/12/26/704776.shtml> (дата обращения: 14.03.2022).

Самойлова Г. М. Русская литература и дзэн-буддизм // Вестник Курганского государственного университета. Серия: «Гуманитарные науки». 2007. Вып. 3, № 2(10). С. 93–96.

Судзуки Д. Т. Введение в дзэн-буддизм. URL: <http://psylib.org.ua/books/sudz01/txt33.htm> (дата обращения: 14.03.2022).

Судзуки С. Сознание дзэн, сознание начинающего / пер. с англ. Г. Богданова, Е. Кирко, Э. Семенова. 2-е изд. М.: Сиринь садхана, 2000. 232 с.

Толстой Л. Н. Анна Каренина. М.: Наука, 1970. 911 с.

Толстой Л. Н. Одумайтесь!: Ст. по поводу Русско-японской войны. Christchurch, Hants: «Свободное слово» А. Tchertkoff, 1904. 64 с.

Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями: в 2 т. / сост., вступ. статья и примеч. С. А. Розановой. 2-е изд., доп. М.: Худ. лит., 1978. Т. 2. 479 с.

Тютчев Ф. И. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1980. Т. 1. 384 с.

References

Ivanchenko A. L. *Monogramma* [Monogram]. Moscow, AST Publ., St. Petersburg, Astrel'-SPb Publ., 2005. 379 p. (In Russ.)

Ivanchenko A. L. 'Homo Mysticus'. Sutry solnechnogo udara. Temnye allei ['Homo Mysticus'. The Sunstroke sutras. Dark alleys]. *Topos*: website of the literary and philosophical journal. Available at: <https://www.topos.ru/article/3003> (accessed 14 Mar 2022). (In Russ.)

Kinuyo M. Khudozhestvennoe voploshchenie kategoriy filosofii dzen v 'Stikhotvoreniyakh v proze' I. S. Turgeneva [The artistic embodiment of the categories of Zen philosophy in 'Poems in Prose' by I. S. Turgenev]. *Filologicheskie nauki* [Philology. Theory & Practice], 2001, issue 5, pp. 13–20. (In Russ.)

Makushinskiy A. A. *Ostanovlennyy mir* [Stopped World]. Moscow, 'E' Publ., 2018. 800 p. (In Russ.)

Mandelstam O. E. *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Collected Works in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 2. 623 p. (In Russ.)

Mandelstam O. E. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works in 4 vols.]. Moscow, Art-Biznes-Tsentr Publ., 1993, vol. 1. 370 p. (In Russ.)

Macheret E. O nekotorykh istochnikakh 'buddiyskoy Moskvy' Osipa Mandel'shtama [On some sources of Osip Mandelstam's 'Buddhist Moscow']. *Acta Slavica Iaponica*, 2007, vol. 24, pp. 166–187. (In Russ.)

Radov E. Zhazhda sveta [Thirst for Light]. *Newspaper Utro.Ru*. Available at: <https://utro.ru/articles/2007/12/26/704776.shtml> (accessed 14 Mar 2022). (In Russ.)

Samoylova G. M. Russkaya literatura i dzen-buddizm [Russian literature and Zen Buddhism]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: 'Gumanitarnye nauki'* [Bulletin of Kurgan State University. Series: 'Humanities'], 2007, issue 3, no. 2(10), pp. 93–96. (In Russ.)

Suzuki D. T. *Vvedenie v dzen-buddizm* [An Introduction to Zen Buddhism]. Available at: <http://psylib.org.ua/books/sudz01/txt33.htm> (accessed 14 Mar 2022). (In Russ.)

Suzuki S. *Soznanie dzen, soznanie nachinayushchego* [Zen Mind, Beginner's Mind]. Transl. from English by G. Bogdanov, E. Kirko, E. Semenov. 2nd ed. Moscow, Sirin' sadkhana Publ., 2000. 232 p. (In Russ.)

Tolstoy L. N. *Anna Karenina*. Moscow, Nauka Publ., 1970. 911 p. (In Russ.)

Tolstoy L. N. *Odumaytes'!*: *Stat'ya po povodu Russko-yaponskoy voyny* [Bethink Yourselves. Tolstoy's Letter on the Russo-Japanese War]. Christchurch, Hants, 'Svobodnoe slovo' A. Tchertkoff Publ., 1904. 64 p. (In Russ.)

Tolstoy L. N. *Perepiska s russkimi pisatelyami* [Correspondence with Russian Writers: In 2 Vols.]. Comp., introd. article and comment. by S. A. Rozanova. 2nd enlarged ed. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978, vol 2. 479 p. (In Russ.)

Tyutchev F. I. *Sochineniya v 2 t.* [Essays in 2 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1980, vol. 1. 384 p. (In Russ.)

Zen Buddhist Motifs in A. Makushinsky's novel 'The Stopped World'

Leonid V. Dubakov

Associate Professor in the Faculty of Philology

Shenzhen MSU-BIT University

1, International University Park Road, Shenzhen, 518172, People's Republic of China. dubakov_leonid@mail.ru

SPIN-code: 8955-5605

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Submitted 17 Mar 2022

Revised 30 May 2022

Accepted 07 Jul 2022

For citation

Dubakov L. V. Dzen-buddiyskie motivy v romane A. A. Makushinskogo «Ostanovlennyy mir» [Zen Buddhist Motifs in A. Makushinsky's Novel 'The Stopped World']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 3, pp. 78–86. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-78-86 (In Russ.)

Abstract. The article aims to comprehend the impact of Zen Buddhism, its philosophical positions and practices on the problems and poetics of the novel by A. Makushinsky *The Stopped World*. The Buddhist influence in the novel is manifested in the literary implementation of the principles of the emptiness of reality, the illusory nature of the human 'I', the relativity of time and space, and also in the features of the created characters, landscapes and interiors, in the organization of the chronotope. Based on the results of the study, it can be stated that in *The Stopped World* A. Makushinsky not only depicts the world perceived in meditation by means of a thorough and detailed analysis of all components of reality but also literally depicts the world from meditation. The writer draws attention to the principle of universal connections of things showing the similarities of various characters in the novel. *The Stopped World* is looking for parallels that would most adequately explain what Zen and human consciousness are. Such parallels are sky and water, photography, architecture. Each of them expresses the dynamics that have become static, the fuss that has become peace, or the 'stopped world'. The theoretical and methodological base of the work rests on the research conducted by V. Toporov (on the 'Petersburg text') and P. Alexeev (on the 'Muslim text'): the precedent translation of the structural-semiotic approach from the urban-cultural into the religious sphere allows us to apply it also to the literary study of the presence of Buddhist ideas and motifs in the text. The relevance of the article is determined by the low level of knowledge of the presence of Buddhism in Russian literature as one of the world religions and one of the traditional religions of Russia. The article is novel in that it attempts to provide a consistent and broad study of the 'Buddhist text' of modern Russian literature based on the novel *The Stopped World* by A. Makushinsky taking into account the writer's poetic work.

Key words: Zen; Buddhism; emptiness; illusory; oneiric reality; meditation.

УДК 821.161.1–31

doi 10.17072/2073-6681-2022-3-87-94

Анималистическая образность в повести А. В. Королёва «Страж западни»

Елена Евгеньевна Завьялова**д. филол. н., профессор кафедры литературы****Астраханский государственный университет**

414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а. zavyalovaelena@mail.ru

SPIN-код: 7134-1443

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8380-6645>*Статья поступила в редакцию 13.03.2022**Одобрена после рецензирования 23.05.2022**Принята к публикации 16.06.2022***Информация для цитирования**

Завьялова Е. Е. Анималистическая образность в повести А. В. Королёва «Страж западни» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 87–94. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-87-94

Аннотация. Целью исследования стало выявление художественных функций анималистических образов в ранней, неизученной повести А. В. Королёва «Страж западни». Выбор ракурса оправдан тем, что изображение животного мира в произведении занимает значительное место, отличается принципиальной новизной, оригинальностью и имеет концептуальный характер. Были выделены наиболее частотные объекты изображения, определены закономерности их обрисовки, переносно-символическое значение и содержательно-смысловое наполнение. Установлено, что для воплощения батальной темы часто используются анималистические тропы. Едва ли не самыми главными героями произведения становятся две птицы: почтовый голубь и его противница гарпия. Ряд других орнитологических образов соотносится с определенным классом, «кастой». Отчетливо выстроены параллели между персонажами-людьми и их двойниками-животными. По мере нарастания драматической напряженности увеличивается степень «одушевленности» художественного пространства. Живые существа уравниваются в своей значимости. Демонстрируется несостоятельность искусственной системы – в масштабах отдельной личности и всего государства, манифестируется единство сущего в мироздании, связь времен и главенство высшего начала. Делается вывод о том, что уже в начале своего творческого пути А. В. Королёв отходит от реалистической парадигмы. Очевиден интерес писателя к фантазмагорическим трансформациям, коллажу, иронии, гротеску, выделению маргинального смысла, множественности гетерогенных кодов, многомерности. Всё это позволяет уточнить вектор художественных поисков автора и по-новому взглянуть на литературный процесс середины 1980-х гг.

Ключевые слова: А. В. Королёв; анималистические образы; анималистические тропы; художественное пространство; символ; миф; избыточность; нониерархия.

Анатолий Васильевич Королёв – одна из заметных и авторитетных фигур в современной российской литературе, писатель сложный и бесспорно талантливый. Большинство исследователей указывают на синтетическую природу его художественной системы. Так, С. И. Шейко-Маленьких выделяет в ней многообразные принципы постмодернистской поэтики: графическую выразительность текста, игру на уровне отбора

звучков, столкновение различных стилистических пластов, коллажную технику, двойное кодирование, размытость границ между «действительностью» и «вымыслом», многовариантность финалов [Шейко-Маленьких 2004]. В. Б. Катаев отмечает характерную манеру письма: «вольное и ироничное обращение с классикой, эссеистичность, когда не просто пишется произведение, но комментируется сам процесс писания» [Катаев

2002: 189]. Вместе с тем на идейно-ценностном уровне литературовед усматривает «родовую связь с... классической традицией» [там же: 189].

Г. Л. Нефагина пишет, что творчество А. В. Королёва «не укладывается в ложе какого-то одного художественного направления или даже системы» [Нефагина 2006: 155]; «писатель одинаково продуктивно работает и в пространстве реализма, внедряя в него модернистские сюрреалистические компоненты, <...> и в модернистской парадигме, обогащая её приёмами постмодернизма, <...> и в постмодернизме, основанном на человеческом измерении» [там же: 167]. С. С. Пахомова находит в произведениях писателя еще и стилистику барокко [Пахомова 2012: 7]. По мнению А. С. Климутиной, творчество А. В. Королёва эволюционирует «от ранней реалистической психологической прозы через опыт модернистской прозы к постмодернистской прозе культурной игры, аллюзивности, интертекстуальности, а затем – к синтезу эстетик» [Климутина 2009: 18].

Далеко не все произведения писателя обратили на себя внимание литературоведов. Повезло в этом смысле роману «Эрон» (см., например: [Климутина 2009; Абашева 2014; Колмакова 2014; Чащинов 2015; Гладилин 2016; Сорокина 2018]), повестям «Гений местности» и «Голова Гоголя». Первая опубликованная книга А. В. Королёва «Страж западни» фактически не изучалась. Между тем анализ этого текста позволил бы внести коррективы в общие представления о тенденциях развития литературы середины 1980-х гг. и доказать, что на закате советской эпохи уже полным ходом шло формирование новой художественной парадигмы.

Объектом нашего исследования стала анималистическая образность в повести. **Предметом** – ее художественно-функциональная специфика. Тема достаточно узка, она выбрана, поскольку изображение животного мира в данном произведении: 1) занимает значительное место; 2) отличается принципиальной новизной и оригинальностью; 3) имеет концептуальный характер.

Соответственно, **цель исследования** – выявление художественных функций анималистических образов в «Страже западни». Для ее достижения мы посчитали необходимым выделить наиболее частотные объекты изображения, определить закономерности их обрисовки, переносно-символическое значение и содержательно-смысловое наполнение. Методологической основой работы послужил системный подход, объединивший историко-литературный, структурно-типологический, культурно-исторический методы, элементы мотивного и мифопоэтического анализа.

Думается, что материалы статьи можно использовать в образовательной практике на занятиях по литературе в вузе и школе, например, в ходе обучения интерпретации антропоморфных мотивов, литературного пейзажа. Тем более что произведение А. В. Королёва изначально рассчитано на юную аудиторию (книга напечатана в 1984 г. в «Молодой гвардии»).

В немногочисленных отзывах повесть «Страж западни» называется реалистической [Скоропанова 2021: 19], как и вся ранняя проза писателя (см.: [Климутина 2009: 15; Колмакова 2014: 86]). На первый взгляд, это типичный образец литературы соцреализма. В ней ясно обозначен конфликт между чувством и долгом, отчетливо намечена граница между неправильными и правильными героями (см. [Белая 1990: 48]): пошлость, гедонизм белых противопоставлены благородству и самоотверженности красных. Приключенческое произведение о Гражданской войне ориентировано на массового читателя¹. Определен достаточно популярный в продукции такого рода сюжет: связной мчится через поля и леса, чтобы дать сигнал подпольщикам о начале наступления и поддержать атаку кавалерийской дивизии; на него объявляется охота.

Однако, как рассказывает автор, сначала повесть носила «игровое название “Мотылёк на булавке в шляпной картонке с двойным дном”», а его опубликованный вариант – «Ловушка на ловца» [Ответы... 2021: 85]. По справедливому замечанию И. С. Скоропановой, первое заглавие «указывает на момент деидеологизации» и «...устраняет компонент героизации гражданской войны 1918–1920 гг.» [Скоропанова 2021: 20].

Непривычно **обилие упоминаний о животных**. «Стража западни» можно было бы назвать орнитологической энциклопедией, число названных в ней видов птиц превышает четыре десятка: куропатки, перепела, коростели, сойки, дятлы, поползни, трясогузки, дергачи, овсянки, чечевичцы, иволги и проч. Плюс – насекомые, рептилии, земноводные, рыбы, звери... Пейзажи А. В. Королёва включают в себя подробные описания фауны Энска – городка, расположенного где-то в Центральной России. Благодаря сюжетной линии, связанной с бродячим цирком, список животных пополнен значительным количеством экзотических существ – карликовый слон, лев, антилопа, орангутанг, мартышки.

Частотны **анималистические тропы**: «свинцовые жала» пуль [Королёв 1984: 5], «тявкающая пушка» [там же: 179]², «муравьиные гроздья пехоты» (180), «по-комариному пищащий в высоте» аэроплан (180), «птичья сеть баллистики» (179) и т. п. Сразу отметим, что их основная часть используется писателем для воплощения

батальной темы. Важный в контексте обозначенной проблемы факт.

Подробнее о птицах. В начале повести они обрисованы вполне реалистично. Приведем лишь одно, филигранное, описание: «в ясной вышине лоскутком трепыхал колоколец – полевой жаворонок...» (3). А. В. Королёв сообщает много любопытных орнитологических сведений и даже цитирует А. Брема. По мере развития событий всё более явным делается антропоморфизм. Большинство образов ассоциируются с определенным классом, «кастой»: рассчитывающий на верноподданнические чувства попугай, глупые недалководидные куры, хищное ленивое воронье, прячущиеся по застрехам городские птахи-обыватели. Ближе к концу повести пернатые фактически организуют движение сопротивления: «Сыплется вниз дождь галочьих перьев. Внимают ужасной схватке сотни городских пичуг: галдят воробьи, чиркают по небу ласточки, подают голос скворцы и мухоловки, каркают вороны – слетаются клубами к чердаку» (142).

Две птицы становятся едва ли не самыми главными героями произведения. Через линию фронта должен прорваться не только молодой боец Сашка Соловьёв³, но и его питомец – почтовый голубь Фитька, с шифровкой, привязанной к лапке. Умный, коварный начальник контрразведки Муравьёв знает о плане и организует перехват турмана, ни много ни мало – с помощью заморской птицы, американского хохлатого орла, «летающей ловушки» (59). Этот орел – гарпия – как нарочно оказывается в нужное время в нужном месте, в Энск его привозит итальянец Бузонни, в числе других диковинок зверинца.

Итак, на одном полюсе системы образов помещен белый голубь, на другом – страшная хищная птица, которая соотносится с двуглавым орлом (византийским по происхождению [Караваева, Волкова 2014: 113] символом царской империи). А. В. Королёв явно старается вызвать у читателя симпатию к первому и отвращение ко второй. Приведем несколько показательных примеров.

Фитька называется «глупышом» [Королёв 1984: 109], «пичугой» (36), «голубком» (66), «дымком» (121), «пушинкой» (140), «крылатым снежком» (141), «лёгкой снежинкой под облаками» (68). Цвет его перьев «ослепительный» (111), «белоснежный» (63). У него «коготки» (120), «пёрышки» (8, 136), «клювик» (109, 120), «грудка» (8, 120), «сердечко» (8, 109) (трепещущее сердце пугливой птицы упоминается особенно часто). Турман в описании А. В. Королёва почти бесплотен, примечательная деталь – в густых ароматах кипрея⁴ он не воспринимается обонянием: «словно голубь был слеплен из снега

и не имел своего запаха» (121); здесь нам видится аллюзия на образ Святого Духа, соотносимый христианской традицией с этой птицей. Буквально на следующей странице аналогия «удваивается» прямой реминисценцией на библейскую историю: «Наверное, так же тревожно было лететь голубку над волнами в древней легенде...» (122).

В повести много сцен, написанных «от имени» голубя (по принципу «внутренней фокализации» [Женетт 1998: 204–205]): «турман слышит... Видит...» [Королёв 1984: 64]; «Фитька... чувствовал... следил...» (121). Переживаемые страхи и радости делают птицу ближе читателю – автор учитывает закономерности рецепции произведения искусства. Не может не вызывать отклика, скажем, такое, одно из многих подобных, описание: «Летит голубь над предутренним лесом, волочит по воздуху усталую правую лапку с примотанной гильзой» (112). Или: «Голубь и хотел и боялся взлететь, словно разучился летать, будто опять стал почти беспомощной птицей-птенцом, которая ещё не знает о том, что воздух держит машущие крылья» (121).

Гарпия изображается не менее эмоционально, но «овнешнено». А. В. Королёв часто использует экспрессивную лексику, отталкивающие сравнения: «клюв крючком» (84), «злой» (16), «ледяной взор» (9, 19), «лапы, похожие на голые по локоть женские руки» (60), «траурные полосы на голених» (185), «чёрные отполированные когти» (60), «нелепый хохолок из перьев на макушке, похожий на старушечий чепчик» (60). Птица называется «проклятой» (185), «жуткой» (10, 15), от неё пахнет падалью (18). Она «дрянь» (120), «монстр» (84), «тварь» (9, 15, 18, 137), «бестия» (10, 140), «фурия» (140), даже «вестница ада» (18) и «дева тьмы» (18). Инфернальный подтекст усиливается за счет сопровождающего описание птицы мотива смерти, а также повторяющейся детали – ненависти хищницы к белому цвету, ни больше ни меньше.

Судьба главных пернатых героев «Стража западни» предсказуема: Фитька возвращается на родной двор, гарпия Цара расстреляна взбешённым неудачей штабс-капитаном.

Отчетливо выстроены параллели между персонажами и эпизодами. В ночном лесу неясить (сова) хочет убить голубя⁵, а ефрейтор Цыганков – саму неясить. Выстрел солдата, обнаружившего красноармейца Сашку, спасает жизнь турману: звук пугает хищную птицу. Далее и голубь, и его хозяин отчаянно стараются вырваться из западни, спастись от преследования.

Допрос Муравьёвым председателя подпольного ревштаба монтируется с погоней гарпии за турманом (136) (циркуль – инструмент, с помощью которого рисуется идеальная, по мнению

начальника контрразведки, картина мира (134) и зона западни Цары (136); в ходе допроса Алексей Петрович называет бывшего политкаторжанина «голубчиком» (146)). Сцены, посвященные попытке намеченного Муравьевым захвата подпольщиков в доме Соловьёва, чередуются с теми, что описывают убийство бабочки сатурнии энтомологом-любителем⁶. Далее следует поучительная история про ласточку-касатку, которая не смогла достать упавшего в реку мотылька и сама стала добычей сома (164), – плохое для допросчика предзнаменование.

Воссоздаваемыми реалиями 1919 г. легко объяснить значительное количество образов лошадей в повести. В их описаниях выделяется ряд закономерностей. Когда речь идет о «гражданском» средстве перевозки, животные рисуются достаточно неприглядно. Верховые белой конницы, как правило, сытые, резвые. При изображении красной кавалерии чаще фигурирует лексема «конь», что делает образ животного маскулинным, подходящим для суровой военной службы и, соответственно, обеспечивающим в конечном итоге победу⁷. Одним из важных героев в «Страже западни» становится жеребец-трехлеток Караул. С потерей седока он обретает большую самостоятельность – и как животное, и как персонаж. В его описаниях преобладают внешние характеристики; ближе к концу повести ракурс смещается.

В произведении А. В. Королёва практически не говорится о романтических отношениях: одни люди полностью посвящают себя войне (Круминь, Соловьёв), другие удручены семейной рутинной (Бузонни), третьи сознательно ограждают себя от переживаний, довольствуясь «отношениями» (Чехонин). Тем выразительнее единственный любовный эпизод: встреча Карты и Караула⁸, лошадей, седоки которых – ефрейтор Оникпа и связной кавалерийской дивизии Сашка – убили друг друга.

Вот как описывается знакомство животных: «Сначала они враждебно косились, мельком оглядывая друг друга, затем внезапно коснулись головами и отпрянули. Чёрная, воронья Карта с коричневатыми подпалинами на голове и в паху была словно бы силуэтом ночи, а белый Караул, с белой гривой и снежным хвостом, был почти неразличим в пыльном золоте солнечного утра. Они были удивительно хороши в этот смертельный день. Белое и чёрное. День и ночь. И почувствовав звонкую рифму своих тел, согласие противоположных начал, кобыла и жеребец заржали, волнуясь и кружась вокруг друг друга и пускаясь в любовную погоню и бегство» (123–124). Такая иллюстрация к концепции Инь и Ян позволяет подчеркнуть мировоззренческую составля-

ющую сцены: идеи постоянной изменчивости, диалектический дуализм, **его вечную созидательную силу**.

Животные пытаются избавиться от сёдел и уздечек. Умиравший Сашка с изумлением видит, как они преображаются, превращаясь в поллюдей, различает большеглазые лица нимфы и кентавра. Над горизонтом простираются парнасские вершины (124), место, где происходит свидание, оборачивается оливковой рощей (125). Здесь слышатся голоса «божков... трав, вод и деревьев» (125), звуки «цимбал, флейт и пища-лок» (126). Влюбленные шепчут слова из оды Сапфо. Сквозь «огонь и дым» (177) гражданской войны проступают очертания «прошлого мира» (125), золотого века. В явившемся на колеснице Дионисе Караул узнает своего хозяина.

Данный эпизод абсолютно не типичен для книги о гражданской войне. Он – предтеча сюрреалистических метаморфоз, характерных для поэтики более поздних творений автора⁹. Важно, что мифологический «след» сохранился в еще одной ключевой сцене. Голубь Фитька, преследуемый Царой, сравнивается с фракийским царем Финеем, за которым гонится адская фурия: «красной медью отливают её крылья из стрелперьев» (140). По словам А. В. Королёва, таких фрагментов в повести было больше, от многих пришлось отказаться. «...Ключ для образности романа <...> я нашёл в античной мифологии, я населил текст <...> дриадами, у лошадей вырастали руки, как у кентавров, и они могли вынуть удила из пасти друг друга, моя гарпия из итальянского цирка была копией стримфалиды и т. д.» [Ответы... 2021: 85], – признается автор. На наш взгляд, с помощью подобных приемов манифестируется **единство сущего в мироздании**, связь времен и главенство высшего начала.

В сопряжении событий легко усмотреть вышний Промысел, заранее предусмотренный Божественный план¹⁰. В момент смерти Сашки Соловьёва героиня, с которыми соотносится его путь: конь и турман связанного, сатурния¹¹, – оказываются рядом. Они начинают двигаться в одном направлении: «теперь все трое – конь, птица и бабочка – устремились в одну точку на горизонте; конь вскачь, мотылёк порхая, голубь пикируя» [Королёв 1984: 128].

По мере нарастания драматической напряжённости **увеличивается степень «одушевлённости»** художественного пространства. Вот характерный фрагмент: офицер контрразведки намеревается захватить подпольщиков, вместе с председателем ревштаба направляется на явочную квартиру; дом окружён; развязка близится. Действие замедляет компактно-дескриптивный пейзаж (термин О. А. Витрук [Витрук 2011: 8]):

«Ночь кипела. В речной воде роились серебристые рыбки блики. Седая зелень садов колыхалась от ветра в лунном сиянии. В траве копошились жуки <...> В воздухе пересвистывались птицы <...> На фоне хора цикад то гас, то вновь вспыхивал стригущий голос сверчка» [Королёв 1984: 166]. Отрывок строится на контрасте «идиллический фон – переживания героев». Однако важнее другое: автор наглядно демонстрирует противостояние неправильных персонажей окружающему миру и своей сущностной природе. На примере образа штабс-капитана показывается несостоятельность искусственной системы – в масштабах отдельной личности и всего государства. «Порядок», «жизнь карманного формата» (168) бессильны против Времени. «Геометрическая реторта» (168) вдребезги разбивается Жизнью.

Действие повести движется к кульминации. Пулеметчик открывает огонь по дому Соловьёва. Нарратив «Стража западни» даже в частности базируется на антитезах: «Смерть вслепую шарит в горячей комнате, пытается зачеркнуть всё живое взмахами свинцового грифеля. А жизнь не сдаётся: бьётся языками пылающего керосина, трубит петушиным горлом, грозит змеиным шипом в чертополохе, накатывает свежим ветром, колет лучом полуночной звезды...» (175).

Казалось бы далёкие друг от друга нити повествования в конечном итоге оказываются связанными в тесный узел, как того требует приключенческий жанр. Между тем внимание А. В. Королёва к «незначительным» подробностям, имеющее безусловный концептуальный подтекст, **нелинейность структуры, нонирархия** позволяют вести речь о чертах антиромана¹². См.: «...Лиловый [агент, эсер – Е. З.] вышел из укрытия и решил зайти во двор, на свет керосиновой лампы за оконным стеклом, вокруг которого клубился пар мошканы. Рядовой Зыков, пробравшись к сарайчику, присел на корточки, прислонившись спиной к двери и положив винтовку на колени, – ему захотелось курнуть. Жирный кукушонок, еще с начала лета поселившийся в дупле турецкой вишни с узкой горловиной, из-за которой он так и не смог выбраться на свободу, проснулся в своей темнице. А разбудил его рядовой Жучков, который шумно отломил тонкую веточку вишни – поковырять в зубах, он уже истомился в засаде. Услышав хруст, кукушонок подал с испуга голос и разбудил птицу славку, которая, вылетев из-под стрехи, принялась носиться в тёмном воздухе над вишнями» (170–171).

Главные, второстепенные, эпизодические герои периодически проходят своего рода поверку: отмечается, кто что делает в настоящий момент. Например: «Муравьёв закурил от керосиновой

лампы <...>; рядовой Зыков, поставленный в засадку, прокрался через грядки укропа поближе к сарайчику, <...> и спящий на насесте петух вздрогнул от ясного скрипа яловых сапог; Фитька, дремавший под навесом, тоже встрепенулся от подозрительного шороха; старый бык переступил ногами» (170).

Действующие лица (и не-лица) уравниваются в своей значимости. Автор подчеркивает их **равновеликость**. Душами в произведении наделены все – люди, звери, птицы.

Как показывает проведенный анализ, уже в первом опубликованном произведении А. В. Королёва очевиден отход от реалистической парадигмы, заметен интерес писателя к модернистским и постмодернистским приемам (фантастическим трансформациям, коллажу, иронии, гротеску, выделению маргинального смысла, множественности гетерогенных кодов, многомерности и проч.). Сделанные выводы доказывают новаторский характер раннего творчества А. В. Королёва, позволяют уточнить вектор его художественных поисков и по-новому взглянуть на литературный процесс середины 1980-х гг.

Примечания

¹ См. яркое, хотя и спорное высказывание И. С. Скоропановой: повесть «написана в приключенческо-престиджитаторском, отчасти гротескно-пародийном ключе» [Скоропанова 2021: 19].

² Далее при ссылках на повесть А. В. Королёва страницы указаны в круглых скобках.

³ Фамилия протагониста, отсылающая к образу певца весны, обновления, любви, конечно, не случайна. Ближе к концу повести писатель актуализирует ассоциации с помощью характерного словосочетания «соловьиная кровь» [Королёв 1984: 122].

⁴ Иван-чай [Бурмистров, Никитина 1990: 71].

⁵ А. В. Гура отмечает, что у пернатых отчетливее, чем в других группах животных, «выявляется оппозиция чистый (святой, добрый) – нечистый (дьявольский, злой), охватывающая большую часть всех птиц и в основном совпадающая с оппозицией безвредный – хищный» [Гура 1997: 527]. Противопоставление писателем голубя то гарпии, то сове в этом смысле показательны.

⁶ А. В. Королёв наводит читателей на сопоставления путем очередной подсказки: «А в этот момент, когда коляска Муравьёва откатилась от штаба на Царской площади, <...> вчерашний студент <...> наколот её булавкой, воткнул в пробковую щель на коллекционной рамке...» [Королёв 1984: 163].

⁷ Подробнее об этом см. в нашей статье: [Завьялова 2021: 186–189].

⁸ Знаменательно созвучие их имен.

⁹ В послесловии к книге Э. А. Хруцкий подчеркивал, что А. В. Королёв «написал не совсем обычную повесть» [Хруцкий 1984: 189].

¹⁰ Об этом см.: [Нефагина 2006].

¹¹ Образ сатурнии, «отважной крохи» [Королёв 1984: 83], появляется и в других произведениях А. В. Королёва. Ему посвящено философское эссе – «Смысл мотылька», в котором автор связывает блистательную красоту чешуекрылого с полным отсутствием любого Эго.

¹² В современном понимании термина (см. [Hodgson 1982], [Cortázar 1994], [Бютор 2000]).

Список литературы

Абашева М. П. Протоэкфрасис в романе Анатолия Королёва «Эрон» // «Учёности плоды»: к 70-летнему юбилею профессора Ю. В. Шатина: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 173–186.

Белая Г. А. Угрожающая реальность // Избавление от миражей: соцреализм сегодня: сб. ст. / сост. Е. А. Добренко. М.: Сов. писатель, 1990. С. 28–48.

Бурмистров А. Н., Никитина В. А. Иван-чай узколистый (кипрей) // Медоносные растения и их пыльца. М.: Росагропромиздат, 1990. С. 71–72.

Бютор М. Роман как исследование / сост., пер. вступ. ст., коммент. Н. Бунтман. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 191 с.

Витрук О. А. Пейзаж как текстовое явление: на материале произведений англоязычных писателей XX – начала XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2011. 173 с.

Гладилин Н. В. Ростки постгуманизма в романе А. Королева «Эрон» // Успехи современной науки и образования. 2016. № 11 (5). С. 114–118.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. / пер. Н. Перцовой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2. С. 60–280.

Завьялова Е. Е. Образ коня в повести А. В. Королёва «Страж западни» // Художественная картина мира в фольклоре и литературе: материалы всерос. науч. конф. Астрахань: Астрахан. гос. ун-т; Изд. дом «Астраханский университет», 2021. С. 186–189.

Караваева Е. В., Волкова Л. Д. Бинарно-тринитарная символика в русской духовной и материальной культуре // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 7 (148). С. 108–115.

Катаев В. Б. Игра в осколки. Судьбы русской классики в эпоху постмодернизма. М.: Изд-во МГУ, 2002. 251 с.

Климутина А. С. Поэтика прозы А. Королёва: текст и реальность: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 228 с.

Колмакова О. А. Художественная концепция кризисного времени в русской прозе рубежа XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. 268 с.

Королёв А. В. Страж западни: повесть. М.: Молодая гвардия, 1984. 191 с.

Нефагина Г. Л. Поэтика романов А. Королёва // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. Вып. IV. Мн.: РИВШ БГУ, 2006. С. 155–168.

Ответы А. В. Королёва на вопросы И. С. Скоропановой: комментарии к роману «Змея в зеркале» // Скоропанова И. С. Культурфилософские шифры Анатолия Королёва: книга монографических статей. М.: Академика, 2021. С. 83–90.

Пахомова С. С. Повествовательные стратегии в творчестве А. Королёва, В. Шарова, П. Крусанова: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 223 с.

Скоропанова И. С. Культурфилософские шифры Анатолия Королёва: книга монографических статей. М.: Академика, 2021. 153 с.

Сорокина Т. Е. Художественное становление национально-исторического архетипа «Русский мир» в современной прозе. Ростов н/Д: Академ-Лит ТМ (Издатель ИП Ковтун С. А.), 2018. 222 с.

Хруцкий Э. А. «На той далёкой, на гражданской...» // Королёв А. В. Страж западни: повесть. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 188–190.

Чащинов Е. Н. Роман Анатолия Королёва «Эрон»: поэтика, проблематика, контекст: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2015. 211 с.

Шейко-Маленьких С. И. Поэтика русского постмодернизма в прозе 1990-х годов: мир как текст: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 162 с.

Hodgson R. The Parody of Traditional Narrative Structures in the French Anti-Novel from Charles Sorel to Diderot // Neophilologus. 1982. No. 66 (3). P. 340–348.

Cortázar J. Obra Crítica II. Madrid: Alfaguara, 1994. P. 141–150.

References

Abasheva M. P. Protoekphrasis v romane Anatoliya Koroleva 'Eron' [Proto ekphrasis in Anatoly Korolev's novel 'Eron']. 'Uchyonosti plody': k 70-letnemu yubileyu professora Yu. V. Shatina: sbornik nauchnykh trudov ['The Fruits of Scholarship': On the 70th Anniversary of Birth of Professor Yu. V. Shatin: Collection of Scientific Papers]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Press, 2014, pp. 173–186. (In Russ.)

Belaya G. A. Ugrozhayushchaya real'nost' [Threatening Reality]. Izbavlenie ot mirazhey: sotsrealizm segodnya: sbornik statey [Getting Rid of Mirages: Socialist Realism Today: Collection of Articles]. Comp. by E. A. Dobrenko. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990, pp. 28–48. (In Russ.)

- Burmistrov A. N., Nikitina V. A. Ivan-chay uz-kolistnyy (kiprey) [Ivan-tea narrow-leaved (fireweed)]. *Medonosnye rasteniya i ikh pyl'tsa* [Honey Plants and Their Pollen]. Moscow, Rosagropromizdat Publ., 1990, pp. 71–72. (In Russ.)
- Butor M. *Roman kak issledovanie* [A Novel as Research]. Comp., transl., introd., comment. by N. Buntman. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 2000. 191 p. (In Russ.)
- Vitruk O. A. *Peyzazh kak tekstovoe yavlenie: na materiale proizvedeniy angloyazychnykh pisateley XX – nachala XI vv. Diss. kand. filol. nauk* [Landscape as a textual phenomenon: Based on the works of English-speaking writers of the 20th – early 21st centuries. Cand. philol. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2011. 173 p. (In Russ.)
- Gladilin N. V. Rostki postgumanizma v romane A. Koroleva 'Eron' [The sprouts of posthumanism in A. Korolev's novel 'Eron']. *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Advances in Modern Science and Education], 2016, issue 11 (5), pp. 114–118. (In Russ.)
- Gura A. V. *Simvolika zhyvotnykh v slavyanskoj narodnoy traditsii* [Symbolism of Animals in Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p. (In Russ.)
- Genette G. *Povestvovatel'nyy diskurs* [Narrative discourse]. Genette G. *Figury* [Figures: in 2 vols.]. Transl. by N. Pertsova. Moscow, Publishing House named after the Sabashnikovs, 1998, vol. 2, pp. 60–280. (In Russ.)
- Zav'yalova E. E. *Obraz konya v povesti A. V. Koroleva 'Strazh zapadni'* [The image of a horse in A. V. Korolev's story 'The Guardian of the Trap']. *Khudozhestvennaya kartina mira v fol'klоре i literature: Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Artistic Picture of the World in Folklore and Literature: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]. Astrakhan, Astrakhan State University Press, Astrakhan University Publishing House, 2021, pp. 186–189. (In Russ.)
- Karavaeva E. V., Volkova L. D. *Binarno-trinitarnaya simvolika v russkoy dukhovnoy i material'noy kul'ture* [Binary and trinitarian symbolism in Russian spiritual and material culture]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2014, issue 7 (148), pp. 108–115. (In Russ.)
- Kataev V. B. *Igra v oskolki. Sud'by russkoy klassiki v epokhu postmodernizma* [A Game of Shards. The Fate of Russian Classics in the Postmodern Era]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2002. 251 p. (In Russ.)
- Klimutina A. S. *Poetika prozy Anatoliya Koroleva: tekst i real'nost'*. Diss. kand. filol. nauk [Poetics of Anatoly Korolev's prose: Text and reality. Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2009. 228 p. (In Russ.)
- Kolmakova O. A. *Khudozhestvennaya kontseptsiya krizisnogo vremeni v russkoy proze rubezha 20–21 vekov* [Artistic Concept of the Crisis Time in Russian Prose at the Turn of the 20th – 21st Centuries]. Ulan-Ude, Buryat State University Press, 2014. 268 p. (In Russ.)
- Korolev A. V. *Strazh zapadni* [The Guardian of the Trap: story]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1984. 191 p. (In Russ.)
- Nefagina G. L. *Poetika romanov Anatoliya Koroleva* [The poetics of Anatoly Korolev's novels]. *Nauchnye trudy kafedry russkoy literatury BGU* [Scientific Works of the Department of Russian Literature of the Belarusian State University]. Minsk, National Institute for Higher Education of the Belarusian State University, 2006, issue 4, pp. 155–168. (In Russ.)
- Otvety A. V. Koroleva na voprosy I. S. Skoropanovoy: kommentarii k romanu 'Zmeya v zerkale' [Answers of A. V. Korolev to the questions of I. S. Skoropanova: comments on the novel 'The Snake in the Mirror']. Skoropanova I. S. *Kul'turfilosofskie shifry Anatoliya Koroleva: kniga monograficheskikh statey* [Cultural and Philosophical Ciphers of Anatoly Korolev: A Book of Monographic Articles]. Moscow, Akademika Publ., 2021, pp. 83–90. (In Russ.)
- Pakhomova S. S. *Povestvovatel'nye strategii v tvorchestve A. Korolyova, V. Sharova, P. Krusanova*. Diss. kand. filol. nauk [Narrative strategies in the works of A. Korolev, V. Sharov, P. Krusanov. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2012. 223 p. (In Russ.)
- Skoropanova I. S. *Kul'turfilosofskie shifry Anatoliya Korolyova: Kniga monograficheskikh statey* [Cultural and Philosophical Ciphers of Anatoly Korolev: A Book of Monographic Articles]. Moscow, Akademika Publ., 2021. 153 p. (In Russ.)
- Sorokina T. E. *Khudozhestvennoe stanovlenie natsional'no-istoricheskogo arkheta 'Russkiy Mir' v sovremennoy proze* [Literary Formation of the National-Historical Archetype 'Russian World' in Modern Prose]. Rostov-on-Don, AkademLit TM (published by Sole Proprietor S. A. Kovtun), 2018. 222 p. (In Russ.)
- Khrutskiy E. A. 'Na toy dalekoy, na grazhdanskoy...' ['At that far, at the civil...']. Korolev A. V. *Strazh zapadni* [The Guardian of the Trap]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1984, pp. 188–190. (In Russ.)
- Chashchinov E. N. *Roman Anatoliya Koroleva 'Eron': poetika, problematika, kontekst*. Diss. kand. filol. nauk [Anatoly Korolev's novel 'Eron': Poetics, problems, context. Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2015. 211 p. (In Russ.)

Sheyko-Malen'kikh S. I. *Poetika russkogo post-modernizma v proze 1990-kh godov: mir kak tekst*. Diss. kand. filol. nauk [The poetics of Russian post-modernism in the prose of the 1990s: The world as a text. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2004. 162 p. (In Russ.)

Hodgson R. The parody of traditional narrative structures in the French anti-novel from Charles Sorel to Diderot. *Neophilologus*, 1982, issue 66(3), pp. 340–348. (In Eng.)

Cortázar J. *Obra Critica 2*. Madrid, Alfaguara, 1994, pp. 141–150. (In Span.)

Animalistic Imagery in the Short Novel 'The Guardian of the Trap' by A. V. Korolev

Elena E. Zavyalova

Professor in the Department of Literature

Astrakhan State University

20a, Tatishcheva st., Astrakhan, 414056, Russian Federation. zavyalovaelena@mail.ru

SPIN-code: 7134-1443

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8380-6645>

Submitted 13 Mar 2022

Revised 23 May 2022

Accepted 16 Jun 2022

For citation

Zavyalova E. E. Animalisticheskaya obraznost' v povesti A. V. Koroleva «Strazh zapadni» [Animalistic Imagery in the Short Novel 'The Guardian of the Trap' by A. V. Korolev]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 3, pp. 87–94. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-87-94 (In Russ.)

The aim of the study was to identify the literary functions of animalistic images in the early, unexplored novel by A. V. Korolev *The Guardian of the Trap*. The choice of this aspect is due to the fact that the depiction of the animal world occupies a significant place in the work, appears to be fundamentally novel, original, and has a conceptual character. The paper identifies the most frequently depicted objects, establishes the patterns of their rendering, the figurative-symbolic meaning, and the ideas they carry. Animalistic tropes were found to be often used to embody the battle theme. Perhaps the most important characters in the work are two birds, a carrier pigeon and harpy, his opponent. A number of other ornithological images are associated with a certain class, 'caste'. Parallels between human characters and their animal counterparts are clearly drawn. As the dramatic tension increases, there also increases the 'animateness' of the literary space. Living beings are equalized in their importance. The inconsistency of an artificial system is demonstrated – both on a scale of an individual and the entire state; the unity of what exists in the universe, the connection of times, and the primacy of the divine principle are manifested. The paper concludes that A. V. Korolev departs from the realistic paradigm already at the beginning of his literary career. His works show the writer's particular interest in phantasmagoric transformations, collage, irony, grotesque, marginal meaning, the multiplicity of heterogeneous codes, multidimensionality. All this makes it possible to clarify the vector of the writer's creative search and take a fresh look at the literary process of the mid-1980s.

Key words: A. V. Korolev; animalistic images; animalistic tropes; literary space; symbol; myth; redundancy; nonhierarchy.

УДК 821.111.09-93+821.111(73).09-93
doi 10.17072/2073-6681-2022-3-95-105

Архетип безответственного родителя в англоязычном подростково-молодежном романе XXI века

Исследование выполнено при поддержке гранта ректора БГУ

Наталья Станиславовна Зелезинская

к. филол. н., доцент кафедры теории и практики перевода

Белорусский государственный университет

220053, Беларусь, г. Минск, ул. Академика Курчатова, 5. zelennew@tut.by

SPIN-код: 2554-5988

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2018-1959>

ResearcherID: AAA-9591-2019

Статья поступила в редакцию 12.02.2022

Одобрена после рецензирования 02.06.2022

Принята к публикации 27.06.2022

Информация для цитирования

Зелезинская Н. С. Архетип безответственного родителя в англоязычном подростково-молодежном романе XXI века // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 95–105. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-95-105

Аннотация. В статье рассматривается архетип как константный первообраз, отражающий бессознательные ценностные ориентиры в литературном творчестве. Изменения архетипа в силу универсальности и первичности отображают лишь наиболее значимые тенденции, имеющие место не только в литературе, но и в культуре в целом, и в менталитете. К таким значимым изменениям относятся переоценка и перераспределение ролей родитель – ребенок-подросток в XX–XXI вв., которые отразились в реалистическом подростково-молодежном романе. Исследование показывает, что бинарный архетип мать – мачеха, построенный на дихотомии любящий – нелюбящий, теряет актуальность и уступает место архетипу родителя с амбивалентной семантикой, в структуре которого совмещены положительные и отрицательные черты, а именно «любящий, но безответственный», что показывают примеры Фионы из романа Н. Хорнби «Мой мальчик», Пенни, Керри и Бесси из романа Э. Локхарт «Мы были лжецами», Лейси и Алекс из романа Дж. Пиколт «Девятнадцать минут» и др. Образ безответственного родителя становится настолько привычным, что Дж. Фоер в романе «Жутко громко и запредельно близко» строит образ матери Оскара на обмане читательских ожиданий, представляя ее сперва как невнимательную и беспечную, а в финале раскрывая высокую степень ответственности героини, не только готовую взять на себя заботу о физической безопасности мальчика, но и осмелившуюся положиться на свою материнскую интуицию и довериться сыну ради улучшения его психологического здоровья. В статье поднимается вопрос о семантике мотивов любви и ответственности родителя по отношению к ребенку в современной литературе, очерчивается аксиологическое поле проблемного подростково-молодежного романа.

Ключевые слова: архетип Родителя; архетип Матери; проблемный подростково-молодежный роман; мотив ответственности; мотив вины; Дж. Фоер; Дж. Пиколт; Э. Локхарт; Н. Хорнби.

Структуры бессознательного играют важнейшую роль в культуре. Они обуславливают константность внутренней формы архетипов, тогда как вариативность внешней формы обеспечена сменяющимися историческими, религиозными, бытовыми и другими контекстами. Таким обра-

зом, обращение к архетипическому мышлению позволяет проследить историю идей, выявить культурные установки, ценностные ориентации и их трансформацию. При этом по сравнению с мотивом архетип обладает гораздо большей универсальностью [Якушева 2003: 59] и, следова-

тельно, меньше реагирует на внешние влияния (вопрос потенциальной возможности изменения архетипа был положительно решен Е. М. Мелетинским) [Мелетинский 1994]. Если семантика, структура и прагматика мотива подвержены воздействию контекстов, то в отношении архетипа данные контексты лишь актуализируют те или иные его имманентные признаки, что позволяет нам заметить лишь наиболее крупные тенденции, характерные не только для литературного творчества, но и для менталитета общества на определенном этапе существования.

Ряд определений не принимает во внимание отличие архетипа от мотива, например, понимание архетипа как «основной ситуации, характера или образа, который постоянно появляется в жизни и, следовательно, в литературе» [цит. по: Колчева 2015: 258]. Поэтому за рабочее мы будем принимать разграничивающее эти понятия определение А. С. Афанасьевой, где архетип – «константный первичный образ, обладающий ценностно-смысловым ядром и характерный для всех литературных произведений, в каждом из которых, однако, он проявляется в собственном смысловом спектре» [Афанасьева 2017: 45]. Данное определение принимает во внимание ведущие признаки архетипа: всеобщность, универсальность, репродуцирующий характер [Марков 1990: 133–134], а также имманентную каждому архетипу ценностную ориентацию. В своей универсальности архетип сближается с символом (см. [Топоров 1995]), в понятийной абстрактности – с концептом [Большакова 2010]. Хотелось бы подчеркнуть и необходимость соотнесения архетипа с оригинальным психоаналитическим дискурсом (принадлежность его сфере бессознательного, аффективность и т. д. [Хендерсон 2007: 149–164; Козлов 1996: 194–195]). Что касается такой черты архетипа, как бинарность, вряд ли стоит рассматривать ее как уникальный признак архетипа [Колчева 2015: 259], поскольку и мотивы, и концепты, и мифологемы – все понятия, генетически соотносимые с платоновскими идеями, бинарны, и речь может идти лишь о бинаризме как структуралистской концепции, оказавшейся настолько близкой нашему менталитету, что она перешагнула ограничения структуралистского метода и свободно вошла в другие методологии и теории, наиболее широко выразившись в философии бинарной множественности мира. То же касается и амбивалентности, принципа, применяемого сегодня во всех сферах человеческого знания и диалектически вытекающего из бинарности по мере развития социума и культуры.

К. Г. Юнг, Э. Нойман, В. Броум, Дж. Хиллман исследовали архетипы Матери, Героя, Шута,

Творца и другие как универсалии человеческих представлений, которые передаются в обществе из поколения в поколение и определяют отношение коллектива к наиболее значимым категориям жизни. Первый из них присутствует в сознании человека с самого рождения. С точки зрения аналитической психологии ребенок – это творение родителей. Младенец смотрит на мать, видит свое «я» отраженным в ее радостном взгляде и чувствует свою самооценку. Чуть позже происходит идеализация, которая начинается с узнавания ребенком своего значимого взрослого. Ребенок нуждается в идеализированном образе матери/отца, который соответствовал бы эталону, заложенному в генетической памяти. Позитивные образы отца и матери во внутреннем мире ребенка – основа психики и залог здоровья. По мере взросления через значимых взрослых происходит усвоение ребенком ценностных ориентаций, культурных и национальных традиций. Образ родителя(-ей) во многом определяет дальнейшие взаимоотношения с людьми, социальную адаптацию, психическую стабильность, телесное здоровье, сексуальное поведение. В нем заложен как личный пример матери и отца, так и архетип, воспринятый от предшествующих поколений.

Родительские архетипы включают позитивный и негативный аспекты. Среди позитивных черт архетипа Родитель психологи называют альтруизм, заботливость, сострадательность, щедрость, жертвенность, благородство, желание помогать и оберегать. При разделении архетипа родителя и рассмотрении по отдельности архетипа Отца и Матери, этими чертами наделяется архетип Матери. Негативные, или теньевые, черты архетипа Матери реализуются в архетипах Ведьмы и Мачехи. Бинарность архетипа Матери отмечается уже в работах К. Юнга [Юнг 1991: 124; 1996] и детализируется его последователями: «Мать ужасная и карающая, с другой стороны – любящая и возрождающая. Архетипические символы, связанные со “злой матерью”, чаще всего выражены через такие символы, как смерть, угнетение, засуха, голод и жажда» [Иванова 2017: 132].

И положительные, и отрицательные образы матери реализованы в огромном количестве художественных произведений, а детская и подростково-молодежная литературы невозможны без них (при отсутствии персонажей-родителей или их заместителей необходимо вести речь о значимом отсутствии, например, о мотиве сиротства, поскольку двоemiрие есть отличительная черта жанра). Как ребенок бессознательно сопоставляет характер и поведение своей матери с архетипом, так и читатель считывает образы родителей на фоне представления об архетипе и собственного опыта – читательского и личного

(психологического – в силу междисциплинарности архетипа). В английской литературе забота, любовь и ответственность могут воплощаться и в образе отца, как в романе про Полианну, которую отец вырастил в любви и позитивном понимании мира.

На протяжении веков в мифах, сказках и эпосе противоположностью архетипа Матери выступал архетип Мачехи, который строится на основании изменения полярности характеристик «любящая», «заботливая», «благородная», «справедливая», «ответственная» (за жизнь и здоровье ребенка, например, Мать не может послать дочку в лес, к ведьме, за подснежниками; поведение мамы Красной Шапочки недаром вызывает вопросы – оно парадоксально беспечно и не соответствует заявленному архетипу). В авторских литературных произведениях широко распространен прием агглютинации: расщепления родителя на две ипостаси либо переход из одной категории в другую (тетя-«мачеха» Полианны, педантичная хмурая особа с суровым лицом и строгим взглядом Мисс Полли, под впечатлением от любви и доброты девочки берет на себя роль мамы) [Porter 2010].

Однако в современном проблемном подростково-молодежном романе – жанре, демонстрирующем с конца XX в. небывалый рост популярности¹, бурное развитие, углубление содержания, разнообразие поэтики, – развиваются и другие (ранее не популярные) варианты архетипов. Именно подростково-молодежный роман, по нашему убеждению, два первых десятилетия XXI в. наиболее быстро и остро реагировал на изменение и обновление контекстов. Он пишется о молодых взрослых, для молодых взрослых и зачастую самими молодыми взрослыми, которые являются слоем населения, подверженным наибольшей адаптивности к условиям жизни и наибольшим изменениям сознания. Современная культура, в том числе молодежная, открыта, неоднородна и амбивалентна, что проявляется актуализацией нетипичных свойств архетипических моделей.

Наблюдается этот процесс после Второй мировой войны, когда значимость и самостоятельность подростков и молодых взрослых как социальной группы беспрецедентно увеличилась по экономическим причинам, появилось противопоставление взрослые – подростки, затем в результате возникновения контркультур 1960-х и войны во Вьетнаме – в культурном и политическом полях. В конце XX в. в литературе распространяется отрицательный тип родителя: «Образ матери или отца часто опровергают традиционные представления о родителях, которые должны воспитывать ребенка с рождения, заботиться о

его материальном и духовном благополучии. По наблюдению Дж. Р. Таунсенд, одной из самых приметных характеристик детских романов последних десятилетий является наличие родителей, которые быстро “катятся по наклонной”, становясь основной проблемой в жизни подростка-протагониста» (данное наблюдение сделано в 1996 г. – Н. З.) [Пятроўская 2020: 332]. В основе конфликта таких романов лежит традиционный архетип Мачехи, построенный на «нелюбви» (реальной или выдуманной, сознаваемой или неосознанной обоими участниками), как и в романах, где из-за конфликта с родителями по наклонной катятся сами подростки («Изгой» С. Хилтон (*The Outsiders*, 1967), «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера (*The Catcher in the Rye*, 1951). Архетип Мачехи характерен для первого этапа развития подросткового романа, которому свойственно острое противопоставление мира подростков и мира взрослых. Встречается он и сейчас: в поттериане Дж. Роулинг (тетя Петунья и дядя Вернон), романе «Дочь таксиста» Дж. Далинг (*The Taxi Driver's Daughter*, 2003) (отец Кэрис, родители Джорджа), в серии «Воронята» М. Стивотер (*The Raven Boys*, 2012) (отец Адама) – но гораздо реже.

Последующие изменения семантики и даже структуры рассматриваемого архетипа связаны с переосознанием и перераспределением традиционных ролей в отношениях родителя и ребенка и между социальными группами взрослых и подростков. Информационное поле формируют не значимые взрослые, а социальные сети, блоги и каналы, принадлежащие подросткам или молодым взрослым. Пример успешных молодых (и даже юных) блогеров без образования, быстрое освоение новых технологий подростками, техническая «отсталость» взрослых, критичность к «чужому» теоретическому знанию нивелируют значимость образования в глазах подростка, а следом и другие традиционные «взрослые» ценности. При этом происходит параллельный процесс инфантилизации взрослых [Cain 2020; Сабельникова, Хмелева 2016] и децентрации культурных установок.

С другой стороны, в XXI в. в подростково-молодежном романе происходят внутрижанровые процессы: в проблемном романе на первом плане оказывается глобальная социальная проблема (самоубийство, теракт, неизлечимая болезнь, детское донорство, насилие в семье и т. п.), внутри которой подросток пытается сохранять и проживать свою жизнь. Изменяется тип конфликта, а конфликт между взрослым и ребенком уходит на второй план.

Кроме того, героем проблемного подросткового романа сегодня являются не изгой и бунта-

ри, а обычные подростки, неидеальные по определению. Читатель отождествляет с героем себя, своего одноклассника или соседскую девочку, поэтому и идеализированные героини (так называемые Мэри Сью) столь же непопулярны, как и бунтарь Холден Колфилд. Неидеальные подростки живут с неидеальными родителями, но не с неисправимыми негодниками и эпическими тиранами (исключением, конечно, является проблемный роман с ведущим мотивом насилия). В свете теории архетипов нетрудно предположить, что в таком романе будут показаны и положительные, и отрицательные черты родителей, что отражает наше понимание реальности в ее многозначности и диалогичности, актуализируя бинарность архетипа Матери, который всегда включает в себя «ведьму, дьявольскую мать, прекрасную пожилую мудрую женщину и богиню, воплощающую плодородие» [Франц 2010: 48].

Интерпретируя проблемный подростково-молодежный роман в терминах аналитической психологии, можно утверждать, что в произведениях, где отсутствует злодей / отрицательный персонаж / антагонист, т. е. Тень не репрезентирована отдельным героем, имеет место раздвоение архетипического персонажа (обычно родителя), так что одна его часть является Тенью другой части. Одним из первых такой архетип воспроизводит Н. Хорнби в романе «Мой мальчик» (*About a Boy*, 1998). Фиона представлена как умная самостоятельная женщина, любящая и любимая мама, которая заботится о сыне и старается привить ему хороший вкус и передовые взгляды (такой она себя видит). Тень же Фионы представляет собой женщину, не способную позаботиться в первую очередь о себе. После развода она предпринимает бесконечные неудачные попытки завести стабильные отношения с мужчиной, постоянно нервничает по поводу материального обеспечения семьи, так как зарабатывает мало, оттого еще и не получает удовлетворения от своей профессиональной деятельности, не может сохранить ровное отношение к бывшему мужу и его партнерше, а высказывает об обоих скептические суждения при сыне, чем дискредитирует отца в глазах последнего и дестабилизирует психику ребенка. Фиона не оценивает поступки других людей адекватно (это видно из косвенного обвинения Уилла в сексуальном интересе к Маркусу, отрицания социальной дезадаптации Маркуса и т. п.).

Таким образом, с теневой стороны, Фиона не успешна, не счастлива, не любима, поэтому ее обуревают чувства неполноценности, одиночества, сомнения, безысходности и отчаяния, одним словом, мать Маркуса не справляется с жизнью как она есть. По отношению к Маркусу, т. е.

непосредственно в ипостаси родителя, светлая сторона Фионы проявляется в любви, а темная – в игнорировании буллинга, неспособности слушать и слышать при одновременной нарочитой заботе не по возрасту сына: провожает в школу, целует на прощание, корректирует музыкальные пристрастия, т. е. отказывает сыну во взрослении, самости, отделении от родителя, что становится триггером буллинга в школе. «Смешная у него мама. Сторонница диалога. Всегда заставляет его выкладывать все как есть и обсуждать с ней. Тем не менее он был уверен: заведи он разговор о чем-нибудь серьезном – неизбежно начались бы проблемы, особенно теперь, когда она все время плакала без причины. Но в данный момент он просто не представлял, как этого избежать. Он ведь всего лишь ребенок, а она – его мама, и если ему плохо, то именно она должна исправить ситуацию – все проще простого» [Hornby 1998: 40]². Пример Фионы показывает, как важно уметь найти опору родительству в ядре собственной сущности, в самоидентичности, трансцендентной добру и злу.

Как предсказывают психоаналитики в случаях, когда человек игнорирует свои проблемы, т. е. свою Тень, происходит кризис и эти проблемы проявляются резко, бурно, в изощренном и усложненном виде. Фиона напивается таблеток и оставляет Маркусу письмо, где утверждает, что быть матерью ей для жизни и счастья недостаточно [ibid.: 64]. Все ее слабости и изъяны были слабостями и изъянами, а сам образ Фионы – вариантом архетипа любящей Матери, но это заявление, которое Маркус находит подле лежащей без сознания матери, не задумавшейся даже над тем, что ребенок найдет ее бездыханное тело в луже рвоты, однозначно не позволяет и дальше рассматривать Фиону в рамках архетипа Матери. Однако если в паре мать – мачеха различие строится на дихотомии любовь – нелюбовь, то в данном примере мы наблюдаем оппозицию ответственная – безответственная. Этот образ любящей, но неспособной позаботиться о ребенке матери кочует из одного подросткового романа в другой, причем и отец (если он есть) изображен под стать матери человеком, не осознающим своей ответственности перед ребенком, что позволяет нам объединить эти две фигуры в архетипе Родителя.

Пример тщательно разработанного в проблемном подростково-молодежном романе образа безответственного родителя представлен в романе Э. Локхарт «Мы были лжецами» (*We Were Liars*, 2014) (стал Выбором читателей «Гудридз» в номинации «Лучшее художественное произведение “young adult”») и вошел в десятку лучших “young adult” романов в рейтинге Американской

библиотечной ассоциации) в 2015 г. [Lockhart 2014]. «Лжецы» – это четверка друзей (Кейденс, Гэт, Джонни, Миррен), трое из которых являются внуками богача Синклера и проводят каждое лето на его острове с младшими братьями и сестрами и своими матерями – дочерьми старого Синклера. Прodelки и вранье сопровождают их свободное беззаботное времяпрепровождение. Кейденс, первая внучка, – наследница не только материальных благ, но и самих идей богатства, таланта, красоты, ума. «Добро пожаловать в чудесную семью Синклеров. Здесь нет уголовников. Нет наркоманов. Нет неудачников. Все Синклеры – спортивные, высокие и красивые. Мы – старинное богатое семейство демократов. Наши улыбки – широкие, подбородки – квадратные, а подачи в теннисе – агрессивные» [ibid.]³. Правда, трещины на кубке американской мечты читатель замечает если не на первой, то на второй странице: «В том июне лета номер пятнадцать отец объявил, что уходит, и через два дня покинул нас. Он сказал маме, что он – не Синклер и не в силах больше притворяться. А также улыбаться, лгать и быть частью этой прекрасной семьи, живущей в прекрасных домах» [ibid.].

Как видно, под «ложью» подразумеваются не только проказы детишек, но и способ сосуществования членов этой семьи и формат их общения с миром. Определение из названия романа можно отнести и к трем матерям, трем сестрам, чьи образы внешне соответствуют архетипу принцессы, а на поверку оказываются тремя макбетовскими ведьмами. Они постоянно спорят, ябедничают, чернят друг друга в глазах отца – все в расчете на наследство, которое будет дано им за «любовь». Этот нездоровый обмен любви на материальные блага апеллирует к «Королю Лиру» с той разницей, что «король» Синклер уже прочитал шекспировскую пьесу. Да и Корделии в их компании нет. Э. Локхарт представляет вариант всем известного сюжета с точки зрения юного поколения, которое вынуждено выбирать, подчиниться ли играм деда или взбунтоваться и потерять синклеровские привилегии.

Кейденс – красавица и умница, как мама, но девочка все яснее понимает, что больше не хочет быть похожей на нее, тетю Бесс и тетю Керри. Мама учит дочь оставаться «нормальной» всегда и любой ценой, держать лицо и вести себя достойно. В попытке воплотить в себе и своих детях надежду и опору семьи Синклеров женщины теряют мужей и нагружают детей непосильным бременем идеальности и перфекционизма:

«В этот момент я почувствовала такую боль, будто папа достал пистолет и выстрелил мне в грудь. Я стояла на газоне и упала как подкошенная. <...>

– Быстро приди в себя! – прикрикнула мама. – Сейчас же. Веди себя нормально, как положено. Ты справишься! Прекрати устраивать сцены, – твердила она мне. – Сделай глубокий вдох и сядь.

Я сделала, как было указано.

Она – все, что у меня оставалось» [ibid.].

Маски «любви» и «нормальности» не проходят испытание ни одним искушением: ненависть деда к индийскому происхождению Эда, партнера Керри, презрение к скромной семье Гэта, бабушкина покупка безделушек из слоновой кости, – но снять ее окончательно не так-то просто. Читатель наблюдает за потерей невинности, за тем, как дети, выросшие на книгах, фильмах, словах о прерогативе интеллекта, благородстве, искренности, постепенно обнаруживают, что поступками взрослых движут другие мотивы. Взросление в романе показано как восприятие и усвоение взрослой циничной картины мира:

«Гэт (единственный из четверки, кто не только не принадлежал к Синклерам, но и был обладателем индийского происхождения и темной кожи. – Н. З.) ткнул палкой в угли.

– Я просто к тому, что это важная тема. Не у всех есть собственные острова. Некоторые люди здесь работают. Другие трудятся на заводах. Есть и безработные. А кто-то голодает.

– Замолчи, надоело! – воскликнула Миррен.

– Заткнись наконец! – сказал Джонни.

– Здесь, на Бичвуде, мы смотрим на человечество сквозь розовые очки, – проговорил Гэт. – Но не думаю, что вы это осознаете.

– Заткнись, – вставила я. – Тогда я дам тебе еще шоколадку.

И Гэт замолчал. С перекошенным лицом» [ibid.].

Когда с Кейденс происходит трагический случай (она приходит в себя с ужасными головными болями и амнезией, ей сообщают, что это – результат удара головой о камни при прыжке в море), жизнь меняется, меняются синтаксис повествования, эмотивные смыслы, модальность, характеры героев... Золотая четверка исчезает из жизни девочки: во время лечения и тошнотворных приступов мигрени Гэт не звонит, Джонни и Миррен не отвечают на имейлы, Кейденс больна, одинока и зависима от обезболивающих. Следующим летом папа забирает девочку в путешествие по Европе, а дедушка перестраивает дом на острове. Кейденс возвращается туда спустя два года в надежде вспомнить события того лета, отодвигающегося все дальше в прошлое, и, конечно, увидеть друзей. Почти сразу ей удается восстановить ряд предшествующих несчастному случаю событий: ссоры сестер, заговоры, манипулирование, власть, ложь, притворство, а над всем – фигура любящего дедушки. «Каждый ве-

чер тетушки напивались и становились все агрессивнее. Они кричали друг на друга. Шатались по лужайке. Дедушка только и делал, что распалаял вражду между ними. Мы наблюдали, как они ссорятся из-за бабушкиных вещей и картин, висящих в Клермонте, – но больше всего из-за дома и денег. Дедушка упивался своей властью, и мама хотела, чтобы я стал бороться за наследство. Ведь я был старшим внуком. Она давила и давила на меня... даже не знаю. Чтобы я стал любимым наследником. Чтобы я говорил гадости о тебе, так как ты – первая внучка. Чтобы стал воплощением образованного белого наследника, будущего демократии, ну и подобный бред. Она утратила дедушкину благосклонность и хотела, чтобы ее вернул я, дабы не потерять свою долю» [ibid.].

Потом Кейденс вспоминает пожар хозяйского дома на острове и то, что пожар устроили они, лжецы, когда сестры с дедом разругались и на время разъехались, а лжецы решили взять все в свои руки и уничтожить оплот лицемерия, очистить семью от скверны власти и раздора. Новые воспоминания приходят урывками, чередуясь с днями, наполненными болью и наркотиками, когда девушке кажется, будто великан разрубает ее голову топором (иногда ей снилось, что человек, рубящий топором, – это дедушка). Мама всегда рядом, осознает свою вину перед дочерью и пытается загладить ее, но это не вся правда: мать охраняет Кейденс от вины, поскольку именно девочка по глупости сожгла своих друзей и ее амнезия – защитная реакция психики против разрушительного чувства ответственности. Таким образом, вопрос вины решается амбивалентно, распространяясь на всех членов семьи, на общество, не осуждающее привилегии, а обволакивающее остров флером тайны благодаря богатству владельцев. Кроме того, семантическая неопределенность согласуется с современным суждением, что «с возникающими у женщин проблемами души нельзя разобраться, вписав их, женщин, в некую приемлемую для бессознательной культуры форму; нельзя их втиснуть и в интеллектуальные представления тех, кто претендует на звание единственных наделенных сознанием существ» [Эстес 2008]. Данное значение, несомненно, входит в семантику архетипа Женщины, который пересекается с архетипами Матери и Родителя в отображающих их художественных образах. Но в отличие от открытой семантики мотива вины, проблема ответственности решается однозначно: быть матерью значит не только говорить «я тебя люблю», не только печься о материальном благе, но и сохранить душу ребенка, не отравив ее своими фобиями, амбициями, предубеждениями и ложью.

В романе Э. Локхарт архетип безответственного взрослого выражен очень ярко и причинно-следственная связь между безответственным отношением взрослых к подростковой психике и последовавшей катастрофой абсолютно очевидна. Однако в современной подростково-молодежной литературе семантика мотивов вины и ответственности обыгрывается и более тонко. Авторы стремятся показать, что совершенно обычные родители, любящие и заботливые, тоже могут демонстрировать недостаток ответственности по разным причинам: инфантилизм, смутное осознание своей роли родителя, сосредоточенность на своей личности, своих проблемах, банальный недостаток времени.

Стресс и спешка, связанные с профессиональными успехами, с похвальным умением все успевать, с ангажированностью личности социумом, с деньгами, стали неотъемлемой частью жизни больших городов. Но люди и в XXI в. не научились растягивать время: посвящая себя работе, мы неизменно отнимаем себя у близких. На это нетривиальным способом указывает Джоди Пиколт в подростково-молодежном романе «Девятнадцать минут» (*Nineteen Minutes*, 2007).

Лейси – прекрасная женщина. Это готовы подтвердить десятки рожениц, которым акушерка помогла профессионализмом, вниманием, заботой. Автор с большой симпатией описывает работу акушерки: «Доктора выстраивают стены между собой и пациентами, а медсестры их ломают» [Picoult 2007]⁴. Ее муж Льюис – специалист по экономике счастья, автор книг о том, как сделать себя счастливым. У них есть семья, двое детей, дом, известность в определенных кругах, только времени катастрофически не хватает: «Сейчас, когда Льюис задерживался в офисе, работая над очередной статьей, а Лейси так уставала, что могла уснуть, стоя в лифте больницы, она пыталась убедить себя, что они просто переживают тяжелый период и однажды к ним придут и удовлетворение, и радость, и духовное единение, и все остальные параметры, которые Льюис вводит в свои компьютерные программы. В конце концов, у нее есть муж, который ее любит, два здоровых мальчика и успешная карьера. Разве получить то, чего хочешь, не значит быть счастливой?» [ibid.].

Предоставленный занятыми родителями сам себе, подросток Питер подвергается в школе буллингу и молчит, а потом не выдерживает, берет пистолет и устраивает в школе теракт. Оставляя сейчас в стороне личность Питера и отношения его с социумом, задумаемся о судьбе его матери, жизнь которой только что была наполнена тысячами эмоций и дел и вдруг потеряла всякий смысл. Лейси не доводила своего

сына до унижений перед богатым дедом, не учила лгать и лицемерить, и сама была совершенно «нормальной», но вопрос вины родителей в трагедии, случившейся с ребенком-подростком, поставлен Дж. Пиколт так же, как и Э. Локхарт. «Разве можно каждую неделю менять сыну постельное белье, готовить ему завтрак, возить к стоматологу и совсем его не знать? Она думала, что Питер отвечал на вопросы односложно только из-за своего возраста, что любая мать подумала бы так же. Лейси теребила свои воспоминания в поисках какого-то знака, разговора, который она неправильно поняла, чего-то, что она не заметила, но вспоминались только тысячи обычных моментов» [ibid.]. Амбивалентность семантики мотива вины, неотступно следующего за мотивом преступления, соотнесена и с образом Питера, но идея ответственности общества в преступлении давно не нова и широко эксплуатировалась уже в классической литературе, например, у Ч. Диккенса, а потом была обыграна в постмодернистском ключе П. Акройдом, М. Эмисом и др. Рассуждения же о том, что есть материнство, что оно синонимично понятию «ответственность», а не заправленной постели, заставляют читателя пересмотреть свои критерии нормальности, соотнести себя и окружающих с Лейси, понять, что любая мать может оказаться на ее месте. «В каком-то смысле эта женщина тоже стала жертвой действий своего сына» [ibid.]. Амбивалентность и универсальность усилены дубликацией: обе главные героини романа, Лейси и Алекс, такие разные по характеру и судьбе, абсолютно идентичны с точки зрения архетипа Родителя.

История Алекс, судьбы по делу о теракте в школе, и ее дочери-подростка Джози развивается параллельно истории Лейси и Питера. Алекс любит свою дочь и гордится ею, но у судьбы слишком мало времени: «Алекс положила на одну чашу весов свое пятиминутное опоздание, на другую – еще один минус в своем виртуальном резюме хорошей матери» [ibid., перевод наш. – Н. З.]. И к моменту оглашения приговора мы можем лишь повторить: «Не судите да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будет отмерено» [Мф. 7: 1-2]. Ни Лейси, ни Алекс «не походили на человека, создавшего чудовище» [ibid.], но они оказываются по разные стороны баррикад – не потому, что Алекс лучше Лейси или Джози лучше Питера, а просто потому что трагедия в школе случилась чуть раньше, чем Джози приняла окончательное решение выпить таблетки, спрятанные под раковиной. История Алекс – это предупреждение о том, что детям нужно время. История Лейси – это трагедия упущенного времени.

Таким образом, раздвоение архетипа Матери на любящую, заботливую, но безответственную, инфантильную или занятую, демонстрируют Фиона, осуществившая попытку суицида, Лейси, чей сын из винтовки расстрелял одноклассников, и Пенни, чья дочь устраивает пожар, в котором гибнут подростки. Эти романы говорят нам о том, что поведение родителей, не осознающих свою ответственность за судьбу ребенка, пускающих на самотек его нравственное и психическое развитие, уповающих на воспитание школы и социума, занимающихся своей жизнью и своими проблемами, потенциально фатально. Ребенок не ждет от родителей безграничной свободы, а любовь – не только нежность и ласка, но и ответственность.

Архетип безответственного Родителя в современном подростково-молодежном романе стал настолько привычен, что воспринимается читателем как данность и факт существования таких мам не ставится под сомнение. Так, мы видим, что 11-летний Оскар из романа Джонатана Фоера «Жутко громко и запредельно близко» (*Extremely Loud and Incredibly Close*, 2013), мальчик с аутизмом, с психологической травмой после смерти отца, предоставлен самому себе на протяжении всех описываемых событий.

Оскар потерял отца в теракте, отца любящего и внимательного, проводившего с ним много времени, читавшего перед сном, обсуждавшего волнующие сына вопросы. Отцу в повествовании посвящены длинные абзацы, полноценные истории, рефлексия и эмоции, тогда как о матери упоминается мимоходом. После его смерти в жизненном пространстве мальчика появилась пустота, которая «запредельно громко» вопиет о себе. Мать не в состоянии ее заполнить – Оскар даже мысли такой не допускает. Мальчик находит ключ в вещах отца и отправляется искать дверь, которую этот ключ отперет. Поиски символичны, результата от них читатель не ждет (сюжет проблемного подростково-молодежного романа в XXI в. все менее важен), но эмоционально вживается в ситуацию Оскара и болеет за него.

Его отношения с мамой нестабильны. С одной стороны, присутствуют когнитивный диссонанс: сомнение, обида, непонимание. С самого начала мальчик нелестно отзывался о нового бойфренде мамы. «Ты мне не папа и никогда им не будешь» [Foer 2005: 14]⁵ – Оскар чувствует и проговаривает всё то, что свойственно мальчикам, у которых появляется отчим, его вопросы одновременно наивны и нарочито грубы. Оскар не столько не любит Рона, сколько возмущен изменой матери памяти отца, его гневные филиппики напоминают гамлетовский монолог о женском непостоянстве: «Мне хотелось сказать, что ей

еще рано играть в скрэбл. Или смотреться в зеркало. Или включать музыку громче, чем очень тихо. Это нечестно по отношению к папе и нечестно по отношению ко мне» [Фогт 2005: 31]. Диссонансные отношения обостряются занятостью мамы на работе, и Оскар ревниво следит, сколько раз мама приходит к нему на школьную постановку «Гамлета», и в конце концов резюмирует, что какой-то суд для нее важнее пьесы мирового значения.

Но читатель видит и оборотную сторону медали. По дороге на похороны мама расспрашивает Оскара, зачем тот раздает ключи от квартиры почтальону, швейцару и другим малознакомым людям. Она создает в этой сцене впечатление нервной, молчаливой женщины. Ей самой необходима поддержка после смерти супруга, но с отважным терпением она выслушивает категоричные и ранящие упреки сына и сдерживается изо всех сил («На заднем сиденье мама сжимала что-то внутри своей сумочки. Я это заключил, потому что видел на ее руке мускулы» [ibid.: 16]). Да и сам Оскар от обвинений часто переходит к абсолютно противоположным заверениям: «Я люблю изготавливать для нее украшения, потому что это ее радует, а радовать ее – еще один из моих *raisons d'être*» [ibid.: 17]. Такие моменты убеждают читателя, что диссонансные отношения между мамой и сыном исправимы, ведь слова Оскара – попытка найти успокоение своим страхам.

Тем не менее Оскар не рассказывает маме о найденном ключе, а решает сослаться на температуру, пропустить школу и отправиться на поиски замка. Мама не спорит и разрешает мальчику остаться в постели. От имени мамы Оскар пишет записку учителю французского, что он больше не придет на уроки, но продолжит за них платить. Мама и тут ничего не говорит. Начинается одиссея по Нью-Йорку: так как на коробке с ключом стояла фамилия Black, Оскар решает обойти всех Блэков многомиллионного города. Укладывая сына спать, мама спрашивает, не хочет ли он поговорить с ней, но Оскар отказывается. Мама не настаивает. Даже Оскар, наконец, начинает удивляться маминой безалаберности: «Что было особенно странно, и в чем стоило разобраться – так это почему она никогда ничего не уточняла, типа “По каким делам?” или “Когда позже?”, хотя обычно очень за меня волновалась, особенно после смерти папы» [ibid.: 45]. Всё проясняется неожиданно: миссис Блэк (№2) перезванивает Оскару и проговаривается, что была предупреждена о визите мальчика. Выясняется, что мама связывалась с каждым из Блэков перед приходом Оскара и каждого просила отнестись к мальчику с пониманием. Она ничего не спраши-

вала и ничего не говорила, чтобы дать Оскару возможность самостоятельно распутать последнюю ниточку, ведущую к папе, восстановить веру в себя и в человечество. К сожалению, способ построения положительного образа матери от противного лишней раз доказывает, что перед нами – исключение из правил.

Осознание важности искренних отношений родителя и ребенка происходит с обеих сторон, и нормой, как в реальной семье, так и в литературе, становится дружба, любовь, стремление выслушать и понять друг друга. Однако сложный мир, полный катастроф, ужасов, разочарований, существование, открытое в смерть, травмирующий опыт каждой жизни и отсутствие работающих в этой реальности розовых очков делают идеальное Я и идеальное МЫ невозможным. Веками складывавшиеся дихотомии и установки разрушаются или уходят в прошлое, перераспределяются гендерные, возрастные, социальные роли. Эти процессы наряду с инфантилизацией взрослых, децентрацией, аксиологической амбивалентностью способствуют популярности архетипа любящего, но безответственного родителя. Рассмотренные нами в романах проблемы архетипического сознания генерируют в себе потенциальные жизненные сценарии современного общества. Осознание установок и запускающих их механизмов ведет к возможности изменения сценариев, создает ситуацию осознанного выбора, что является одной из основных задач литературы для молодого поколения.

Примечания

¹ По словам Майкла Карта, писателя и бывшего председателя секции подростковой литературы Американской библиотечной ассоциации, книжная индустрия переживает золотой век подростково-молодежной литературы (“golden age of young adult fiction”) [Cart 2018: 67]. Об этом свидетельствуют факты и статистика. «Влияние американского молодежного романа на широкий круг читателей сегодня трудно переоценить. Очевидно это стало, наверное, в 2012 году, когда роман “Винноваты звезды” Джона Грина (*The Fault in Our Stars*) сходу попал на первое место в списках бестселлеров детской литературы Нью Йорк Таймз и еще трех изданий и продержался на нем семь недель, а сам автор вошел в список ста самых влиятельных людей мира по версии журнала Форбс» [Зелезинская 2020: 161]. «Роман Джен Эшера о суициде “Тринадцать причин почему” (*Thirteen Reasons Why*, 2016) за десять лет не потерял поклонников и вышел уже общим тиражом более 3 миллионов, заработав титул Бестселлера № 1 (the #1 New York Times and International Bestseller). Дебютный роман Энджи Томас

“Ненависть, которую ты порождает” (*The Hate You Give*, 2018), вдохновленный резонансным убийством безоружного черного американца Оскара Гранта полицейским, вызвал шквал откликов на всех площадках для обсуждения: 3340 отзывов на “Амазоне”, 43 339 отзывов на “Гудридз”. Ставшая культовой в одночасье, книга 50 недель продержалась на первом месте в списке бестселлеров по версии газеты Нью-Йорк Таймс и продолжает оставаться в этом списке уже 116 недель (данные на июнь 2019 г.). Стоит ли говорить, что все эти американские романы экранизированы и переведены на многие языки!» [Зелезинская 2020: 161].

² Перевод К. Чумаковой цит. по: Хорнби Н. *Мой мальчик*. М.: Азбука, 2014. 352 с.

³ Перевод А. Харченко (кроме имен собственных) цит. по: Локхарт Э. *Мы были лжецами*. М.: АСТ, 2017. 320 с.

⁴ Перевод О. Бершардской цит. по: Пиколт Дж. *Девятнадцать минут*. М.: Клуб семейного досуга, 2011. 624 с.

⁵ Перевод В. Арканова цит. по: Фоер Дж. *Жутко громко и запредельно близко*. М.: Эксмо, 2018. 416 с.

Список литературы

Афанасьева А. С. Архетип как единица семиосферы // *Вестник Казахского национального университета им. Аль-Фараби*. Серия: Филологическая. 2017. № 1(165). С. 40–46.

Большакова А. Ю. Архетип – концепт – культура // *Вопросы философии*. 2010. № 7. С. 47–57.

Зелезинская Н. С. Подростковая литература как зеркало общества // *Вопросы литературы*. 2020. № 1. С. 159–175. doi 10.31425/0042-8795-2020-1-159-175

Иванова М. Г. Духовное развитие как отражение архетипических сюжетов и смыслов культуры // *Философия и культура*. 2017. № 8. С. 128–146.

Козлов А. С. Архетип. Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник. М.: Интрада, 1996. С. 194–195.

Колчева Э. М. Понятие «культурный архетип» как инструментальный анализа национального искусства. Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 254–263.

Марков В. А. Литература и миф: проблема архетипов // *Тыняновский сборник*. Рига, 1990. С. 133–134.

Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: Изд-во РГГУ, 1994. 136 с.

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. 625 с.

Пятроўская Т. М. Мадэль значнага дарослага ў сучасных падлеткавых творах. *Куляшоўскія*

чытанні: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 18–19 апр. 2019 г. / под ред. Т. В. Мосейчук. Могилев: Могилев. гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2020. С. 328–331.

Сабельникова Е. В., Хмелева Н. Л. Инфантилизм: теоретический конструкт и операционализация. *Образование и наука*. 2016. № 3. С. 89–105.

Франц М.-Л. фон. Феномены Тени и зла в волшебных сказках. М.: Класс, 2010. 360 с.

Хендерсон Дж. Культуральное бессознательное // *Хендерсон Дж.* Психологический анализ культурных установок. 2-е изд. М.: Добросвет; КДУ, 2007. 272 с.

Эстес К. Бегущая с волками. Киев: София, 2008. 656 с.

Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С. 97–128.

Юнг К. Г. Структура психики и процесс индивидуации. М.: Наука, 1996. 267 с.

Якушева Г. В. Архетип // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003. С. 59.

Cain B. *Dirge of the Awakened Ones*. Independently published, 2020. 578 p.

Cart M. *Young Adult Literature: From Romance to Realism. Study and Scrutiny Research on Young Adult Literature*. 2018. Issue 3(1). P. 67–71.

Foer J. *Extremely loudly and Incredibly Close*. Boston, NY: Houghton Mifflin Company, 2005. 326 p.

Hornby N. *About a Boy*. London: Penguin Books, 1998. 278 p.

Lockhart E. *We Were Liars*. Crowns Nest: Allen & Unwin, 2014. URL: <http://thefreebooksonline.net/mystery/u5974.html> (дата обращения: 02.09.2021).

Lockhart E. Discusses the Inspiration Behind *We Were Liars*: Interview. 2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6We48s2mXdA> (дата обращения: 02.09.2021).

Picoult J. *Nineteen minutes*. Atria Books, 2007. 464 p. URL: https://onlinereadfreenovel.com/jodipicoult/page,7,31796-nineteen_minutes.html (дата обращения: 02.09.2021).

Porter E. H. *Pollyanna*. Cricket House Books, LLC, 2010. 158 p.

References

Afanas'eva A. S. Arkhetip kak edinitza semiوسفery [Archetype as a unit of the semiosphere]. *Vestnik Kazakhskogo Natsional'nogo Universiteta im. Al-Farabi. Seriya: Filologicheskaya* [KazNU Bulletin. Philology Series], 2017, issue 1(165), pp. 40–46. (In Russ.)

Bol'shakova A. Yu. Arkhetip – kontsept – kul'tura [Archetype – concept – culture]. *Voprosy Filosofii*

[Issues of Philosophy], 2010, issue 7, pp. 47–57. (In Russ.)

Zelezinskaya N. S. Podrostkovaya literatura kak zerkalo obshchestva [Young adult literature as a mirror of society]. *Voprosy Literatury* [Issues of Literature], 2020, issue 1, pp. 159–175. doi 10.31425/0042-8795-2020-1-159-175. (In Russ.)

Ivanova M. G. Dukhovnoe razvitie kak otrazhenie arkhetypicheskikh syuzhetov i smyslov kul'tury [Spiritual development as a reflection of archetypal plots and meanings of culture]. *Filosofiya i Kul'tura* [Philosophy and Culture], 2017, issue 8, pp. 128–146. (In Russ.)

Kozlov A. S. Arkhetip [Archetype]. *Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie: entsiklopedicheskiy spravochnik* [Modern Foreign Literary Criticism: Encyclopedic Reference Book]. Moscow, Intrad Publ., 1996, pp. 194–195. (In Russ.)

Kolcheva E. M. Ponyatie 'kul'turnyy arkhetyp' kak instrumentariy analiza natsional'nogo iskusstva [The concept of 'cultural archetype' as a tool for analysing ethno-national art]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2015, issue 1, pp. 254–263. (In Russ.)

Markov V. A. Literatura i mif: problema arkhetyпов [Literature and myth: The problem of archetypes]. *Tynyanovskiy sbornik* [Tynyanov's Collection]. Riga, 1990, pp. 133–134. (In Russ.)

Meletinskiy E. M. *O literaturnykh arkhetypakh* [On Literary Archetypes]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 1994. 136 p. (In Russ.)

Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in Mythopoetics]. Moscow, 1995. 625 p. (In Russ.)

Pyatroŭskaya T. M. *Madel' znachnaga daroslaga ŭ suchasnykh padletkavykh tvorakh. Kulyashoŭskiya chytanni: sbornik nauchnykh statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Mogilev, 18–19 Aprelya 2019* [The Model of a Significant Adult in Modern Young Adult Literature. Kulyashov's Readings: Proceedings of International Scientific and Practical Conference, Mogilev, April 18–19]. Ed. by T. V. Moseychuk. Mogilev, Mogilev State A. Kuleshov University Press, 2020, pp. 328–331. (In Bel.)

Sabel'nikova E. V., Khmeleva N. L. Infantilizm: teoreticheskiy konstrukt i operatsionalizatsiya [Infantilism: Theoretical construct and operationalization].

Obrazovaniye i nauka [The Education and Science Journal], 2016, issue 3, pp. 89–105. (In Russ.)

von Frantz M.-L. *Fenomeny teni i zla v volshebnykh skazkakh* [Shadow and Evil in Fairy Tales]. Moscow, Klass Publ., 2010. 360 p. (In Russ.)

Henderson J. Kul'tural'noe besoznatel'noe [The cultural unconscious]. Henderson J. *Psikhologicheskiy analiz kul'turnykh ustanovok* [Cultural Attitudes from Psychological Perspective]. 2nd ed. Moscow, Dobrosvet Publ., KDU Publ., 2007. 272 p. (In Russ.)

Estes C. P. *Begushchaya s volkami* [Woman Who Runs with the Wolves]. Kiev, Sofiya Publ., 2008. 656 p. (In Russ.)

Jung C. G. *Ob arkhetypakh kollektivnogo besoznatel'nogo. Arkhetip i simvol* [The Archetypes and the Collective Unconscious. Archetype and Symbol]. Moscow, Renessans Publ., 1991, pp. 97–128. (In Russ.)

Jung C. G. *Struktura psikhiki i protsess indivi-duatsii* [The Structure and Dynamics of the Psyche]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 267 p. (In Russ.)

Yakusheva G. V. Arkhetip [Archetype]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow, Intelvak Publ., 2003, p. 59. (In Russ.)

Cain B. *Dirge of the Awakened Ones*. Independently Published, 2020. 578 p. (In Eng.)

Cart M. Young adult literature: From romance to realism. *Study and Scrutiny Research on Young Adult Literature*, 2018, issue 3(1), pp. 67–71. (In Eng.)

E. Lockhart discusses the inspiration behind *We Were Liars*: Interview. 2015. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=6We48s2mXdA> (accessed 02 Sept 2021) (In Eng.)

Foer J. *Extremely Loudly and Incredibly Close*. Boston, NY, Houghton Mifflin Company, 2005. 326 p. (In Eng.)

Hornby N. *About a Boy*. Penguin, 1998. 278 p. (In Eng.)

Lockhart E. *We Were Liars*. Allen & Unwin, 2014. Available at: <http://thefreebooksonline.net/mystery/u5974.html> (accessed 02 Sept 2021) (In Eng.)

Picoult J. *Nineteen Minutes*. Atria Books, 2007. 464 p. Available at: https://onlinereadfreenovel.com/jodi-picoult/page,7,31796-nineteen_minutes.html (accessed 02 Sept 2021) (In Eng.)

Porter E. H. *Pollyanna*. Cricket House Books, LLC, 2010. 158 p. (In Eng.)

The Archetype of the Irresponsible Parent in the Young Adult Novel of the 21st Century

The research was supported by a grant from the Rector of Belarusian State University

Natalia S. Zelezinskaya

Assistant Professor in the Department of Theory and Practice of Translation

Belarusian State University

5, Akademika Kurchatova st., Minsk, 220053, Republic of Belarus. zelennew@tut.by

SPIN-code: 2554-5988

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2018-1959>

ResearcherID: AAA-9591-2019

Submitted 12 Feb 2022

Revised 02 Jun 2022

Accepted 27 Jun 2022

For citation

Zelezinskaya N. S. Arkhetip bezotvetstvennogo roditelya v angloyazychnom podrostkovo-molodezhnom romane XXI veka [The Archetype of the Irresponsible Parent in the Young Adult Novel of the 21st Century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 3, pp. 95–105. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-95-105 (In Russ.)

The article considers archetype as a constant primary image that reflects the value system of humanity and, due to its universality, undergoes changes very reluctantly and very slowly, thus reflecting only the most significant tendencies taking place not only in literature but also in culture as a whole, and in the mentality. Such significant changes in the 20th and 21st centuries include the reassessment and redistribution of the parent-child roles when the child reaches adolescence, which is reflected in realistic young adult fiction. The article shows that the binary Mother / Stepmother archetype, built on the dichotomy of ‘loving – ‘unloving’, is losing relevance and gives way to the Parent archetype with ambivalent semantics, whose structure combines positive and negative traits, namely ‘loving, but irresponsible’. The archetype can be found in the characters of Fiona in N. Hornby’s *About a Boy*, Penny, Carry, and Bess in E. Lockhart’s *We Were Liars*, Lacy and Alex in J. Picoult’s *Nineteen Minutes*, etc. Their images of loving mums incapable of caring for their children, wandering from one young adult novel to another, are identical to the images of irresponsible fathers, which allows us to combine these two figures in the Parent archetype. The article reflects upon the reasons for the catastrophe in young adult novels showing how ‘normal’ parents demonstrate lack of attention to their children for reasons such as immaturity, selfishness, lack of mutual understanding, taking the role of a parent for the role of a friend, and a banal lack of time. The article points out the ambiguity inherent in the semantics of the motif of guilt and blame characteristic of contemporary literature in general. The Irresponsible Parent archetype becomes so familiar that in his *Incredibly Close & Extremely Loud* J. Foer breaks the readers’ expectations when Oscar’s mother turns from careless and inattentive into loving, responsible, and ready to rely on her motherly intuition in order to save Oscar’s physical and psychological health. The article raises the question of the semantics of the motifs of the parents’ love and responsibility to their child in contemporary literature, and outlines the axiological field of the problem young adult novels.

Key words: Parent archetype; Mother archetype; problem young adult novel; the motif of Responsibility; the motif of Guilt and Blame; J. Foyer; J. Picoult; E. Lockhart; N. Hornby.

УДК 82.161.1–312–9

doi 10.17072/2073-6681-2022-3-106-112

Фэнтези в русскоязычном сегменте литературы Республики Казахстан

Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева» по договору на выполнение научно-исследовательских работ от 01.08.2022 № 16-604 по теме «Новые подходы к изучению литературы в кризисную эпоху»

Татьяна Николаевна Маркова**д. филол. н., профессор, зав. кафедрой литературы и методики обучения литературе****Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет**

454080, Россия, г. Челябинск, просп. Ленина, 69. markovatn@cspu.ru

SPIN-код: 3341-0165

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7911-2424>*Статья поступила в редакцию 07.06.2022**Одобрена после рецензирования 06.07.2022**Принята к публикации 05.08.2022***Информация для цитирования**

Маркова Т. Н. Фэнтези в русскоязычном сегменте литературы Республики Казахстан // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 106–112. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-106-112

Аннотация. Рубеж XX–XXI вв. демонстрирует высокую степень интенсивности процессов национальной самоидентификации. Немаловажную роль в этом процессе играет фэнтези как популярный жанр массовой литературы. Необходимость изучения казахстанских фэнтези обусловлена их популярностью у читателей, динамичной трансформацией жанровой структуры. В статье демонстрируется широкий жанровый спектр казахстанских фэнтези и их авторов. Так, Тимур Ермашев в романе «Воскрешающий легенды» обращается к героической странице истории казахов – Орбулакской битве XVII в. Ильяз Нургалиев последовательно работает с национальными мифами и фольклорными образами тюркских народов. В романах Азамата Байгалиева и Киры Нуруллиной действуют инопланетяне и пришельцы. Сабыр Каирханов в формате городского фэнтези (роман «Синхро») поднимает вопрос о неоднозначной роли Семипалатинского полигона в жизни казахов. Пример соединения детского и приключенческого фэнтези демонстрирует роман Зиры Наурызбаевой и Лили Калаус «В поисках Золотой чаши: Приключения Бату и его друзей». В прозе Казахстана набирают популярность фэнтезийные тексты, сюжеты которых основываются на фактах национальной истории, воскрешают героев казахстанской мифологии, национальные традиции и обычаи. Проблематика и поэтика казахстанских фэнтези находятся в русле исканий современной прозы, характер трансформации жанра коррелирует с изменением читательской аудитории. Фэнтези привлекает читателей определенной социально-возрастной группы, откликающихся на актуальную проблематику – рост национального самосознания – в сочетании с захватывающим авантурным сюжетом. Развлекательный жанр массовой литературы принял на себя важную идеологическую функцию – формировать и транслировать национальную идентичность казахов в ситуации геополитических перемен.

Ключевые слова: литература Казахстана; жанр фэнтези; история казахов; национальные традиции.

В литературе рубежа XX–XXI вв. заметно возрастает роль условно-фантастических форм. Эта тенденция наиболее очевидна на примере активного развития жанра, получившего назва-

ние «фэнтези». Возникнув как реакция на засилье западноевропейских образцов, он удачно интегрировал элементы народного эпоса, мифологии, литературной сказки, историко-приключен-

ческого романа и научной фантастики, вследствие чего сформировалась широкая жанровая палитра исследуемого феномена [Маркова 2017; Хоруженко 2015].

В русской литературе в жанре эпического фэнтези работают Н. Перумов, А. Проворотов; к готическому роману тяготеют А. Дашков, А. Пехов; произведения М. Семеновы, О. Григорьевой, Е. Дворецкой, Ю. Никитина классифицируются как славянские фэнтези; М. Успенский, О. Громыко, А. Белянин создают юмористические фэнтези; в романах С. Лукьяненко, В. Панова «сверхъестественное привносится в нашу реальность» [Бондина 2009]. Теоретическую основу исследования составили труды Е. Н. Ковтун, диссертационные работы О. П. Криницыной и Я. В. Корольковой, а также статьи Е. Афанасьевой, А. Барашковой, А. Гусаровой, Е. Чепур, А. Алексеевой, В. Березиной, С. Володихиной, Э. Ворониной, В. Губайловского, М. Галиной, В. Гончарова, А. Николаевой, К. Строевой и др.

Интенсивная работа в направлении исследования особенностей жанра позволяет говорить о некой обобщенной модели фэнтези: об особом типе сюжета, специфическом хронотопе, функции героя и т. д. При этом каждое конкретное произведение фэнтези представляет индивидуально-авторский вариант этой модели, в котором названные компоненты всякий раз воплощаются по-своему [Королькова 2012].

Каковы общие черты мирообраза? Для всех произведений жанра фэнтези характерны фантастическая картина мира, сказочно-мифологическая основа и жанровый синтез [Ковтун 1999]. Фэнтези вбирает в себя элементы героического эпоса, легенд, рыцарского романа, литературной сказки, романтической повести, готического романа; в обязательном порядке соединяет сказочный вымысел с отчетливо выраженным мифологическим началом. Некоторые исследователи напрямую возводят фэнтези к мифу. Но если в мифе, компоненты которого трансформируются в сказке, действия героя сакрально значимы, выстраиваются в логике инициации, то в произведениях фэнтези предельно актуализируется развлекательная функция, значимым становится само количество испытаний как приключений. Приобретший необычайную популярность в литературе рубежа XX–XXI вв. жанр фэнтези продолжает уверенно завоевывать всё новые и новые пространства.

В литературе Казахстана фэнтези представлен следующими разновидностями: героическое, историческое, мифологическое, городское, детское, темное и даже «нео-эзотерическая фантастика» [Сарсенова 2020]. В жанрах, близких фэнтези, работают Сабыр Каирханов, Тимур Ермашев,

Азамат Байгалиев, Ильмаз Нурғалиев, Кира Нуруллина, Данияр Сугралинова, Зауре Туреханова, Тоня Шипулина, Зира Наурызбаева, Лили Калаус и др. [Абдуллаев 2015; Гольник 2018; Левин 2017]. Необходимость изучения казахстанских фэнтези обусловлена их популярностью у читателей, динамичной трансформацией жанровой структуры, но не менее значимым нам представляется то обстоятельство, что развлекательный жанр массовой литературы фэнтези принял на себя важную идеологическую функцию – формировать и транслировать национальную идентичность казахов в ситуации геополитических перемен.

Рубеж XX–XXI вв. демонстрирует высокую степень активизации процессов национальной самоидентификации [Абашева, Криницына 2010]. Казахские фэнтези являют убедительный пример подобной тенденции. Фэнтези, испытывая воздействие дискурса национальной идентификации, сами влияют на этот дискурс, становясь его составляющей [Криницына 2011]. Об этом свидетельствуют набирающие всё большую популярность произведения, сюжеты которых основываются на фактах национальной истории, воскрешают героев казахстанской мифологии, национальные традиции и обычаи. В большинстве фэнтези ориентированы на изображение мира прошлого, содержат факты, имеющие отношение исключительно к древней истории, активно используют былинные имена и мотивы. Для казахских авторов фэнтези важно создать иллюзию достоверности за счет использования деталей, указания на реальные географические объекты или исторические события, быт древних племен, даже подражания самому звучанию тюркской речи.

Тимур Ермашев обращается к героической странице истории казахов. Его роман «Воскрешающий легенды» посвящен легендарной Орбулакской битве, в которой 600 защитников молодого Казахского ханства смогли победить миллионную армию джунгар. Орбулакская битва произошла в 1643 г. в предгорьях Джунгарского Алатау (в настоящее время это территория Алматинской области).

В одном из интервью автор акцентирует национальный аспект избранного сюжета: «У каждого народа есть легенды, которые передаются из уст в уста, из поколения в поколение. Предания о дружбе и любви, о мужестве и благородстве. Эту легенду мой народ хранит уже больше трех столетий. И если греки навсегда сохранили в истории битву при Фермопилах трехсот спартанцев царя Леонида, то у казахов есть не менее героическое Орбулакское сражение, обессмертившее имя будущего хана Жангира.

Народная память не дает вековой пыли оседать на летописи тех далеких дней. Это повесть о бесстрашных степных витязях, не побоявшихся плечом к плечу встать против грозного врага. Их имена золотыми буквами вписаны в историю молодой казахской нации» [Ермашев 2017]. Национальная легенда получает современную аранжировку.

Роман представляет собой историю так называемых «попаданцев» (популярный прием в современной литературе и кинематографе) – двух друзей, случайно оказавшихся в прошлом. Повествование начинается и заканчивается в настоящем времени. Два героя – Макс и Жека – вследствие страшной аварии оказываются в глубокой коме и одновременно на страницах не дописанного Максом исторического романа. С ними начинают происходить странные события: их окружают люди с холодным оружием, говорящие на не совсем понятном языке. Молодые люди примыкают к борцам за независимость, оказывают посильную помощь степнякам, во главе которых стоит предводитель казахского войска Жангир, наследник хана Есима. Присутствие известной исторической личности, а также противостояние сил – борющихся за свою независимость героев Казахского ханства и внешних врагов, джунгарского войска во главе с Эрдени-Батуром – свидетельствуют об историзме романа. Победа джунгар давала возможность восстановить власть сына свергнутого китайского императора. Герои-попаданцы не оказывают существенного влияния на исход Орбулакской битвы, но они принимают участие в кровопролитном сражении, рискуя собственной жизнью. Более того, им приходится бороться не только с физическими врагами, но и с воздействием потусторонних сил [Дубинина 2021: 77].

Значительный подъем интереса к национальной истории и, как следствие, рост национального самосознания вызвали произведения классика казахской литературы Ильяса Есенберлина. На его опыт ориентируется, по его стопам следует **Ильмаз Нургалиев**. «Вся история наших предков – это одно большое увлекательное фэнтези, – убежден молодой автор. – Истории о подвигах батыров, жизни акынов, шаманов и простого кочевого народа – это целый мир, который может быть увлекательным и интересным читателям из разных стран... Дети часто не знают, кто такие Ер Тостик, Алпамыс батыр и другие мифические и исторические персонажи. Поэтому я и решил показать миру богатый пласт нашего национального фольклора. Фэнтези сегодня довольно популярный жанр. Поэтому я выбрал его как форму и наиболее доступный путь к своему читателю. <...> Мир еще будет зачиты-

ваться произведениями авторов из Казахстана», – декларирует молодой писатель [Антонов 2018].

Изучая национальную мифологию, Нургалиев обнаруживает много общего между сказками и мифами казахов, киргизов и других народов. К примеру, корни образа оборотня, человека-волка, нередко встречающегося в западноевропейских произведениях, обнаруживаются в мифах и преданиях народов, проживавших в глубокой древности на Алтае.

Критики именуют Нургалиева основоположником тюркского фэнтези [Корнеева 2017], поскольку автор целенаправленно использует национальные мифы и фольклорные образы, характерные для многих тюркских народов: татар, казахов, киргизов, туркмен и др. [Кадырова 2015]. В планах автора создание восьмичастной саги «Дастан и Арман», действие которой разворачивается в раннем средневековье на территории Западно-тюркского каганата. Сага представляет собой синтез исторического, мифологического, любовного фэнтези, в котором действуют герои тюркского фольклора, эпоса и казахской истории. В основе сюжета любовная интрига: претенденту на руку и сердце прекрасной девушки предстоит пройти испытания, чтобы завоевать доверие ее отца. Дастан по-казахски значит «легенда», а Арман – «мечта». Вот и стремится Дастан к своей мечте, попутно становясь героем легенды. VII век выбран автором не случайно: этот период стал переломным в истории тюркских народов. Помимо фольклорных источников, по признанию автора, материалом для саги послужили труды Льва Гумилева, книги историков и этнографов, посвященные тюркским каганатам. Литературными образцами стали Джон Толкиен и его «Властелин колец», Джордж Мартин с его «Песней Льда и Пламени», Джоан Роулинг с сагой о Гарри Поттере [Антонов 2018].

Пример соединения детского и приключенческого фэнтези демонстрирует роман **Зиры Наурызбаевой и Лили Калаус** «В поисках Золотой чаши: Приключения Бату и его друзей» [Наурызбаева 2010]. Погружаясь в далекое прошлое – историю племени массагетов, кочевавших в районе Каспийского моря в VI веке до н. э., вместе с Бату и его друзьями юные читатели открывают для себя мир исконных традиций, обычаев казахского народа, расширяют знания родного языка, причем наиболее сложные слова и понятия сопровождаются ссылками и пояснениями. В поисках золотой чаши герои знакомятся с царевичем массагетов, птицей Самрук, взрослеют и обретают новых друзей. Произведение наполнено юмором, духом приключений и изрядным количеством историко-лингвистических сведений.

Азамат Байгалиев, автор сборника рассказов «Мы, марсиане» [Байгалиев 2018], глубоко убежден, что в Казахстане «масса сюжетов и колоритных персонажей» для развития жанра фэнтези [Байгалиев 2019]. «Впитавший дух казахских легенд и мифов, одновременно проникнувшийся образами персонажей Хемингуэя, Брэдли и “Волшебника Изумрудного города” Александра Волкова (последний, кстати, тоже родом из Усть-Каменогорска), Азамат Байгалиев пишет свои рассказы вне связи с обыденной жизнью» [Абжекенова 2018]. Историю публикации в журнале «Новый мир» автор излагает так: «На первом курсе ко мне пришло такое видение, что прозрачные люди стоят на стене Трои, наблюдают за битвой, улетают во тьму и там встречают нечто, с чего все начиналось. С первого курса у меня эта мысль была, а сформировалась только два года назад – так получился рассказ “Хроновыверт”» [Байгалиев 2019]. Байгалиев очевидно тяготеет к апокалиптике – популярному на рубеже веков направлению фантастики. Интерес казахского автора к нему возник после прочтения повести С. Лукьяненко «Атомный сон», под влиянием которого и был написан рассказ «Три дня после Апокалипсиса» [там же]. Его герои живут в постапокалиптическом мире, где реальность соединяется с вымыслом, где элементы антиутопии сочетаются с фантастикой и фэнтези.

Главным авторитетом для молодого писателя в мире фантастики был и остается Сергей Лукьяненко (тоже родом из Казахстана); в 2011 г. на международном форуме фантастов «Байконур» в Астане он вручил молодому литератору престижную премию. Главный посыл книги «Мы, марсиане» – любовь к людям, к жизни, вера в человечность. Первый рассказ в сборнике – про марсианскую семью, случайно нашедшую ребенка – совершенно чуждое существо из другой системы. Поначалу женщина хотела избавиться от него, но побеждает материнский инстинкт и человечность [там же].

Роман **Сабыра Каирханова** «Синхро» сочетает элементы темного и городского фэнтези, мистики, детектива и научной фантастики. «Таинственное “поле синхронизации” блуждает по территории Семипалатинского полигона, калеча и уничтожая тех, кто попадает на него. Лишь двое друзей находят в этом постапокалиптическом пространстве двери, ведущие в другую реальность. Им потребуется храбрость сердца и смелость ума, чтобы спасти близких им людей от безумия и смерти» [Каирханов 2014]. Во имя спасения близких герои романа жертвуют собой, и эта жертва представляется символической, как жертва целого народа. Роман повествует о неоднозначной роли Семипалатинского полигона в

жизни казахов. Так автор поднимает вопросы, связанные с экологической и политической ситуацией в стране и мире, подчеркивает значимость темы, связанной с негативным влиянием ядерных отходов, захороненных в Семипалатинской области.

Герои книг **Кире Нуруллиной** – монстры, мифологические злодеи, оборотни, фантастические существа, обладающие сверхспособностями. Роман «Катрина», например, повествует о многовековой битве инопланетян за место на земле. Пришельцы готовы уничтожить человечество, но им противостоят люди, унаследовавшие неуязвимость и сверхспособности в борьбе с захватчиками [Нуруллина 2012]. Роман-продолжение – «Сахилы» [Нуруллина 2019] – сочетает элементы любовного, приключенческого, боевого и героического фэнтези. Его сюжет традиционно строится на противостоянии добра и зла. Преодолевая собственные слабости, спасая близких, герои проходят через многочисленные испытания и трудности, непростые душевные переживания [Мурсалимова 2019].

Проблематика и поэтика казахстанских фэнтези находятся в русле исканий современной прозы, характер трансформации жанра коррелирует с изменением читательской аудитории. Фэнтези привлекают читателей определенной социально-возрастной группы, откликающихся на актуальную проблематику – рост национального самосознания – в сочетании с захватывающим авантюрным сюжетом. В такой ситуации важно изучение любых нарративов о национальной идентификации; казахские фэнтези эти нарративы создают и транслируют.

Список литературы

Абашева М. П., Криницына О. П. Славянские фэнтези: к проблеме генезиса // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 5. С. 202–207.

Абдуллаев Е. Алматинская аномалия. О новой русской литературе Казахстана // Новый мир. 2015. № 12. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2015/12/almatinskaya-anomaliya.html (дата обращения: 10.12.2021)

Абжекенова Н. «Марсиане приземлились в Астане» // Караван. 08.11.2018. URL: <https://www.caravan.kz/gazeta/marsiane-prizemlilis-v-astane-495489/> (дата обращения: 08.12.2021)

Антонов С. Автор казахского фэнтези Ильмаз Нургалиев: «Я решил показать миру богатый пласт нашего национального фольклора». URL: <https://voxpopuli.kz/avtor-kazahskogo-fentezi-ilmaz-nurgaliev-ya-reshil-pokazat-miru-bogatyy-plast-nashego-nacionalnogo-folklora-13647/> (дата обращения: 11.12.2021)

Байгалиев А. Мы, марсиане // Ridero. 2018. URL: https://ridero.ru/books/my_marsiane/freeText (дата обращения: 09.12.2021)

Байгалиев А. Фантастика поднимает наши головы к звездному небу. 2019. URL: <https://adebiportal.kz/ru/news/view/21946> (дата обращения: 27.03.2022)

Бондина Е. С. К типологии жанра фэнтези // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-tipologii-zhanra-fentezi> (дата обращения: 09.12.2021)

Гольник О. Казахские писатели и поэты XXI века // NUR.KZ. URL: <https://www.nur.kz/1723164-kazahskie-pisатели-i-poety-hhi-veka.html> (дата обращения: 19.11.2021)

Дубинина Д. У. Исторический контекст в романе Т. Ермашева «Воскрешающий легенды» // Литература в контексте современности: сборник материалов XIII Всероссийской научно-методической конференции с международным участием (Челябинск, ЮУрГГПУ, 12 декабря 2021 г.). Челябинск, 2021. С. 77–81.

Ермашев Т. Воскрешающий легенды // ЛитМир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=665979&p=1> (дата обращения: 20.11.2021)

Каирханов С. Синхро. URL: [livelib.ru:https://www.livelib.ru/book/1001099956-sinhro-sabyr-kairhanov](https://www.livelib.ru/book/1001099956-sinhro-sabyr-kairhanov) (дата обращения: 12.12.2021)

Кадырова А. Казахское фэнтези? О книге Ильмаза Нургалиева «Дастан и Арман. Начало и первое задание» // VISION. URL: <https://yvision.kz/post/514152> (дата обращения: 12.12.2021)

Корнеева О. Новая литература в Казахстане: Тюркское фэнтези и азиатский сюрреализм // DW. URL: <https://www.dw.com/ru/новая-литература-в-казахстане-тюркское-фэнтези-и-азиатский-сюрреализм/a-5924793> (дата обращения: 12.12.2021)

Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века): М.: Изд-во МГУ, 1999. 308 с.

Королькова Я. В. Две модели фэнтези в современной русской литературе (романы М. В. Семеновой о Волкодаве, М. Г. Успенского о Жихаре): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 26 с.

Криницына О. П. Славянские фэнтези в современном литературном процессе: поэтика, трансформация, рецепция: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 23 с.

Левин А. Казахстанская фантастика: 5 книг, которые стоит прочесть // STEPPE. URL: <https://the-steppe.com/razvitie/kazahstanskaya-fantastika-5-knig-kotorye-stoit-prochitat> (дата обращения: 21.11.2021)

Маркова Т. Н. Жанровая природа романов М. Семеновой // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 8. С. 152–156.

Мурсалимова М. Кира Нуруллина: Вдохновение – это порыв души высказать все, что в ней сокрыто // Литературный портал. URL: https://adebiportal.kz/ru/news/view/kira_nurullina_v_dohnovenie_eto_poriv_dushi_viskazat_vse_chno_v_nei_sokrito_21258 (дата обращения: 13.12.2021)

Наурызбаева З. В поисках Золотой чаши: Приключения Бату и его друзей // OTUKEN. URL: <http://otuken.kz/в-поисках-золотой-чаши-приключения-ба/> (дата обращения: 20.12.2021)

Нуруллина К. Катрина // ЛитМир. 2012. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=238875> (дата обращения: 14.12.2021)

Нуруллина К. Сахилы // ЛитРес. 2019. URL: <https://www.litres.ru/kira-nurullina/sahily/> (дата обращения: 15.12.2021)

Сарсенова К. Официальный сайт. 2020. URL: <https://karinasarsenova.com/> (дата обращения: 16.11.2021)

Хоруженко Т. И. Русское фэнтези: на пути к метажанру: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 24 с.

References

Abasheva M. P., Krinitsyna O. P. Slavyanskije fentezi: k probleme genezisa [Slavonic fantasy: To the problem of genre genesis]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University], 2010, issue 5, pp. 202–207. (In Russ.)

Abdullaev E. Almatinskaya anomalija. O novoy russkoy literature Kazakhstana [Almaty anomaly. On the new Russian literature of Kazakhstan]. *Novyy mir* [The New World]. Available at: https://magazines.gorky.media/novy_mi/2015/12/almatinskaya-anomalija.html (accessed 10 Dec 2021). (In Russ.)

Abzhekenova N. ‘Marsiane prizemlilis’ v Astane [‘Martians landed in Astana’]. *Karavan* [Caravan]. November 8, 2018. Available at: <https://www.caravan.kz/gazeta/marsiane-prizemlilis-v-astane-495489/> (accessed 8 Dec 2021). (In Russ.)

Antonov S. Avtor kazakhskogo fentezi Ilmaz Nurgaliev: ‘Ya reshil pokazat’ miru bogatyy plast nashego natsional’nogo fol’klora’ [The author of Kazakh fantasy Ilmaz Nurgaliev: ‘I decided to show the world a rich layer of our national folklore’]. Available at: <https://voxpopuli.kz/avtor-kazahskogo-fentezi-ilmaz-nurgaliev-ya-reshil-pokazat-miru-bogatyy-plast-nashego-natsionalnogo-folklora-13647/> (accessed 11 Dec 2021). (In Russ.)

Baygaliev A. My, marsiane [We, the Martians]. *Ridero*, 2018. Available at: https://ridero.ru/books/my_marsiane/freeText (accessed 9 Dec 2021). (In Russ.)

Baygaliev A. Fantastika podnimaet nashi golovy k zvezdnomu nebu [Fantasy raises our heads to the starry sky], 2019. Available at: <https://adebiportal.kz/ru/news/view/21946> (accessed 27 Mar 2022). (In Russ.)

Bondina E. S. K tipologii zhanra fentezi [On the typology of the fantasy genre], 2009. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-tipologii-zhanra-fentezi> (accessed 9 Dec 2021). (In Russ.)

Gol'nik O. Kazahskie pisateli i poety 21 veka [Kazakh writers and poets of the 21st century]. *NUR.KZ*, 2018. Available at: <https://www.nur.kz/1723164-kazahskie-pisateli-i-poety-hhi-veka.html> (accessed 19 Nov 2021). (In Russ.)

Dubinina D. U. Istoricheskiy kontekst v romane T. Ermasheva 'Voskreshayushchiy legendy' [Historical context in T. Ermashev's novel 'Resurrecting Legends']. *Literatura v kontekste sovremennosti: sbornik materialov XIII Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Chelyabinsk, YuUrGGPU, 12 dekabrya 2021 g.)* [Literature in the Context of Modernity: Proceedings of the 13th All-Russian Scientific and Methodological Conference with International Participation (Chelyabinsk, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, December 12, 2021)]. Chelyabinsk, 2021, pp. 77–81. (In Russ.)

Ermashev T. Voskreshayushchiy legendy [Resurrecting Legends]. *LitMir*, 2017. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=665979&p=1> (accessed 20 Nov 2021). (In Russ.)

Kairkhanov S. Synchro, 2014. Available at: <https://www.livelib.ru/book/1001099956-sinhro-sabyr-kairkhanov> (accessed 12 Dec 2021). (In Russ.)

Kadyrova A. Kazahskoe fentezi? O knige Il'maza Nurgalieva 'Dastan i Arman. Nachalo i pervoe zadanie' [Kazakh fantasy? On the book by Ilmaz Nurgaliyev 'Dastan and Arman. The beginning and the first task']. *VISION*, 2015. Available at: <https://yvision.kz/post/514152> (accessed 12 Dec 2021). (In Russ.)

Korneeva O. Novaya literatura v Kazakhstane: Tyurkskoe fentezi i aziatskiy syurrealizm [New literature in Kazakhstan: Turkic fantasy and Asian surrealism]. *DW*, 2017. Available at: <https://www.dw.com/ru/new-literature-in-kazakhstan-turkic-fantasy-and-asian-surrealism/a-5924793> (accessed 12 Dec 2021). (In Russ.)

Kovtun E. N. *Poetika neobychaynogo: Khudozhestvennyye miry fantastiki, volshebnoy skazki, utopii, pritchi i mifa (na materiale evropeyskoy literatury pervoy poloviny 20 veka)* [Poetics of the Extraordinary: The Artistic Worlds of Science

Fiction, Fairy Tale, Utopia, Parables and Myth (based on the material of European literature of the first half of the 20th century)]. Moscow, Moscow University Press, 1999. 308 p. (In Russ.)

Korol'kova Ya. V. *Dve modeli fentezi v sovremennoy russkoy literature (romany M. V. Semenovoy o Volkodave, M. G. Uspenskogo o Zhikhare)*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Two models of fantasy in modern Russian literature (novels about the Wolfhound by M. V. Semenova and about Zhikhar by M. G. Uspenskiy). Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2012. 26 p. (In Russ.)

Krinityna O. P. *Slavyanskije fentezi v sovremennoy literaturnom processe: poetika, transformatsiya, retseptsiya*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Slavic fantasy in the modern literary process: Poetics, transformation, reception. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2011. 23 p. (In Russ.)

Levin A. Kazahskaya fantastika: 5 knig, kotorye stoit prochest' [Kazakh science fiction: 5 books worth reading]. *STEPPE*, 2017. Available at: <https://the-steppe.com/razvitie/kazahstanskaya-fantastika-5-knig-kotorye-stoit-prochitat> (accessed 21 Nov 2021). (In Russ.)

Markova T. N. Zhanrovaya priroda romanov M. Semenovoy [The genre nature of novels by M. Semenova]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2017, issue 8, pp. 152–156. (In Russ.)

Mursalimova M. Kira Nurullina: Vdokhnovenie – eto poryv dushi vyskazat' vse, chto v ney skryto [Kira Nurullina: Inspiration is the impulse of the soul to express everything hidden in it]. *Literaturnyy portal* [Literary Portal], 2019. Available at: https://adebiportal.kz/ru/news/view/kira_nurullina_vdohnovenie_eto_poryv_dushi_viskazat_vse_chno_v_nei_sokrit_o_21258 (accessed 13 Dec 2021). (In Russ.)

Naurzbaeva Z. V. Poiskakh Zolotoy chashi: Priklyucheniya Batu i ego druzey [In search of the Golden bowl: The adventures of Batu and his friends]. *OTUKEN*, 2010. Available at: <http://otuken.kz/in-search-for-a-golden-chalice-adventure-ba/> (accessed 20 Dec 2021). (In Russ.)

Nurullina K. Katrina. *LitMir*, 2012. Available at: <https://www.litmir.me/bd/?b=238875> (accessed 14 Dec 2021). (In Russ.)

Nurullina K. Sakhily. *LitRes*, 2019. Available at: <https://www.litres.ru/kira-nurullina/sahily/> (accessed 15 Dec 2021). (In Russ.)

Sarsenova K. Official site website. Available at: <https://karinasarsenova.com/> (accessed 16 Nov 2021). (In Russ.)

Khoruzhenko T. I. *Russkoe fentezi: na puti k metazhanru*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [The Russian fantasy: On the way to the meta-genre. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2015. 24 p. (In Russ.)

Fantasy in the Russian-Language Segment of Literature of Kazakhstan

The study was funded by Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev under research contract No. 16-604 of August 1, 2022, topic “New approaches to the study of literature in a crisis era”

Tatyana N. Markova

**Head of the Department of Literature and Methods of Teaching Literature
South Ural State Humanitarian Pedagogical University**

69, prospekt Lenina, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation. markovatn@cspu.ru

SPIN-code: 3341-0165

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7911-2424>

Submitted 07 Jun 2022

Revised 06 Jul 2022

Accepted 05 Aug 2022

For citation

Markova T. N. Fentezi v russkoyazychnom segmente literatury Respubliki Kazakhstan [Fantasy in the Russian-Language Segment of Literature of Kazakhstan]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 3, pp. 106–112. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-106-112 (In Russ.)

Abstract. The turn of the 20th–21st centuries is characterized by highly intensive processes of national self-identification. An important role in this process is played by fantasy as a popular genre of popular literature. The study of Kazakh fantasy is of academic interest due to its popularity with readers, the dynamic transformation of the genre structure. The article demonstrates a wide genre spectrum of Kazakh fantasy books and their authors. In the novel *Resurrecting Legends* Timur Yermashev turns to the heroic page in the history of the Kazakhs – the Orbulak battle of the 17th century. Ilyaz Nurgaliyev consistently works with national myths and folklore images of the Turkic peoples. Azamat Baigaliev and Kira Nurullina write about aliens. Sabyr Kairkhanov in the format of urban fantasy (the novel *Synchro*) raises the question of the ambiguous role of the Semipalatinsk test site in the life of the Kazakhs. An example of the combination of children’s and adventure fantasy is the novel by Zira Naurzabayeva and Lily Kalas *In Search of the Golden Bowl: The Adventures of Batu and His Friends*. Particularly popular are fantasy texts with plots based on the facts of national history, those resurrecting the heroes of Kazakhstani mythology, national traditions and customs. The themes and poetics of Kazakh fantasy are in line with the processes developing in modern prose, the nature of the transformation of the genre correlates with the changing readership. Fantasy readers are mainly representatives of a certain social and age group, those attracted by the topical issues raised – the growth of national self-consciousness – combined with an exciting adventurous plot. The entertaining genre of popular literature has taken on an important ideological function – to promote and shape the national identity of the Kazakhs in a situation of geopolitical changes.

Key words: literature of Kazakhstan; fantasy genre; Kazakh history; national traditions.

УДК 821.161.1.09“19”

doi 10.17072/2073-6681-2022-3-113-124

Поэтика эпического образа у И. А. Гончарова

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-012-00102

Владимир Иванович Мельник**д. филол. н., профессор****Перервинская духовная семинария**

109383, Россия, г. Москва, ул. Шоссейная, 82г. melnikvi1985@mail.ru

SPIN-код: 3468-5952

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>*Статья поступила в редакцию 10.03.2022**Одобрена после рецензирования 04.07.2022**Принята к публикации 20.07.2022***Информация для цитирования**

Мельник В. И. Поэтика эпического образа у И. А. Гончарова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 113–124. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-113-124

Аннотация. Поэтика Гончарова отличается особого рода органичностью (по терминологии Н. И. Пруцкова, «органический роман» Гончарова). Она позволяет рассматривать человека в чрезвычайно тесном единстве не только с социальным окружением, но и с природно-космической, религиозной и другими сторонами жизни. Художник, по сути, изображает человека как часть таких общностей и понятий, как природа, космос, национальный менталитет и т. д., взятых и изображаемых в органическом единстве одномоментных и совместных проявлений в человеческой психике (совпадение психо-биологического ритма человека с малыми и большими ритмами окружающей жизни и Вселенной). Писатель представляет эти связи, используя поэтику изображения единой ритмической «пульсации» человека и окружающей жизни, поэтику изображения «органических повторов» (природные циклы времен года, нравственно значимой топонимики и т. д.) с обязательным выходом из циклического повторения в момент «преображения», качественного изменения в сторону одухотворения. Ритмические повторы столь очевидны и художественно акцентированы, а духовные «прорывы» столь микроскопичны (и далеко не всегда очевидны даже для исследователей), что создается впечатление эпически неспешного, едва ли не затянутого повествования. В данном случае Гончаров как художник пытается сделать основанием своей поэтики евангельскую притчу о сеятеле («Человек бросит семя в землю, и спит <...> и как семя всходит и растет, не знает он»). Так Гончаров ставит и разрабатывает одну из главных своих тем: Божьей Тайны в человеке и мире.

Ключевые слова: Гончаров; эпос; поэтика; повтор; преобразование; Божья Тайна; Обломов.

И. А. Гончаров давно и справедливо считается одним из представителей эпического стиля в русском классическом романе. Неторопливое объективное повествование, широта охвата изображаемых событий, художественная полнота изображения, тяготение к большому повествовательному жанру и пр. – всё это свидетельствует в пользу мнения о бесспорном эпическом характере прозы Гончарова. Автор «Обыкновенной истории» кажется подчеркнуто объективным, поскольку в произведении задействована

система оппонирования двух главных героев, вступающих в «диалогический конфликт», в котором обе спорящих стороны «проигрывают перед сложностью, полнотой, всеилием действительности» [Манн 1989: 393]. Создается впечатление, что каждый из оппонентов прав, пока опровергает другого, что истина находится где-то посередине. В свое время это побудило В. Г. Белинского признать, что у романиста «нет ни любви, ни вражды к создаваемым им лицам, они его не веселят, не сердят, он не даёт никаких

нравственных уроков ни им, ни читателю» (Белинский 1953–1959, т. 10: 326). Спокойную эпическую силу таланта писателя признал и Н. А. Добролюбов в статье о романе «Обломов»: «У него есть... свойство: спокойствие и полнота поэтического мирозерцания. Он ничем не увлекается исключительно или увлекается всем одинаково. Он не поражается одной стороной предмета, одним моментом события, а вертит предмет со всех сторон, выжидает совершения всех моментов явления и тогда уже приступает к их художественной переработке. Следствием этого является, конечно, в художнике более спокойное и беспристрастное отношение к изображаемым предметам, большая отчетливость в очертании даже мелочных подробностей и ровная доля внимания ко всем частностям рассказа. Вот отчего некоторым кажется роман Гончарова растянутым. Он, если хотите, действительно растянут» (Добролюбов 1961–1964, т. 4: 310–311).

До недавнего времени эпическая основа творчества писателя не становилась предметом специального исследования, хотя многие авторы отмечали эту особенность Гончарова. Так, Н. И. Пруцков в новаторской для своего времени книге «Мастерство Гончарова-романиста» отмечает: «Эпическое в художественной системе автора “Обломова” следует понимать широко. Это и спокойное, величавое течение повествования, и художественная полнота, органичность изображения действительности, и непроизвольность, естественность воспроизводимых событий, объективность взгляда на мир» [Пруцков 1962: 145]. Поясняя свои слова, исследователь говорит: «Гончаров эпическое сливает с лирическим и драматическим (любовь Обломова и Ольги Ильинской), а на последних страницах романа звучат и ноты трагические. Такие переходы от эпоса к лирике и драме у художника непроизвольны, как непроизвольны, свободны они и в самой жизни. Вместе с тем в этих переходах видна художественная целесообразность. Они характеризуют разные моменты в жизни Ильи Ильича (сон, пробуждение, гибель), различные стороны и возможности его характера. Следовательно, и в этих переходах эпоса в лирику и в драму видна та же органичность художественного воспроизведения жизни во всей ее истине и полноте» [там же].

Определенный вклад в развитие темы внесла работа Н. Л. Ермолаевой «Эпическое мышление И. А. Гончарова» [Ермолаева 2011], в которой понятие «эпическое» приобрело более широкие границы. Эти границы, в отношении творчества не только Гончарова, но и многих других писателей-классиков, пока еще не устоялись и не приобрели твердой методологической базы. Постоянное обогащение приемов исследования ху-

дожественного текста обозначило закономерную тенденцию: рядом с традиционным жанрово-родовым пониманием эпического возникло понимание эпического как своеобразия художественного мышления автора. Все более очевидно, что такие определения, как «величавое течение повествования», «широта», «масштабность», «объективности», «неспешность» и пр., не вполне достаточны и нуждаются в аналитической расшифровке, в исследовании более тонких и многообразных смысловых и формальных внутритекстовых связей. При этом в подобном поиске важно не утратить главные конечные ориентиры и не уйти в такие частности, которые будут уже мало связаны собственно с эпическим.

В художественных произведениях Гончарова, долго и тщательно обдумывающего и отделяющего свои произведения, всё более обнаруживаются тончайшие связи, «переклички», «рифмовки» на самых различных уровнях поэтики. Этим тончайшим связям, возникающим во время работы над произведением, удивлялся и сам художник: «Всего страннее, необъяснимее кажется в этом процессе то, что иногда мелкие, аксессуарные явления и детали, представляющиеся в дальней перспективе общего плана отрывочно и отдельно, в лицах, сценах, по-видимому не вяжущихся друг с другом, потом как будто сами собою группируются около главного события и сливаются в общем строе жизни! Точно как будто действуют тут, еще неуловленные наблюдением, тонкие, невидимые нити или, пожалуй, магнетические токи, образующие морально-химическое соединение невещественных сил (какое происходит с вещественными силами)!» (Гончаров 1952–1955, т. 8: 104). Эти «магнетические токи» пронизывают текст гончаровских романов в самых разных направлениях, создавая в том числе и эпический характер его произведений.

Выявить в произведениях Гончарова такие «токи» весьма непросто, поскольку он не декларирует открыто свое мировоззрение, а выражает его в пластических образах, их соотносённости, – никогда или очень редко прибегая к акцентировке или прямому выражению своего мнения. В статье «Лучше поздно, чем никогда» художник сетовал, что часто в его книгах не видят залегающей в глубине связующей мысли: «Иные не находили или не хотели находить в моих образах и картинах ничего, кроме более или менее живо нарисованных портретов, пейзажей, может быть живых копий с нравов – и только. За что же тут хвалить? <...> Что за заслуга?» (там же: 67). Сам Гончаров постоянно настаивал, что для него главный писательский труд заключается именно в установлении связей между «портретами, пейзажами» и т. д., в «зодчестве», в том, чтобы

множество едва ли не даром дающихся талантливому автору портретов, жанровых сценок и пр. суметь свести воедино, в огромное, действительно эпическое «здание произведения». Автор романной трилогии всегда ощущал необычайную широту открывающейся ему жизни: «Я писал медленно, потому что у меня никогда не являлось в фантазии одно лицо, одно действие, а вдруг открывался перед глазами, точно с горы, целый край, с городами, селами, лесами и с толпой лиц, словом, большая область какой-то полной, цельной жизни. Тяжело и медленно было спускаться с этой горы, входить в частности, смотреть отдельно все явления и *связывать их между собой* (курсив мой. – В. М.)!» (И. А. Гончаров 2000: 198). Те же мысли, хотя и в несколько ином контексте, выражены в письме к И. И. Лиховскому от 1857 г.: «Меня перестала пугать мысль, что я слишком прост в речи, что не умею говорить по-тургеневски, когда вся картина обломовской жизни начала заканчиваться: я видел, что дело не в стиле у меня, а в полноте и окончательности целого здания. Мне явился как будто целый большой город, и житель поставлен так, что обозревает его весь и смотрит, где начало, середина, отвечают ли предметы целому... а не вникает, камень или кирпич служили материалом, гладки ли кровли, фигурны ли окна...» (Гончаров 1952–1955, т. 8: 299). В письме к С. А. Никитенко от 23 июня 1860 г. он признался: «Не трудно рисовать... начни чертить, и выходит рисунок, сцена, фигура, это и весело; но проводить смысл, выяснять цель создания, необходимость, по которой должно держаться все создание, это и скучно, и невыразимо трудно» (там же: 341).

В произведениях Гончарова дается широкий охват событий, в которых участвует множество персонажей. Автор постоянно испытывал сложность с архитектурой своих романов: «Всего более затрудняла меня архитектура, сведение всей массы лиц и сцен в стройное целое, и вот, между прочим, причины медленности! <...> “Что другому стало бы на десять повестей, – заметил однажды Белинский про меня, еще по поводу «Обыкновенной истории», – у него укладывается в одну рамку” <...> Одной архитектурой, то есть постройки здания, довольно, чтобы поглотить всю умственную деятельность автора: соображать, обдумывать участие лиц в главной задаче, отношение их друг к другу, постановку и ход событий, роль лиц, с неусыпным контролем и критикою относительно верности или неверности, недостатков, излишества и т. д.» (там же: 80, 112).

Разумеется, дело не в том, что Гончаров испытывал трудности с выстраиванием «материала», но в его смысловой многозначности, в том,

что его портреты, жанровые сценки и пр. почти всегда «больше самих себя» в рамках того «здания», которое строит писатель. Приемы архитектуры Гончарова, его высокая и всеобъемлющая точка обзора в произведении придают «кирпичикам» этого здания глубокий, очень часто символический смысл. Эпос Гончарова создается не только за счет широты, но и необычайно художественной концентрации смысла всего созидаемого целого и каждой отдельной детали, их художественной симфонии. В различных работах И. В. Пыркова прослеживается необычайно высокая степень соотнесенности единиц текста у Гончарова: от звукового ряда до архитектуры [Пыркoв 1998; Пыркoв 2017]. В настоящей работе мы попытаемся показать некоторые «механизмы» создания эпического в произведениях Гончарова, прежде всего в романе «Обломов».

Сейчас мы не будем говорить о таких достаточно хорошо изученных свойствах образов художественных героев в романах Гончарова, как широта типизации («обломовщина») или символизация («Бабушка-Россия» в «Обрыве»). Помимо этой широты типизации или даже символизации чрезвычайно интересно взглянуть на то, что создает непосредственную эпичность образа.

Например, образ Ильи Обломова, несомненно, эпичен, хотя и не в том же смысле, в каком эпичен образ Ильи Муромца в русской былинке. Если Илья Муромец – герой классического эпоса, не только связанный с исторической судьбой нации, но и решающий эту судьбу, то Илья Обломов – принципиально «не-герой», или герой эпоса романного, герой с расщепленным частным сознанием. В образе Ильи Муромца сливаются лучшие идеализированные черты, созидающие, говоря словами Гончарова, «скульптуру». Образ же Ильи Ильича вбирает в себя лишь несколько самых характерных отрицательных и положительных свойств славянской природы, как она проявляется не в эпическом «герое», а в обычном человеке: прежде всего «чистое сердце» и боязнь ответственности. Эти (и иные) качества настолько тесно переплетены в Обломове, что однозначная оценка его личности стала возможна разве что под пером революционного демократа Добролюбова. М. М. Пришвин записал в своем дневнике: «...с точки зрения планирования жизни обломовщина есть невозможно дурное, а с точки зрения русского быта Обломов есть дивное существо» (Пришвин 1956–1957, т. 6: 410). Автор «Обломова» подчеркивал, что это переплетение хорошего и дурного в характере главного героя носило интуитивный характер: «Конечно, я инстинктивно чувствовал, что в эту фигуру вбираются мало-помалу элементарные свойства русского человека – и пока этого ин-

стинкта довольно было, чтобы образ был верен характеру. Если б мне тогда сказали все, что Добролюбов и другие и, наконец, я сам потом нашли в нем – я бы поверил, а поверив, стал бы умышленно усиливать ту или другую черту – и, конечно, испортил бы. Вышла бы тенденциозная фигура! Хорошо, что я не ведал, что творю!» (Гончаров 1952–1955, т. 8: 71).

Гончаров в Обломове показал не просто «часто встречающийся» типовой образ, но и по своему исключительный, отражающий национально-эпическое содержание «сверхтип». Василий Розанов подчеркнул общезначимую русскость, общенациональную представительность Обломова: «Нельзя о “русском человеке” упомянуть, не припомнив Обломова» (Розанов 1916: 5). В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» такое национальное эпическое содержание отражает вся совокупность образов и событий. Вершиной здесь является изображение Бородинской битвы. В романе Гончарова это содержание связано только с образом Обломова. Писатель показал такую исключительную черту Обломова, которая не встречается ни у одного героя русской литературы: его укорененность в русском быте, русской истории, в общем – в русской жизни, в русской почве. В романе «Обрыв» Марфенька говорит: «...я здешняя, я вся вот из этого песочку, из этой травки!». Ее невозможно представить в ином антураже: «...не хочу никуда. Что бы я одна делала там в Петербурге, за границей? Я бы умерла с тоски...». Марфенька сознает себя растением, которое растет только на этой почве: если его вырвать, оно «умрет с тоски». Таким «растением» является и Обломов. Это хорошо прочувствовал И. Анненский: «Обломов – тот жил века, он рос, он культивировался незаметными приращениями куста или дерева» (Анненский 1979: 230). Он врос в русскую почву, он всюду ощущает себя дома, в родной Обломовке. Его нельзя «двигать», «передвигать» (какой протест вызывает самая мысль о переезде на другую квартиру: «...ты, видно, в гроб меня хочешь вогнать своим переездом!»), тем более пересаживать на другую почву. Эта привязанность к родной почве – основное условие его жизни, которое не поняла и не могла принять Ольга. Хотя в начале романа мы встречаемся с Обломовым в Гороховой улице в каменном столичном Петербурге, улица носит такое название, что весьма напоминает об Обломовке, где «из преступлений одно, именно кража гороху, моркови и репы по огородам, было в большом ходу». В Петербурге Обломов находит вторую Обломовку – Выборгскую сторону. При этом происходит узнавание, новое «приращение» героя, новое заползание в родную раковину. При этом автор гениально пе-

редает процессы подсознания героя: «Обломов тихо погрузился в молчание и задумчивость. Эта задумчивость была не сон и не бдение... Он впал в неопределенное, загадочное состояние, род галлюцинации.

На человека иногда нисходят редкие и краткие задумчивые мгновения, когда ему кажется, что он переживает в другой раз когда-то и где-то прожитый момент. Во сне ли он видел происходящее перед ним явление, жил ли когда-нибудь прежде, да забыл, но он видит: те же лица сидят около него, какие сидели тогда, те же слова были произнесены уже однажды...

То же было с Обломовым теперь. Его осеняет какая-то бывшая уже где-то тишина, качается знакомый маятник, слышится треск откушенной нитки; повторяются знакомые слова и шепот: “Вот никак не могу попасть ниткой в иглу: на-ка ты, Маша, у тебя глаза повострее!”

Он лениво, машинально, будто в забыты, глядит в лицо хозяйки, и из глубины его воспоминаний возникает знакомый, где-то виденный им образ. Он добирался, когда и где слышал он это...

И видится ему большая темная, освещенная сальной свечкой гостиная в родительском доме, сидящая за круглым столом покойная мать и ее гости: они шьют молча; отец ходит молча. Настоящее и прошлое слились и перемешались.

Грезится ему, что он достиг той обетованной земли, где текут реки меду и молока, где едят незаработанный хлеб, ходят в золоте и серебре...

Слышит он рассказы снов, примет, звон тарелок и стук ножей, жметя к няне, прислушивается к ее старческому, дребезжащему голосу: “Милитриса Кирбитьевна!” – говорит она, указывая ему на образ хозяйки» (Гончаров 1997–2017, т. 4: 479–480). Д. С. Лихачев отметил: «Анализ ощущений предвосхищает анализ Пруста и Джойса. Перед нами “поток сознания”» (Лихачев 1971: 345).

Здесь узнавание срослось с исполнением затаенных жизненных желаний: «достиг обетованной земли». Подсознательные силы и процессы настолько сильны, что даже сильная любовная встряска оказалась неспособна преобразить героя. Он готов внести новизну в свою жизнь, но лишь при условии, что он останется на почве родной Обломовки:

«– Ты мне рисуешь одно и то же, что бывало у дедов и отцов.

– Нет, не то, – отозвался Обломов, почти обиженный, – где же то? Разве у меня жена сидела бы за вареньями да за грибами? Разве считала бы тальки да разбирала деревенское полотно? Разве была бы девок по щекам? Ты слышишь: ноты, книги, рояль, изящная мебель?» (Гончаров 1997–2017, т. 4: 178–179).

Обломов не будет заводить в Петербурге изящную мебель и рояль, наоборот, всё это он повезет в Обломовку, на родную почву, вне которой для него нет жизни. Ольга не приняла этой обновленной Обломовки, но, по иронии судьбы, «ноты, книги, рояль, изящная мебель» окружают ее в Крымском имении, где она со Штольцем ощущает какую-то пустоту, незавершенность и неудовлетворенность. Может быть, отчасти и потому, что активность передвижений Штольца, по сути, мало чем отличается от неподвижности Обломова. Но при этом у Ильи Ильича есть огромное преимущество: он не в гостях, он представитель и хозяин Обломовки, он «гений места». А вот духовная топонимика Крымского имения дает ощущение экзотики, прекрасной «гостиницы», временного пребывания, какой-то искусственной «капсулы», в которой существуют герои, отделенные от русских коренных реалий.

Обломов хотя и умирает, но свет его сердца продолжает свой путь во вселенной: мы не ощущаем присутствия в романе детей Ольги и Штольца, но зато видим Андриюшу Обломова, которого растят Штольцы. Видим преображенную личность Агафьи Пшеницыной: «Она поняла, что проиграла и просияла ее жизнь, что Бог вложил в ее жизнь душу и вынул опять; что засветилось в ней солнце и померкло навсегда... Навсегда, правда; но зато навсегда осмыслилась и жизнь ее: теперь уж она знала, зачем она жила и что жила не напрасно.

Она так полно и много любила: любила Обломова – как любовника, как мужа и как барина; только рассказать никогда она этого, как прежде, не могла никому. Да никто и не понял бы ее вокруг» (Гончаров 1997–2017, т. 4: 488–489).

Свет Обломова не только изменил жизнь Агафьи Матвеевны, но будет изменять ее и дальше – все больше и больше – до конца жизни: «С годами она понимала свое прошедшее всё больше и яснее и таила всё глубже, становилась всё молчаливее и сосредоточеннее. На всю жизнь ее разлились лучи, тихий свет от пролетевших, как одно мгновение, семи лет...» (там же: 489).

Корни неподвижного дерева под названием «Обломов» уходят в русскую почву очень глубоко. И не только в пространстве, но и во времени. Поскольку герой врос в почву, слился с самим духом народа и стал его представителем в сознании писателя, история Обломовки и обломовцев, в которой, через античные аллюзии, звучит метафора «с незапамятных времен», воспринимается как личная предыстория героя. «Сон Обломова» с его фольклорными, античными и средневековыми мотивами композиционно является изображением детства героя. Такой уходящей в «незапамятные времена» биографии героя не

знает более русская литература. Многовековая история Обломовки является не историей России, но историей русского менталитета, сохранившего свои свойства во времени. Гончаров думал об этом, когда писал о драматургии Н. А. Островского, с которым чувствовал тесное свое родство: «...мы пережили и тевтонов, и татар, и уделы, и ляхов, и двенадцать язык – и сквозь все это Русь пронесла и вынесла доднесь свои старые, родовые черты, крепкие нравы, свой коренной быт <...> Тысячу лет прожила старая Россия – и Островский воздвигнул ей тысячелетний памятник» (Гончаров 1952–1955, т. 8: 180). То же самое сделал Гончаров в эпическом образе Обломова.

Тысячелетний пласт русской истории изображен как «пред-биография» героя для того, чтобы показать, что Обломов – человек XIX в. – фигура пограничная. Он – герой эпохи «младенчества», «сна», а не «пробуждения». Его беда в том, что он, как богатырь Святогор при встрече с Ильей Муромцем в известной былине, не может шагнуть в новое время и сам укладывается в гроб, «примеривая» его. Не отсюда ли в романе фраза: «С годами волнения и раскаяние являлись реже, и он тихо и постепенно укладывался в простой и широкий гроб остального своего существования» (Гончаров 1997–2017, т. 4: 474).

В Россию эпохи «пробуждения» войдет сын Обломова – Андрей, воспитанный уже в несколько иных традициях.

В эпическом хронотопе Обломова, несомненно, присутствует и автобиографический момент, поскольку это самый автобиографичный образ, созданный Гончаровым. Слиянность автобиографии и тысячелетней русской ментальности хорошо обозначил И. Анненский, сказав, что в характере Обломова ощущается «душа Гончарова в ее личных, национальных и мировых элементах» (Анненский 1979: 265).

Вторая особенность поэтики образа Обломова отчасти связана с первой. В нем подчеркнута, как мы уже сказали, «растительность» – не в смысле какой-то ограниченности, но в смысле органичности. Когда-то Н. И. Пруцков, говоря об «Обломове», ввел понятие «органического романа». Главный орган мировосприятия у Обломова – чистое, целомудренное сердце: «...более всего, в основании натуры Обломова лежало чистое, светлое и доброе начало, исполненное глубокой симпатии ко всему, что хорошо и что только отверзалось и откликалось на зов этого простого, нехитрого, вечно доверчивого сердца». Герой ощущает мир прежде всего через сердце, через его биение и пульсирование. Юношеское увлечение поэзией у Обломова – это «эпоха сильного биения сердца, пульса». Обломов

настолько органичен, вписан, словно растение, в окружающую природу, что в этом пульсировании своего сердца слышит и пульс всей природы. Так он понимает и любовь, когда мечтает: «Потом... обняв жену за талью, углубиться с ней в бесконечную, темную аллею; идти тихо, задумчиво, молча или думать вслух, мечтать, считать минуты счастья, как биение пульса; слушать, как сердце бьется и замирает; искать в природе сочувствия...» (Гончаров 1997–2017, т. 4: 177).

В своих мечтах герой сливается со всем миром: с любимой женщиной, со временем («считать минуты счастья»), с природой. Образно-звуковое пульсирование мира Обломов ощущает всегда. Потерпев неудачу в борьбе с собой и в любви, он как бы переходит на другой, более органичный для себя, уровень бытия. И здесь он тоже слышит пульс жизни, только образы и звуки уже иные, не те, что были в его мечтах: «Подолгу слушал он треск кофейной мельницы, скаканье на цепи и лай собаки, чищенье сапог Захаром и мерный стук маятника» (там же: 375).

Попутно сделаем замечание о жизни Обломова после разрыва с Ольгой. Принято считать, что жизнь Ильи Ильича с Агафьей Пшеницыной – это нравственный провал опустившегося Обломова. Однако следует принять во внимание, что лучшие качества Обломова остались при нем, только они обращены теперь к людям, которым эти его качества нужны и являются для них «светом», как для Агафьи Матвеевны, пережившей духовное преображение. Ольга Ильинская признает за ним «кротость, нежность, честность, чистую веру в добро»: «...видна ваша нежность, ваша осторожность, забота обо мне, боязнь за мое счастье, ваша чистая совесть» (там же: 263).

Это все, что связано с сердцем Обломова. Но Ольге этого мало: «Можешь ли научить меня?». Агафья Матвеевна живет, как и Обломов, сердцем.

Пережив разрыв с Ольгой, неудачную попытку руководствоваться не только сердцем, но и рассудком, т. е. стать менее органичным, принять пересадку на другую почву, Обломов не становится другим, он не «опускается» нравственно, он всего лишь остается самим собой, человеком чистого и глубокого, доверчивого к добру сердца. Еще в 1840-е гг., в «Письмах столичного друга к провинциальному жениху», Гончаров писал о судьбах нравственно лучших людей: «...и в мраке бедности и неизвестности сохраняют <...> они и туда унесут с собою... блеск нравственного умения жить. Они, как драгоценные алмазы, могут затеряться в пыли, не утратив своей ценности...» (Гончаров 1997–2017, т. 1: 480).

Обломов трогает нас не новыми внешними достижениями, а умением остаться самим собой

и в любых обстоятельствах сохранить сокровище своей души. Об этом говорил в романе Штольц: «...в нем дороже всякого ума... честное, верное сердце! Это его природное золото; он невредимо пронес его сквозь жизнь. Он падал от толчков, охлаждался, заснул наконец убитый, разочарованный, потеряв силу жить, но не потерял честности и верности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало к нему грязи. Не обольстит его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечет на фальшивый путь; пусть волнуется около него целый океан дряни, зла, пусть весь мир отравится ядом и пойдет на выворот — никогда Обломов не поклонится идолу лжи, в душе его всегда будет чисто, светло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; таких людей мало; они редки; это перлы в толпе!» (Гончаров 1997–2017, т. 4: 467).

Вернемся к вопросу о том, что эпическая по свойствам органичность образа Обломова строится Гончаровым на изображении его «растительности», «природности», связи с почвой. Его жизненный цикл одновременно является и природным циклом смены времен года. В романе, который можно воспринять и как «житие» Обломова, показаны все четыре времени года, крупным планом – и снова в ритме природного цикла – показан роман с Ольгой Ильинской: он начинается весной и оканчивается зимой: «Снег валил хлопьями и густо устилал землю.

– Снег, снег, снег! – твердил он бессмысленно, глядя на снег, густым слоем покрывший забор, плетень и гряды на огороде. – Всё засыпал! – шепнул потом отчаянно, лег в постель и заснул свинцовым, безотрадным сном...» (там же: 373).

В «Сне Обломова» тоже четыре времени года: «Правильно и невозмутимо совершается там годовой круг. По указанию календаря наступит в марте весна, побегут грязные ручьи с холмов, оттает земля и задымится теплым паром <...> всё идет обычным, предписанным природой общим порядком...» (там же: 100).

Обломов после разрыва с Ольгой переживает духовный срыв, болезнь, горячку. Время болезни и выздоровления снова проходит свой природный цикл, причем психические и физиологические процессы Гончаров передает природной метафорой, характеризующей незаметные «растительные» изменения в природе: «Но гора осыпалась понемногу, море отступало от берега или приливало к нему, и Обломов мало-помалу входил в прежнюю нормальную свою жизнь. Осень, лето и зима прошли вяло, скучно. Но Обломов ждал опять весны...» (там же: 375). Вообще жизнь в доме Пшеницыной возвращается к природному циклу жизни в Обломовке: «И на Выборгской стороне, в доме вдовы Пшеницыной...

дни и ночи текут мирно, не внося буйных и незапланированных перемен в однообразную жизнь... четыре времени года повторили свои отправления, как в прошедшем году». Не только жизнь Обломова, но и жизнь других персонажей из этого дома дана в соотносительности с природными ритмами: «Постепенная осадка ила, выступление дна морского и осыпка горы совершались над всем и, между прочим, над Анисьей...» (Гончаров 1997–2017, т. 4: 377). Духовное и физическое выздоровление Обломова могло совершиться только в этой органично-природной среде, среди людей, живущих, как и он, сердцем и в циклическом календаре природы.

Хотелось бы затронуть еще одну, чрезвычайно важную, собственно главную особенность поэтики Гончарова, обнаруживающую глубинную основу его эпического мирозерцания и авторского самовыражения. Это вопрос о ритмической повторяемости как основе всех жизненных процессов, что особенно важно для создания гармонического, по сути музыкального, представления о бесконечности и органичности жизни, природы и художественного образа. Шеллинг писал: «...единообразие... связывается с многообразием, а потому единство – со множеством. Например, чувство, которое вызывается музыкальным произведением в целом, вполне однородно, единообразно; так, оно радостно или грустно, однако же это чувство, которое само по себе было бы сплошь однородным, благодаря ритмическим членениям приобретает разнообразие и разнородность. Ритм принадлежит к удивительнейшим тайнам природы и искусства, и, как кажется, никакое другое изобретение не было более непосредственно внушено человеку самой природой. Древние неизменно приписывали ритму величайшую эстетическую силу; и вряд ли кто-нибудь будет отрицать, что все заслуживающее в области музыки или танца (и т. д.) название истинно прекрасного, собственно говоря, происходит из ритма» (Шеллинг 1996: 196). Шеллинг прибавляет: «Ритм есть музыка в музыке» (там же: 198).

Ритмические коды повторяемости в гончаровской прозе организованы многообразно, и эта многообразность еще требует своего глубокого изучения. В настоящей работе мы остановимся на простейшем уровне повторяемости – в рамках одного художественного текста. И. В. Пырков справедливо заключает: «В творчестве И. А. Гончарова ритм проявляется на всех уровнях-системах его текста – от фонического до архитектурного» [Пырков 2018: 95]. В 1891 г., уже перед кончиной, Гончаров пишет три небольшие новеллы, в которых прием его ритмики предельно обнажен. Новеллы обнаруживают

главное в поэтике ритма Гончарова: то, что писатель через повторяемость текстовых и смысловых единиц не только придает этим единицам обобщающий смысл (вплоть до символического), но и раскрывает самый «механизм» неуловимого движения жизни. Повторяющиеся образные, сюжетные и иные единицы текста призваны у Гончарова подчеркнуть отнюдь не «циклическое время», свойственное патриархальному сознанию. Именно такую, по сути, трактовку художественного времени в «Обломове» дает Д. С. Лихачев, который называет это «нравоописательным временем»: «Типизация связывалась с художественным обнаружением определенного ритма жизни, и при этом по преимуществу медленного, возвращающегося к тому же самому, обычного, повторяющегося дневного и годового круговорота со спокойным течением событий, отсутствием неожиданностей... Тема ленивого человека, медленно живущего много спящего, много обобщающего (этим дается возможность автору переложить часть обобщений на своего героя), пропускающего впечатления от действительности через свободно текущий поток своего сознания, была удивительно точно сопряжена с новым, реалистическим отношением к времени» (Лихачев 1971: 340–341). По сути, исследователь говорит об очерковом, действительно «нравоописательном» времени. Однако повторяемость в текстах Гончарова иная, ибо Гончаров – представитель «большого» исторического времени, которое мыслится им не только в рамках преходящего земного, но и вечного. В этом плане важно увидеть в произведениях романиста не только ритмические повторы, но и «прорывы» из них. Хронотоп Обломова, например, предполагает не только бесконечное повторение в его жизни ценностей родной Обломовки, даже не только катастрофу в отношениях с Ольгой при попытке выйти из циклического времени в историческое (линейное), но и действительный – пусть микроскопический – выход. Обломов, как мы уже говорили, не «опустился», остался человеком с «хрустальной душой». Он не смог повести за собой Ольгу, у него нет на это сил, которые нужны Ольге: воли и твердого рассудка (у него есть «сердечный ум»). Однако он повел за собой Агафью Пшеницыну, она пережила полное духовное преображение («навсегда осмыслилась жизнь ее: теперь уж она знала, зачем она жила и что жила не напрасно»). В самом деле, Обломов не «опускается», но идет вперед, хотя не на той высоте, на которой он мечтал, и это незаметно для других. Считается, что герой безволен и что он не может взять на себя ответственность. Это не вполне справедливо: на ином уровне своего существования Обломов проявляет высокую

степень ответственности. Когда Штольц ужасается жизни Обломова на Выборгской стороне и спрашивает его «кто эта женщина», Обломов отвечает: «Жена!... А этот ребенок – мой сын!» (Гончаров 1997–2017, т. 4: 483).

Таким образом, время Обломова организовано не в виде круга, но в виде спирали, хотя и в искаженном, отклоненном от нормы виде. Спиралевидное движение (очевидная повторяемость и почти незаметный, как правило, прорыв) лежит, в представлении писателя, в основе духовно-психической жизни человека, живущего вне сильных потрясений. По спирали движется и вся романная трилогия Гончарова – от Адуева к Райскому. Обломов в чем-то может напоминать Адуева, но духовно он выше, ибо не предает с легкостью романтических идеалов своей юности. О Райском в статье «Лучше поздно, чем никогда» романист сказал: «Что такое *Райский*? Да все *Обломов*, то есть прямой, ближайший его сын». Но тут же прибавил, что хотя Райский и «потягивается, озираясь вокруг и оглядываясь на свою обломовскую колыбель», но он уже «герой следующей, то есть *переходной*, эпохи. Это проснувшийся *Обломов*», «герой эпохи *Пробуждения*» (Гончаров 1952–1955, т. 8: 82).

Гончаров питает интерес и к самым микроскопическим подвижкам в духовном росте своих героев. В свое время Д. С. Мережковский писал: «Каждый из характеров, созданных Гончаровым, – громадное идеальное обобщение человеческой природы. Обобщение, скрытая идея поднимают на недостижимую высоту микроскопические подробности быта, делают их художественными, прекрасными и ценными <...> Он разлагает художественным анализом ткань жизни до её первоначальной клетки, из которой вышло всё, весь организм общества. Вместе с тем он обладает могучей способностью творческого синтеза: воображение его создаёт отдельные миры эпопей и потом соединяет их в стройные системы. Он показывает, что одним и тем же вечным законам добра и зла, любви и ненависти, которые производят в истории перевороты, правят солнцами, подчинены и мельчайшие, для толпы незримые, атомы жизни» (Мережковский 1890). Когда-то В. Г. Одинокоев заметил, что с точки зрения «большой жизни» борьба, которую ведет Обломов, представляется «мелким шумом природы», но с позиции самого героя «она представлялась проблемой шекспировского масштаба. Обломов совершал подвиг. Он выламывался из огромного слоя привычек, традиций, представлений своей среды» [Одинокоев 1976: 136].

Изображая незаметность и постепенность важнейших духовных изменений жизни, Гончаров следует за Евангелием: во многих притчах

Иисус Христос говорит о том, как неприметным образом приходит «Царство Божие». Иисус, описывая приход грядущего Царствия Божия, постоянно приводит примеры из области природы, ее неприметного роста и развития. Наиболее характерный пример содержится в притче о сеятеле: «И сказал: Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе» (Мат. 4: 26–28). Не только в Новом, но и в Ветхом Завете сказано, что все великое совершается в тишине: «...выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра¹, и там Господь» (3 Цар. 19:11–12).

Настаивая на незаметности происходящих «подвижек жизни», Гончаров, в сущности, задает одну из своих главных тем, блестяще представленных, например, в новелле «Уха», – тему «Божией тайны», о чем мы еще скажем. Разлагая своим художественным анализом самую «ткань жизни», он постоянно сталкивает в тексте понятия покоя, повторения, цикла – и, с другой стороны, все-таки прорыва, пусть и микроскопического. Он как будто вглядывается в самый механизм движения жизни. Хотя на Выборгской стороне, в доме вдовы Пшеницыной, время «течет мирно», без «внезапных перемен», хотя «четыре времени года повторили свои отправления, как в прошедшем году», но «жизнь все-таки не останавливалась, всё менялась в своих явлениях, но менялась с такою медленною постепенностью, с какою происходят геологические видоизменения нашей планеты: там потихоньку осыпается гора, здесь целые века море наносит ил или отступает от берега и образует приращение почвы» (Гончаров 1997–2017, т. 4: 374). В новелле «Май месяц в Петербурге» тоже акцентирован момент циклических повторов, причем Гончаров проявляет интерес к неизменной основе жизни. Композиционно новелла состоит из нескольких частей. В первой экспозиционной части, описывая жизнь петербургского дома, автор показывает вечно повторяющуюся жизнь голубей, воробьев, кошек: «Утром дом только что просыпался. Раньше всех проснулись, конечно, голуби, воробьи и кошки. Кошки вылезали из труб чердаков, гоняясь за голубями. Но, кажется, сами сознавали бесполезность своих покушений; они только что присядут, чтоб броситься на добычу, голу-

блям и воробьям стоило своротить в сторону или перелететь на другую крышу – и кошки притворялись, что это их будто вовсе не занимает и что они делают так только, чтоб не терять своих приемов гоняться за пернатыми. Но горе тем, кто оплошает! Все прочее еще спало...» (Гончаров 1952–1955, т. 7: 410). Вторая часть описывает состояние дома и двора через три года: кажется, что явления циклично повторяются и ничего не меняется: «Прошел один, другой и третий май-месяцы... Их сменяли летние жары, потом осенние непогоды, зимние морозы и так далее. Дом стоит все на том же месте. Надо начать сначала: с голубей, воробьев и кошек. Первые выводили новые поколения, кошки тоже обзаводились котятками. И те, и другие вели между собою войну: кошки учили котят гоняться за голубями и воробьями, а воробьи и голуби, в свою очередь, так же, как и прежде, перелетали на другую крышу» (там же: 423–424) и т. д. Повторяемость явлений специально подчеркнута автором, но тем значимее мотив «подвижек жизни». В. А. Недзвецкий как раз видел в этом произведении только повторяемость и неизменность. Вторую композиционную часть новеллы исследователь называет «концовкой-эпилогом» [Недзвецкий: 441]. Но это не так. Эпилог выделен Гончаровым в третью часть, и здесь происходит поворот. Главным носителем этих изменений является управляющий домом, человек с нарочито «безликим», типичным именем – Иван Иванович.

Во второй части начинается приоткрываться этот эпический авторский замысел, который становится вполне ясен лишь в финале произведения. Третья, финальная, часть произведения не только содержит имена известных ученых (Ньютон, Гершель, Фламарион), но и выходит на уровень философских размышлений о жизни. Здесь три основных персонажа: управляющий домом Иван Иванович, его приятель, прозванный им «философом», и сестра последнего, молодая вдова, на которой Иван Иванович «не прочь и жениться».

Эти персонажи уже не очерковые, стержневым словом в этой части является слово «философ», ибо автор выражает здесь свою философию жизни, а герои – «охотники рассуждать об отвлеченных предметах». Философ-приятель лет «десять все составляет какой-то лексикон восточных языков, да кроме того занимается астрономией, перечел все авторитеты от Ньютона, Гершелей², до какого-нибудь Фламариона³, и все хочет добиться, есть ли жители на Венере, Марсе и других планетах, какие они, что делают и прочее?». В заключительной части новеллы органично и ненавязчиво проступает авторский взгляд на жизнь. Это взгляд эпический: вздумчивый и созерцательный. Настроение автора-

повествователя выражено в следующих словах: «Жизнь все жизнь, понемногу движется, куда-то идет все вперед и вперед, как все на свете, и на небе, и на земле... Только, кажется, один Иван Иванович как будто не изменился. Он по-прежнему управляет домом, живет и лето и зиму постоянно в городе, со всеми говорит шутя и все улыбается. Да, он, как будто, не изменился... Нет, видно, изменился и он, и его жизнь идет куда-то вперед, как все на белом свете...» (Гончаров 1952–1955, т. 7: 426).

Акцентировка неизменяемости жизни, ее вечных повторов в новелле идет на уровне чисто природных образов: «Надо начать сначала: с голубей, воробьев и кошек. Первые выводили новые поколения, кошки тоже обзаводились котятками» (там же: 423–424). В новелле подчеркивается отсутствие настоящих, не повторяющихся событий, имеющих характер новизны. Кажется, что пожилой автор чуть ли не «впадает в детство», обращаясь в описании к давно забытым современниками приемам «натуральной школы». Предмет описания – тоже «стариковский»: маленький, замкнутый круг жизни, стоящий перед глазами. Однако заключительная фраза произведения («Нет, видно, изменился и он, и его жизнь идет куда-то вперед, как все на белом свете...»), хотя и не решает вопрос о смысле жизни, но ставит этот вопрос. Маленькая суэта, мелкий сор жизни (а способ повествования уравнивает суету жизни маленьких чиновников, кошек и голубей, дворников и аристократов) рассмотрены с космической высоты вопроса о том, есть ли жизнь на Венере. Куда идет жизнь? Автор не отвечает на этот вопрос, предпочитая позицию созерцателя божественной истины. Он лишь подчеркивает, что в этом мире ничего не проходит бесследно, что микроскопические изменения, пробивающиеся сквозь видимую повторяемость событий, имеют высокий, «космический» смысл. Так очерковая «картинка» неожиданно намечает эпическую связь человека с мирозданием.

Новелла «Уха» (1891) тоже построена на столкновении повторов и неожиданных изменений жизни. По дороге на рыбалку, спуская экипаж с женами трех приятелей с волжского обрыва и сидя на облучке, пономарь Ерема истово крестится на церкви, которые попадаются на пути. При этом женщины с хохотом колнут его зонтиками. Потом мужчины рыбачат, а Ерема спит в шалаше. Однако его навещают женщины, каждая пребывает в шалаше около часу. На обратном пути Ерема всё так же крестится на церкви, но женщины уже не бьют его по спине зонтиками, хотя мужчины их к этому побуждают: «Он тоже человек, как все люди, а не то, что какой-нибудь!» (Гончаров 1952, т. 7: 215). Известно,

что исследователи толковали эту новеллу как симбирский анекдот о лихом пономаре и трех мужьях-рогоносцах. Мы уже писали о том, что новеллу, скорее, следует трактовать как произведение, в котором пономарь выступает в роли неученого апостола-рыбака, проповедника, «ловца человеков», что совершенно меняет смысл произведения и его названия [Мельник 2017]. Несомненно, с женщинами произошли духовные изменения. Притом не микроскопические, а вполне в духе жанра новеллы – переворачивающие всё «до наоборот». Здесь Гончаров не показывает постепенность изменений человека, наоборот, изображает то, что можно назвать «душевым переворотом». Однако тайна изменения жизни, тайна преображения, всё-таки сохранена. Более того, на первый план выдвигается не самый механизм постепенного изменения «ткани жизни», а «Божья тайна», заложенная в человеке. Новелла носит в этом смысле даже мистификаторский характер. Обыденное сознание считает возможным понять и узнать тайну человека: разве трудно понять, что происходило в шалаше между молодым человеком и тремя женщинами, которые приходили по одной и оставались там по часу. Гончаров все смысловые узлы стягивает к детской и истовой вере пономаря Еремы, к его молитвам: «“Святой Иоанне Крестителю, моли Бога за нас!” – снимая шапку и крестясь, сказал Ерема. “Ах ты, разбойник! Вот я тебе дам! – говорил мещанин. – Отдуйте-ка его зонтиком! Слышите?” Но женщины не отдули его, продолжали сидеть молча, и Ерема на них не оглядывался. “Святой Николай, чудотворче и угодниче Божий, помилуй нас!” – говорил он, опять крестясь, снимая шапку, когда проезжали мимо церкви Николая Чудотворца. “Я дам тебе угодниче Божий, будешь ты у меня в церкви, вот этак же разговаривать! Ну-ка его в три зонтика!” – сказал с другой телеги дьячок. В первой телеге все молчали, все три женщины и Ерема, и зонтиками не трогали его в спину.

– Тихвинская Мати, Пресвятая Богородица, моли Бога за нас! – проговорил Ерема, когда поровнялись с церковью Божьей Матери.

– Вот я тебе дам! Ишь, баловень! Залез к бабам! Чего вы там смотрите! Эй, вы, барыни! Хорошенько его! — кричал мужской голос сзади. Но в первой телеге ехали молча. Только один Ерема, поровнявшись с последней церковью Троицы и крестясь, сняв шапку, произнес: “Пресвятая Троица, помилуй нас, грешных!”. С этими словами обе телеги остановились у дома, из которого выехали утром» (Гончаров 1952, т. 7: 216). Таковы последние слова новеллы. В ее центре – «Божья тайна» в человеке, мысль о том, что «последние будут первыми» и что суэта жизни и

суэта человеческого суда отступает перед молчанием вечности. В статье «Нарушение воли» Гончаров определил человеческий суд как «беспощадный»: «Суд общественного мнения вообще беспощаднее законов уложения о наказаниях. Он проникает во все изгибы злоупотребления, редко допускает смягчающие и жадно хватается за отягчающие обстоятельства. Тысячеглазый его аргус производит следствие, и суд этот произносит безапелляционный приговор» (Гончаров 1952–1955, т. 8: 116). В черновых вариантах к «Обрыву» бабушка говорит Вере: «Я скажу тебе о пощечине, не обесчестившей чистого человека, – и о падении, не помешавшем девушке остаться честной женщиной на всю жизнь. Люди злы и слепы, Бог мудр и милосерд – они не разбирают, а Он знает и строго весит наши дела и судит Своим судом. Где люди засудили бы, там Бог освобождает...» (И. А. Гончаров 2000: 142).

Это то, что волновало Гончарова перед смертью.

Внешняя писательская манера Гончарова в целом производит впечатление эпичности за счет неторопливого, широкого и детального описания событий, вообще каких-то внешних проявлений авторской манеры. Но, как мы стремились показать, это не всегда так. Точно так же Гончаров далеко не всегда эпически объективен: порою в его произведениях хорошо ощутима дидактика. Время и события не всегда показаны как текущие последовательно и неторопливо. Порою в его произведениях гремит гроза, время прерывается, как, например, при описании «горячки» Обломова. Четвертая часть романа начинается словами: «Год прошел со времени болезни Ильи Ильича <...> Илья Ильич выздоровел» (Гончаров 1997–2017, т. 4: 374). Правда, и здесь автор верен самому себе – и эпическое начало проступает как бы само собой: «Много перемен принес этот год в разных местах мира: там взволновал край, а там успокоил; там закатилось какое-нибудь светило мира, там засияло другое; там мир усвоил себе новую тайну бытия, а там рушились в прах жилища и поколения. Где падала старая жизнь, там, как молодая зелень, пробивалась новая...» (там же).

Эпичность Гончарова основана, в частности, на том, что его антропология предполагает целый спектр чуткого восприятия человеком импульсов окружающего мира, его живых ритмов. Ритм жизни для Гончарова – понятие всеохватное: судьбу человека он рассматривает в ее «космическом», «природном», «общественном», «семейном», «психо-биологическом» ритмическом пульсировании. Отсюда ощущение особой «органичности» романов Гончарова. Эпически-плавное, естественное течение жизни ведет к не-

уловимому (а иногда, как в поздних новеллах, в романе «Обрыв», – резко выраженному, драматургическому) – преобразению мира и человека. Мирвосприятие Гончарова глубоко и последовательно теологично, поэтому главный, всеопределяющий ритм жизни, ощущаемый его значимыми героями, – это пульсирующая связь человека и Бога.

Примечания

¹ На церковно-славянском придан оттенок загадочности: «Глас хлада тонка и тамо Господь».

² Речь идет о семье астрономов Гершелей. В-первых, это Уильям Гершель (1738–1822) – выдающийся английский астроном немецкого происхождения. Прославился открытием планеты Уран, а также двух ее спутников – Титании и Оберона. Во-вторых, это его сестра Каролина Гершель (1750–1848), сделавшая заметные астрономические открытия. В-третьих, это Джон Гершель (1792–1871) – английский астроном и физик, сын Уильяма Гершеля.

³ Камиль Никола Фламарион (1842–1925) – французский астроном, известный популяризатор астрономии. В библиотеке Гончарова находились книги Фламариона: «La pluralite des mondes habités, études ou l'on expose les conditions...» (Paris: Didier, 1872), «Les merveilles célestes, lectures du Soir» (Paris; Hachette, 1869), «Recits de l'infini, humaine histoire d'unecjmetedans l'infini» (Paris; Didier, 1873).

Список источников

Анненский И. Книга отражений. М.: Наука, 1979. 679 с.

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.

И. А. Гончаров. Материалы и исследования // Литературное наследство. М.: Наука, 2000. Т. 102. 735 с.

Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Правда, 1952.

Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1952–1955.

Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 1–10. СПб.: Наука, 1997–2017.

Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. М., Л.: Гослитиздат, 1961–1964.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Худ. лит., 1971. 413 с.

Мережковский Д. С. И. А. Гончаров. Критический этюд // Труд. 1890. № 24. С. 596.

Пришвин М. М. Собр. соч.: в 6 т. М.: Гослитиздат, 1956–1957.

Розанов В. В. К 25-летию кончины И. А. Гончарова // Новое время. 1916. № 14558. 15 сент. С. 5.

Шеллинг Ф. В. Философия искусства. СПб.: Алетея, 1996. 496 с.

Список литературы

Ермолаева Н. Л. Эпическое мышление И. А. Гончарова. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2011. 324 с.

Манн Ю. В. Натуральная школа // История всемирной литературы: в 8 т. М.: Наука, 1983–1994. Т. 6. 1989. С. 384–396.

Мельник В. И. Евангельский текст новеллы-притчи «Уха» И. А. Гончарова // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15, № 2. С. 60–80.

Недзвецкий В. А. Гончаров-очеркист // Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1978–1980. Т. 7. С. 413–429.

Одинокое В. Г. Художественная системность русского классического романа. Новосибирск: Наука, 1976. 196 с.

Пруцков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. М. Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 230 с.

Пырков И. В. Ритм, пространство и время в русской усадебной литературе XIX века (И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. П. Чехов): дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2018. 512 с.

Пырков И. В. Роман И. А. Гончарова «Обломов». Особенности ритмического построения // И. А. Гончаров: материалы Междунар. конф., посвящ. 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Печатный двор, 1998. С. 158–172.

Пырков И. В. «Мелкий шум природы». К вопросу о художественной функции микродеталей в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Филология: научные исследования. 2017. № 4. С. 1–8. doi 10.7256/2454-0749.2017.4.24191

References

Ermolaeva N. L. *Epicheskoe myshlenie I. A. Goncharova* [Epic Thinking of I. A. Goncharov]. Ivanovo, Ivanovo State University Press, 2011. 324 p. (In Russ.)

Mann Yu. V. Natural'naya shkola [Natural school]. *Istoriya Vsemirnoy Literatury* [History of World Literature: in 8 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1983–1994. Vol. 6, 1989, pp. 384–396. (In Russ.)

Mel'nik V. I. Evangel'skiy tekst novelly-pritchi 'Ukha' I. A. Goncharova [More on the evangelical sense of the parable 'Fish Soup' by I. A. Goncharov]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2017, vol. 15, issue 2, pp. 60–80. (In Russ.)

Nedzvetskiy V. A. Goncharov-ocherkist [Goncharov as an essayist]. *Goncharov I. A. Sbranie sochineniy* [Collected Works: in 8 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1978–1980, vol. 7, pp. 413–429. (In Russ.)

Odinokov V. G. *Khudozhestvennaya sistemnost' russkogo klassicheskogo romana* [Literary Consistency of the Russian Classical Novel]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1976. 196 p. (In Russ.)

Prutskov N. I. *Masterstvo Goncharova-romanista* [The Mastery of Goncharov as a Novelist]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1962. 230 p. (In Russ.)

Pyrkov I. V. *Ritm, prostranstvo i vremya v russkoy usadbennoy literature XIX veka (I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov)*. Diss. dokt. filol. nauk [Rhythm, space and time in Russian manor literature of the 19th century (I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov). Dr. philol. sci. diss.]. Saratov, 2018. 512 p. (In Russ.)

Pyrkov I. V. Roman I. A. Goncharova 'Oblomov'. Osobennosti ritmicheskogo postroeniya [I. A. Gon-

charov's novel 'Oblomov'. Features of rhythmic construction]. *I. A. Goncharov: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 185-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova* [I. A. Goncharov: Proceedings of the International Conference Dedicated to the 185th Anniversary of the Birth of I. A. Goncharov]. Ulyanovsk, Pechatnyy dvor Publ., 1998, pp. 158–172. (In Russ.)

Pyrkov I. V. 'Melkiy shum prirody'. K voprosu o khudozhestvennoi funktsii mikrodetaley v romane I. A. Goncharova 'Oblomov' ['The light noise of nature'. On the question about the artistic function of microdetails in Ivan Goncharov's novel 'Oblomov']. *Filologiya: Nauchnye Issledovaniia* [Philology: Scientific Researches], 2017, issue 4, pp. 1–8. doi 10.7256/2454-0749.2017.4.24191. (In Russ.)

Poetics of the Epic Image in Works by Ivan Goncharov

The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-012-00102

Vladimir I. Melnik

Professor

Perervinskaya Theological Seminary

82 g, Shosseynaya st., Moscow, 109383, Russian Federation. melnikvi1985@mail.ru

SPIN-code: 3468-5952

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

Submitted 10 Mar 2022

Revised 04 Jul 2022

Accepted 20 Jul 2022

For citation

Melnik V. I. Poetika epicheskogo obraza u I. A. Goncharova [Poetics of the Epic Image in Works by Ivan Goncharov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 3, pp. 113–124. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-113-124 (In Russ.)

Abstract. Ivan Goncharov's poetics is distinguished by a special kind of organicity (according to N. I. Prutskov's terminology, Goncharov's 'organic novel'). It allows one to consider a person in extremely close unity not only with the social environment but also with the natural-cosmic, religious and other aspects of life. An artist, in fact, depicts a person as part of concepts such as nature, space, national mentality, etc., taken and represented in an organic unity of simultaneous and joint manifestations in the human psyche (the coincidence of the psycho-biological rhythm of a person with small and large rhythms of the surrounding life and the universe). The writer shows these connections using the poetics of depicting a single rhythmic 'pulsation' of a person and the surrounding life, the poetics of depicting 'organic repetitions' (natural cycles of the seasons, morally significant toponymy, etc.) with the obligatory exit from cyclical repetition at the moment of 'transformation', a qualitative change toward spiritualization. Rhythmic repetitions are so obvious and artistically accentuated, and spiritual 'breakthroughs' are so microscopic (and by no means always obvious even to researchers) that it gives the impression of an epically unhurried, almost protracted narration. In this case, Goncharov, as an artist, is trying to base his poetics on the Parable of the Sower ('A man scatters seed on the ground. <...> whether he sleeps or gets up, the seed sprouts and grows, though he does not know how'). This is how Goncharov sets and develops one of his main themes: God's Mystery in man and the world.

Key words: Goncharov; epic; poetics; repetition; transfiguration; God's Mystery; Oblomov.

УДК 821.111-31

doi 10.17072/2073-6681-2022-3-125-135

“An Imaginative Woman” Томаса Гарди как фотоэкфрастический рассказ

Татьяна Анатольевна Полуэктова**к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания****Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева**

660049, Россия, г. Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89. poluektova.06@mail.ru

SPIN-код: 2450-2611

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8377-6554>

ResearcherID: AAT-9952-2021

*Статья поступила в редакцию 17.03.2021**Одобрена после рецензирования 23.05.2022**Принята к публикации 22.06.2022***Информация для цитирования**

Полуэктова Т. А. “An Imaginative Woman” Томаса Гарди как фотоэкфрастический рассказ // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 125–135. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-125-135

Аннотация. В статье рассматривается не переведенный на русский язык рассказ английского писателя Томаса Гарди “An Imaginative Woman” (1894). Автор статьи анализирует данное произведение с точки зрения жанровых особенностей и относит его к фотоэкфрастической прозе. Аргументом является фотографический экфрасис, пронизывающий такие поэтологические уровни, как сюжетно-композиционный, персонажный, пространственно-временной, повествовательный, мотивно-тематический. Особое влияние на поэтику экфрасиса произведений Викторианской эпохи оказало восприятие фотографии, поскольку далеко не сразу ее стали воспринимать как новый и самостоятельный вид искусства. Фотоэкфрасис, рассмотренный в контексте викторианства, позволяет говорить о его жанрообразующей функции, в частности – о мистическом фотоэкфрастическом рассказе. Согласно сюжету рассказа фотопортрет поэта оказывает необъяснимое влияние на Эллу Марчмилл: глядя на фотоизображение, она влюбляется в него и изменяет мужу в своем воображении и фантазиях. После самоубийства поэта, с которым она никогда не встречалась в реальности, Элла умирает. Муж, обнаружив фотокартонку в своем доме, отмечает сходство ребенка с фотопортретом и прогоняет его из дома. Жанр викторианского рассказа, «открытый» и становящийся, оказался наиболее органичной формой для фотоэкфрастических экспериментов. Таким образом, функциональность фотоэкфрасиса в рассказе многообразна: раскрывает психологию персонажей, служит импульсом для расширения историко-культурного контекста Викторианской эпохи, выступает связующим началом двух миров – реального и идеального, выстроенного с помощью воображаемого, участвует в нарративе, актуализирует мотивы встречи, узнавания, а также тему смерти и идентичности (личностной, социальной) персонажей. Участие фотоэкфрасиса в организации всех уровней художественной системы рассказа позволяет отнести его к такой жанровой форме, как мистический фотоэкфрастический рассказ.

Ключевые слова: Томас Гарди; «Женщина с богатым воображением»; фотографический экфрасис; фотоэкфрастический рассказ; Ролан Барт.

*Фотография – псевдоприсутствие
и в то же время символ отсутствия.*

Сьюзен Сонтаг

Экфрасис, или словесное представление визуальной образности (“verbal representation of visual representation” [Heffernan 2004: 3]), вошел в ли-

тературу разных стран еще с гомеровской эпохи. И во все эпохи, правда, в разной степени, авторы использовали экфрастические описания в своих произведениях. Это обусловлено многофункциональностью экфрасиса, отмечаемой многими российскими и зарубежными исследователями. Так,

например, московский исследователь М. И. Никола отмечает, что экфрасис определяет «важнейшие содержательно-формальные компоненты текста» [Никола 2010: 11]; пермские исследователи указывают, что «...экфрасис как тип дискурса выполняет в литературном произведении различные функции, в том числе и жанрообразующую» [Бочкарева, Табункина, Загороднева 2012: 18], и потому представляется возможным говорить о жанре «экфрастического романа» [там же: 20]; Джоанна Хартманн ссылается на его многофункциональность: “It has been used as poetic and rhetorical device, genre, and principle of narration” [Hartmann 2015: 113] и др.

В данной статье основное внимание будет уделено фотографическому экфрасису, т. е. описанию фотографий, выполняющих в произведениях документирующую, сюжетоструктурирующую, характерологическую и другие функции, что «расширяет стратегические возможности литературы, позволяет варьировать повествовательные приемы, ставить насущные социальные, философские, этические проблемы» [Судленкова 2018: 339].

В связи с этим можно говорить о жанрообразующей функции фотоэкфрасиса (см. подробнее [Полуэктова 2021]), поэтика которого стала особенно органичной для постмодернистской эстетики: не столько отображение действительности, сколько ее деконструкция и интерпретация (многослойность фотографии), подчас – ее подмена (замена); различного рода манипуляции со снимком др., – предполагающие активное читательское сотворчество.

Однако в середине XIX – начале XX в. эстетика фотографии была иной. Художественные произведения (преимущественно – малая проза) с фотографическим дискурсом (экфрасисом) начали появляться с 1850-х гг., немногим позже 1839 г. – года официального открытия фотографии. Восприятие фотографии как таковой вызвало общественный резонанс и амбивалентное к ней отношение: “Fascination and fear, suspicion and enthusiasm, enchantment and disgust...” [Fjellestad 2015: 195]. Так, например, культурно-эстетическую атмосферу того периода описал в небольшом эссе «Бальзак и дагеротип» (1900) французский фотограф Феликс Надар: «Все здесь смущало: колдовство с водой, заклинания, призраки. Столь любимая чародеями ночь безраздельно царствовала в сумрачных глубинах темной комнаты, которая запросто могла бы стать резиденцией Князя Тьмы, а из химикатов запросто можно было бы сварить приворотное зелье. <...> К дагеротипу отнеслись с подозрени-

ем и суеверным страхом не одни только невежественные или неграмотные <...> Поначалу к восхищению примешивались неуверенность, беспокойство и растерянность. Далеко не сразу Человечество осмелилось приблизиться к Монстру» [Надар 2019: 14].

Двойственное отношение к фотографии коррелировало с литературными процессами середины – конца XIX в. С одной стороны, романтическая риторика, с ее интересом к сверхъестественному и необъяснимому. С другой – набирающая силу (позиции) риторика реалистическая, с ее вниманием к деталям и мелочам, для которой фотография была более «удобным», по сравнению с живописью, и наиболее точным, беспристрастным средством отражения действительности; как документ, доказательство подлинности.

Неудивительно, что с середины XIX в. наиболее репрезентативной формой для фотоэкфрасиса становится жанр английского рассказа¹, интенсивное становление которого приходится именно на этот период. Английские писатели этого периода выступали экспериментаторами: «Для художников, начиная с XIX века, жанровые категории словно отступают на второй план перед более весомыми художественными задачами – поисками новых средств художественной изобразительности» [Анцыферова 1998: 12]; они стремились «...выработать новые изобразительные каноны, создать особую выразительную пластику» [Еремкина 2010: 295]. Пластичность и подвижность этого жанра позволяли писателям-викторианцам проводить художественные эксперименты различного рода, в том числе и синтез искусств.

Д. Элиот, Ч. Диккенс, Т. Гарди, Г. Джеймс и другие писатели обратили свой художественный интерес на фотографию, которую использовали в разных целях: “They included photographs as illustrations for their works, they incorporated a photographic aesthetic in their writings or they approached photography metaphorically” [Straub 2015: 157].

Всё это в определенной степени позволяет говорить о существовании, по крайней мере, двух фотоэкфрастических стратегий в англоязычной малой прозе того времени: мистической и детективной. К художественным образцам первой стратегии можно отнести, например, такие как: «Легенда Шотландии» (“The Legend of Scotland”, 1858) Л. Кэрролла, «В конце пути» (“At the End of the Passage”, 1890; рус. пер. 1895) Р. Киплинга, “An Imaginative Woman” (1894) Т. Гарди, “The Man with the Roller” (Человек с газонным катком (пер. – Т. П.), 1912) Э. Г. Суэйна и др. Принадлежность этих произведений к жанру мистиче-

ского фотоэкфрасического рассказа обусловлена, по крайней мере, двумя факторами: 1) фотоэкфрасис определяет содержательно-формальные компоненты; 2) эксплицированы сверхъестественные, необъяснимые, магические свойства фотоизображения.

В данной статье исследуются репрезентативные характеристики фотографии в прозе Томаса Гарди (Thomas Hardy, 1840–1928), чья писательская карьера пришлась на зарождение и развитие фотографического искусства.

Тема фотографии в не переведенном на русский язык рассказе Т. Гарди "An Imaginative Woman" («Женщина с богатым воображением») отражает один из вариантов восприятия фотографического искусства, связанного с его магическим, подчас необъяснимым, влиянием.

Рассказ был написан Т. Гарди в 1893 г., опубликован в ежемесячном британском "Pall Mall Magazine" в 1894 г., в 1896 г. включен в переиздание «Уэссекские рассказы» ("Wessex Tales", 1888), а в 1912 г. перенесен им в сборник «Маленькие насмешки жизни» ("Life's Little Ironies").

В основе сюжета – классический для европейской литературы любовный треугольник: одна женщина и двое мужчин. Действие происходит в Викторианскую эпоху, в последней четверти XIX в. Респектабельная семья Марчмилл приезжает в летний сезон на морской курорт Солентси и поселяется в съемной квартире известного, но ведущего затворнический образ жизни поэта Роберта Треви, удалившегося временно на соседний остров Уайт. Уильям Марчмилл – довольно таки заурядный муж, владелец процветающего оружейного дела, его супруга Элла Марчмилл – утонченная и жаждущая впечатлений мать троих детей, начинающая поэтесса. Стихи Эллы, печатавшиеся под мужским псевдонимом «Джон Айви» (John Ivy), уступали сонетам Р. Треви, поэзия которого ее восхищала.

Увидев в доме фотографический портрет Р. Треви, Элла влюбляется в него, но все предпринимаемые ею попытки очной встречи оказываются тщетными. Позже Элла узнает из лондонской газеты о самоубийстве поэта. А вскоре после рождения четвертого ребенка Элла умирает. Через два года Уильям, готовясь к предстоящей свадьбе, случайно находит конверт, содержимое которого становится роковым: прядь волос того, чей фотопортрет лежал здесь же. Долго не рассуждая, обезумевший муж видит сходство маленького сына с фотопортретом и, проклиная, прогоняет его из дома.

В основе динамического сюжета рассказа лежит однонаправленная цепочка действий, а фо-

тография выполняет сюжетоструктурирующую функцию. Рассмотрим это более подробно.

Завязка – приезд Марчмиллов в Солентси (Solentsea), в комнаты поэта.

Развитие действия. Элла, не составлявшая компанию мужу на яхтных прогулках, получает приятную возможность находиться среди вещей, принадлежащих Р. Треви, с которым она никогда не встречалась. «Впечатлительная, трепетная» (*impressionable, palpitating*) Элла примеряет на себя одежду (макинтош и шляпу) поэта, мечтая как можно быстрее с ним встретиться, заучивает его стихи наизусть.

Узнав от миссис Хупер, хозяйке дома, о наличии фотографии Треви и предвосхищая встречу, Элла начинает готовиться к ночному свиданию. Обстоятельства как нельзя лучше к этому располагали: муж сообщил, что вернется на следующий день, дети спали.

Кульминация. Перед тем как взглянуть на Треви, Элла "now made her preparations, first getting rid of superfluous garments and putting on her dressing-gown, then arranging a chair in front of the table and reading several pages of Trewe's tenderest utterances" (960)². Если до этого момента Элла создавала воображаемый образ Р. Треви с помощью его поэзии, то фотопортрет стал зримым воплощением ее воображения. Поднеся рамку с портретом к свету, Элла воочию видит предмет своего тайного восхищения: "It was a striking countenance to look upon. The poet wore a luxuriant black moustache and imperial, and a slouched hat which shaded the forehead. The large dark eyes ... showed an unlimited capacity for misery; they looked out from beneath well-shaped brows as if they were reading the universe in the microcosm of the confronter's face, and were not altogether overjoyed at what the spectacle portended" (960).

На бессознательном уровне Элла воспринимает запечатленный объект, и уровень внушения его непосредственного присутствия в данном случае высок и длителен. Это один из факторов, позволяющих приписывать фотографии магические свойства.

Определяющим моментом становится поцелуй, которым Элла «одаривает» фотопортрет и который можно расценивать как измену. После она словно возвращается в прежнюю реальность: "She thought how wicked she was, a woman having a husband and three children, to let her mind stray to a stranger in this unconscionable manner" (960). Но фотография вновь овладевает ее мыслями и чувствами, что сродни в данном случае супружеской измене: "She knew his thoughts and feelings as well as she knew her own; they were, in fact, the self-

same thoughts and feelings as hers, which her husband distinctly lacked. <...> 'He's nearer my real self, he's more intimate with the real me than Will is, after all, even though I've never seen him!'" (960).

Английская исследовательница Элисон Фиш Кац (Alison Fisch Katz) указывает на роль экфрасиса (или фотоэкфрасиса – *П. Т.*) в этом эпизоде: "In this convergence of icon and logos, Ella secures an ekphrastic moment which cements the relationship between herself and her imaginary lover. <...> the narrator lovingly describes this moment as a perfect union of presence and absence" [Katz 2011: 157].

Наслаждаясь обществом воображаемого возлюбленного, она кладет фотографию на край кровати, продолжая рассматривать милый сердцу образ и читать стихи, написанные им на обоях у изголовья кровати: "And now her hair was dragging where his arm had lain when he secured the fugitive fancies; she was sleeping on a poet's lips, immersed in the very essence of him, permeated by his spirit as by an ether" (961). Кен Айрленд из Открытого университета Великобритании также прочитывает этот эпизод как центральный для всего рассказа: "...its central event, in terms of importance and number of pages, is the scene where Ella, in dressinggown and candle-lit atmosphere, imagines a sexual union with Trewe" [Ireland 2008: 63].

Развитие действия. Далее по сюжету происходит первая случайная «встреча» Уильяма с Р. Треви: фотография оказывается в совместной постели супругов. Но на тот момент муж не воспринял поэта как потенциального любовника своей жены.

По возвращении Марчмиллов домой Элла, располагая временем, продолжила создавать лирические сочинения. Завязавшаяся переписка с Р. Треви (опять же под псевдонимом) и сорвавшаяся без пяти минут очная встреча с ним только усилили влечение Эллы к нему.

Знаковым в сюжете рассказа становится внезапная новость о самоубийстве поэта, потрясшая Эллу: "Oh, if I had only once met him-only once; and put my hand upon his hot forehead-kissed him-let him know how I loved him-that I would have suffered shame and scorn, would have lived and died, for him! Perhaps it would have saved his dear life! <...> But no-it was not allowed! God is a jealous God; and that happiness was not for him and me!" (966). Самоубийство поэта равносильно внутреннему умиранию Эллы, потому что с ним она была воображаемым целым. Процесс ее отождествления с Другим начался со взгляда на фотографию, которая понимается Р. Бартом «как

явление меня в качестве другого, ловкая диссоциация сознания собственной идентичности» [Барт 2016: 23].

Элла просит миссис Хупер прислать прядь его волос и тот фотопортрет, который был ей очень хорошо знаком. Это и сыграет в дальнейшем роковую роль для уважаемой семьи Марчмиллов.

Элла, родив четвертого ребенка, спустя некоторое время умирает. Уильям, готовясь к новой женитьбе, случайно находит тот роковой конверт. Эта «встреча» Уильяма с фотопортретом Р. Треви ведет к трагической **развязке** – отец, пораженный сходством поэта и ребенка, прогоняет его из дома.

На основании вышеизложенного сюжета очевидно, что фотоэкфрасис определяет композиционное построение всего рассказа: является двигателем действия на протяжении всего повествования. Этот потенциал становится возможным благодаря двум режимам прочтения фотографий – *studium*'у и *punctum*'у, введенным Р. Бартом в своем знаменитом эссе «Camera lucida. Комментарии к фотографии». Первый выступает в качестве культурного кода, предполагающего зрителя, наделенного определенными культурными знаниями, это залог прочтения, восприятия идеи, заложенной в фотографии; «...*Studium*... никогда не является моим наслаждением или моим страданием» [там же: 41]. *Punctum* же, который «колет» и ранит, индивидуален, обращается к чувствам и эмоциям человека. Основываясь на этой терминологии бинарного восприятия фотоизображения, состоявшаяся «встреча» Эллы с Р. Треви стала возможной благодаря т. н. *punctum*'у («уколу»). Пытаясь проникнуть в глубинную суть фотообраза, Элла наполняет его своими субъективными измышлениями. Примечательно, но эта же фотография не стала залогом «встречи» для миссис Хупер: очевидно, для нее фотоизображение было *studium*'ом – классическим образом поэта-романтика.

Акт рассматривания персонажами (Эллой и Уильямом) фотоизображения приравнивается к событию встречи (как запланированной (ночное свидание), так и случайной), являющейся роковой в каждом из описанных случаев. Мотив встречи, заложенный в поэтике фотографии, влияет на весь дальнейший ход событий рассказа, становясь опорной точкой его композиции. Мотив случайной встречи Уильяма с Р. Треви на фотопортрете в финале рассказа тесно сопряжен с мотивом узнавания, повлекшим за собой трагическую развязку. Понятия рок, судьба реализуются через фотографию: и Эллу, и Уильяма,

встретившихся с Р. Треви, наступают неотвратимые роковые события.

Таким образом, фотография в рассказе – двигатель сюжета, создающий событийность как внешнюю, так и внутреннюю.

Артефакт в рассказе выполняет и ярко выраженную **характерологическую функцию**. Фотография позволяет раскрыть внутренний мир героини, динамику ее скрытых психологических процессов, обозначить конфликт между ее внешним и внутренним «я», что было первостепенным для Т. Гарди.

В начале рассказа мы видим Эллу как типичную представительницу среднего класса Викторианской эпохи, призванную выполнять материнский долг и быть хранительницей очага. Даже интеллектуально-творческие способности ей приходится скрывать под мужским псевдонимом. Переполняемая чувственными потребностями, Элла создает романтический образ возлюбленного, наделяя его воображаемыми чертами. Унылая жизнь Эллы, ее сублимированная энергия способствуют поиску новых впечатлений и увлечений, и фотография знакомого заочно незнакомца является активным катализатором для высвобождения ее накопившихся эмоций: «Подобно камину в комнате, фотографии <...> располагают к мечтаниям. У тех, для кого чем дальше, тем желаннее, это ощущение недоступности дает толчок эротическому чувству. Фотография возлюбленного, спрятанная в бумажнике замужней женщины, постер с рок-звездой, приколотый над кроватью подростка... – эти отчасти талисманы имеют сентиментальное и неявно магическое значение: они суть попытки установить связь с иной реальностью, предъявить на нее права» [Сонтаг 2013: 29]. В созданной Эллой альтернативной реальности она проживает те эмоции, ту жизнь, которой ей так не хватало в действительности: наличие единомышленника, увлеченного высокими материями, эмоциональность переживаний и т. д.

Драматичность ситуации усугубляется тем, что поэт-романтик Роберт Треви одинок так же, как и замужняя Элла Марчмилл. Подтверждением тому являются последние его стихи, озаглавленные “Lyrics to a Woman Unknown”, а также предсмертное письмо, адресованное другу, о воображаемой женщине: “I have long dreamt of such an unattainable creature, as you know, and she, this undiscoverable, elusive one, inspired my last volume; the imaginary woman alone, for, in spite of what has been said in some quarters, there is no real woman behind the title” (965). Примечательно, что, когда Элла тосковала по Р. Треви, с которым

никогда не встречалась, он тосковал по воображаемой, близкой ему по духу женщине. Но их встрече не суждено было состояться: “...should such an encounter take place, the poet would suddenly be accessible to her and there would be no representational boundary to overcome. It is therefore almost predictable that following Trewe’s reported suicide, Ella, with no hope of further communion with him, follows suit, willing her own death in childbirth. Trewe, for his part, gives up on the pursuit of knowledge, claiming deliverance ‘from the inconveniences of seeing, hearing and knowing more of the things around [him].’ Hence, his own semiotic other, conceived in the form of an ‘undiscoverable,’ ‘elusive,’ ‘imaginative woman’ remains ‘to the last unrevealed, unmet, unwon” [Katz 2011: 158]. В рассказе Т. Гарди, написанном в конце XIX в., еще слышны отзвуки романтической эстетики. В первую очередь это прослеживается через фигуры двух персонажей-поэтов – Эллы и Роберта, остро ощущающих одиночество в чуждой им действительности. Непримиемые противоречия не позволяют им принять эту действительность, и они, каждый по-своему, покидают друг за другом этот мир. Романтический принцип двоemiрия (как отголосок позднего романтизма) усиливается мотивом смерти двух романтично настроенных натур. Неслучайно интерес к мистическому возрождается именно у романтиков, в эстетике которых «универсальная интуиция двоemiрия включает в себя двоemiрие метафизическое, мистическое» [Яковлев 2001: 558].

Заглавие рассказа содержит в себе указание на ключевой способ восприятия реальности не только Эллы, как это может показаться изначально, но и Уильяма. Если в начале рассказа фотография стимулирует воображение и фантазии³ Эллы, то в финале она становится триггером для Уильяма – «спусковым крючком», запускающим сильную эмоциональную реакцию. Она вызывает у него воспоминания о предыдущей случайной «встрече» с фотопортретом Р. Треви в супружеской постели и несдерживаемых эмоциях Эллы на могиле поэта.

Эта последняя роковая «встреча» сопровождается ревностью, гневом и злостью Уильяма, оттого представляется возможным говорить о фототриггере, запускающем механизм переживаний прошлого и влияющем на последующие события («открытый» финал), которые апеллируют к читательской рефлексии: “By recognising the complexity of human experience and its complex sources, Hardy is offering an alternative to thinking about the constrictions of his society, an escape from

the tragic lives his characters lived (thinking that their circumstances are fated on them), encouraging his readers to explore the boundless variations of human existence, highlighting the power of choice" [Al-Ajmi 2018: 161].

Если в начале рассказа Уильям выступает спокойным и практичным человеком, то в финале фотопортрет заставляет его подчиниться своим неоправданным эмоциям: «скудность информации на фотографии в отдельных случаях обогатывается богатством придуманного нами содержания» [Лапин 2004: 75]. Артефакт и в том, и в другом случае репрезентирует мертвое как живое, способное влиять на события: «Кадр стирает разницу между живым и умершим, давая понять, что с точки зрения снимка живое и мертвое равны» [Васильева 2014: 73]. В последнем эпизоде рассказа очевидна решающая роль воображения по отношению к Уильяму, которое становится роковым и для Роберта Треви.

Габриэла Тукан (Gabriela Tucan) (West University of Timișoara), рассуждая о природе рассказа как такового, обращает внимание на поэтику его финала: "...short story writers focus on the final part of the story with the view of stirring surprise and raising unexpected questions. <...> the whole weight of the text is concentrated here" [Tucan 2014: 3]. «Открытый», диалогичный финал рассказа, являющийся характерной чертой романов Т. Гарди и противоречащий сюжетно-композиционной завершенности английской литературы XIX в., коррелирует с поэтикой фотографии, открытой для «вчитывания» и различного рода интерпретаций, в том числе и мистической. А жанр рассказа, подвижный и открытый, "...strives towards something unstated yet hinted at in the text, which accounts for its intensity. One could say it has a liminal quality, constantly attempting to dissolve the boundary between the known and the unknown, the visible and the invisible, the surface and the inner secret of things" [Patea 2012: 16].

О мистической доминанте в жанровой структуре данного рассказа позволяет говорить сама природа восприятия фотографии в Викторианскую эпоху. Так, в рассказе очевидно необъяснимое, таинственное и роковое влияние фотоизображения на персонажей и их судьбу. Относительно проблематики рассказа нельзя не связать мистический аспект с психологическим, с особым психофизическим состоянием, проявляющимся в так называемом мистическом опыте, – «это измененное состояние сознания, связанное с ощущением единства или соединения с Вселенной, подавляющим экстазом и чувствами любви, понимания и иногда ощущаемое присутствие

личного Бога» [Сурков 2012: 132]. Психологическая составляющая рассказа напрямую связана с воображением (*imagination*), фантазией, к которым склонны персонажи Т. Гарди. В обоих случаях «встречи» с фото становятся мистически роковыми: 1) оно воздействует на воображение Эллы магическим образом, подменяя отсутствующего Р. Треви его мнимым присутствием; 2) точно так же фотография влияет и на воображение Уильяма Марчмилла, увидевшего сходство ребенка с псевдоприсутствовавшим в их семейных отношениях Р. Треви. Кейт Флинт (Kate Flint), профессор Южнокалифорнийского университета, обращает внимание на магическое свойство фотографии в рассказе Т. Гарди и связывает его с фольклорным мотивом: "...woman who experiences a strong shock may end up imprinting its record onto her foetus" [Flint 2016: 7].

В начале рассказа персонажи созданы в традиционной для Т. Гарди концепции: мужское начало ассоциируется с разумом, женское – с миром чувств. Однако «разумность» мужского начала в финале иронично обыгрывается писателем. Но за этой иронией стоит трагизм. В реалиях викторианства мужчина был олицетворением высшего разума. Ему полагалось быть спокойным, самодисциплинированным, выдержанным не только внешне, но и внутренне: даже образ мыслей был строго регламентирован. Т. Гарди, «поздний» викторианец, без идеализации, с определенной долей иронии изображает в финале «идеального» джентльмена Уильяма Марчмилла, охваченного эмоциями. Его всевластие над женой оборачивается собственным бессилием против охвативших его эмоций. Ироничность трансформации образа английского джентльмена отчасти подчеркивается и самим заглавием сборника – «Маленькие *насмешки* жизни».

Столкновение разума и чувства в творчестве Т. Гарди неизменно ведет к «трагедии неосуществленных замыслов», обречено на провал. Писатель показывает, что трагична не смерть, а жизнь, изменить которую в существующей историко-культурной ситуации не представляется возможным.

Противопоставление внутреннего мира персонажа миру реальному – основная тема творчества Т. Гарди. В связи с этим нельзя не отметить, что фотография выполняет в рассказе и **хроно-топическую функцию**. Во-первых, служит для Эллы точкой пересечения двух миров – реального, в котором она вынуждена играть требуемую от нее роль, и идеального, мира ее грез и фантазий. Во-вторых, влияет на настоящее и, обладая ретроспективной функциональностью (воспоми-

нения), влияет на будущее персонажей. При этом датировка на оборотной стороне фотопортрета отсылает к тому периоду. Таким образом, фотография обращает в настоящее время вспять и влияет на будущее.

В рассказе можно проследить пространственные «перемещения» фотографии, соответствующие основным сюжетным доминантам рассказа: первая очная «встреча» в спальне, случайная находка-«встреча» с Уильямом Марчмиллом в спальне и, наконец, роковая случайная находка в финале.

Хронотопическая функция фотографии в рассказе проявляется и в ее способности репрезентировать многие социальные детерминанты Викторианской эпохи. Так, фотография позволяет раскрыть социокультурный контекст, в первую очередь – положение женщин в обществе. Элла призвана контролировать свои эмоции, находиться в полной подчиненности и зависимости от мужа: “Indeed, the necessity of getting life-leased at all cost, a cardinal virtue which all good mothers teach, kept her from thinking of it at all till she had closed with William, had passed the honeymoon, and reached the reflecting stage. Then, like a person who has stumbled upon some object in the dark, she wondered what she had got; mentally walked round it, estimated it; whether it were rare or common; contained gold, silver, or lead; were a clog or a pedestal, everything to her or nothing. She came to some vague conclusions, and since then had kept her heart alive by pitying her proprietor’s obtuseness and want of refinement, pitying herself, and letting off her delicate and ethereal emotions in imaginative occupations, day-dreams, and night-sighs, which perhaps would not much have disturbed William if he had known of them” (952–953).

Тема любви, несчастливого брака в рассказе созвучна написанным в тот же период романам Т. Гарди («Тэсс из рода д’Эрбервиллей», «Джуд Незаметный» и др.), в которых он «не просто затрагивает табуированные викторианской нравственностью вопросы отношения полов, а с беспощадной правдивостью раскрывает трагическое противоречие между видимостью и сущностью брачных, семейных отношений в английском обществе» [Абилова 2020: 182].

Положение женщин-писательниц в XIX в. было незавидным: чтобы быть опубликованными или стать замеченными, приходилось использовать мужской псевдоним (достаточно вспомнить сестер Бронте, Дж. Элиот и др.). Примечательно, что в XX и начале XXI в. эта тенденция отчасти сохранилась (Дж. Роулинг, М. Фрай и др.). Невозможность собственной идентификации в

творчестве граничит в рассказе Т. Гарди с жесткой поведенческой нормативностью в семье. Причиной, по которой Элла увлеклась поэтическим творчеством, стало желание “...to find a congenial channel in which to let flow her painfully embayed emotions, whose former limpidity and sparkle seemed departing in the stagnation caused by the routine of a practical household and the gloom of bearing children to a commonplace father” (954). Творчество стало для Эллы возможностью для самореализации, пусть и под мужским псевдонимом. Двойная игра викторианской леди в творчестве перешла в двойную игру в семье: прежние чувства Эллы к супругу угасли, да и дети в какой-то момент становятся чужими для нее. «Женский вопрос», рассматриваемый Т. Гарди в рассказе, получает трагическое разрешение, свойственное литературе рубежа веков: «Женщина в романах поздних викторианцев воплощена, за редким исключением, в трагическом и глубоко психологическом образе доведенной до отчаяния и не имеющей ни малейшей надежды на спасение жертвы общества, в котором все права принадлежат мужчине» [Скороходько 2018: 138].

Повествование в рассказе Т. Гарди ведется от нарратора, выступающего «как сверхчеловеческая всеведущая и вездесущая инстанция, живущая в разные эпохи и проникающая в самые утаенные уголки сознания персонажей» [Шмид 2008: 65]. Выстраивая повествовательную историю, он при этом дает право голоса Элле Марчмилл (внутренняя фокализация) в наивысшие моменты ее эмоционального переживания, совмещая тем самым две точки зрения – повествователя и персонажа. Нулевую фокализацию в рассказе, доминирующую, следует определить как дань писателя английской реалистической традиции XIX в., внутреннюю – как признак усложнения нарративной структуры текста рубежа веков. Эта переходность сказалась и на другом гардиевском эксперименте в этой же области. Отталкиваясь от известного бартовского тезиса о том, что фотография – это сообщение, есть все основания утверждать, что в рассказе наличествует еще одна нарративная инстанция – собственно фотопортрет поэта. При этом повествовательный потенциал фотографии получает свое разрешение исключительно благодаря «взгляду» Эллы. Под его воздействием статика изображения сменяется живым, полнокровным образом. Этот эффект усиливается и тем обстоятельством, что фотография поэта коррелирует с поэтическим текстом: стихи поэта, начертанные на обоях, являются своего рода вербальным комментарием к фотоизображению и тем самым усилива-

ют романтическую наполненность запечатленного образа (исключительно с точки зрения Эллы).

Безусловно, фотоэкфрасис в рассказе Т. Гарди обладает повествовательно-коммуникативными функциями. Отметим, что в данной статье лишь намечены особенности нарративной стратегии рассказа Т. Гарди, представляющей собой самостоятельный аспект исследования и требующей более глубокого рассмотрения. Рассказ Т. Гарди "An Imaginative Woman" является репрезентативным с точки зрения поэтики фотографического, а именно – фотоэкфрасиса, определяющего поэтику всего произведения: на сюжетном, характерологическом, хронопоическом, повествовательном, мотивно-тематическом уровнях. Вышеизложенное позволяет определить жанровую форму произведения Т. Гарди "An Imaginative Woman" как мистический фотоэкфрастический рассказ.

Взаимодействие художественной литературы с другими видами искусств прослеживается на всех этапах развития культуры. Фотографический экфрасис представлен в художественном процессе начиная с середины XIX в. и обширно представлен в современной литературе, преимущественно в романном жанре (например, «Мастер Джорджи» Б. Бейнбридж, «Фотография» П. Лайвли, «Пока не выпал дождь» Д. Коу и др.). Фотоэкфрастические эксперименты открывают для писателей палитру возможностей: от фотоэкфрасиса как приема до его жанрообразующей функции.

Примечания

¹ Исключением, в данном случае, пожалуй, является роман Н. Готорна «Дом о семи фронтонах» (1851), Г. Смарта "At Fault" (1883) и Э. Д. Леви "The Romance of a Shop" (1888).

² Здесь и далее в круглых скобках приводится ссылка из списка источников с указанием номера страницы.

³ Е. В. Халтрин-Халтурина отмечает особенность известной дихотомии английского предромантизма и романтизма "fancy" / "imagination": «...в Англии до кон. XVIII в. *воображение* (imagination) и фантазия (fancy / fantasy) были практически взаимозаменяемыми понятиями, так или иначе противопоставлявшимися «хладному» рассудку» [Халтрин-Халтурина 2005: 129]. В заглавии своего рассказа Т. Гарди употребляет слово "imaginative", понимаемое и употребляемое в к. XIX в., согласно словарю Дж. Мюррея, как "Characterized by, or resulting from, the productive imagination; bearing evidence of high poetic or creative fancy" [Imaginative 1901: 54].

Список источников

Hardy Thomas. *An Imaginative Woman*. The Pall Mall Magazine. 1894. April. P. 951–969. URL: https://archive.org/details/sim_pall-mall-magazine_1894-04_2_12/page/968/mode/2up (дата обращения: 10.03.2022).

Список литературы

Абилова Ф. А. Роман-трагедия в жанровой истории английской литературы: философия трагического Томаса Гарди // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 6. С. 176–185. <https://doi.org/10.5281/zenodo.394465>

Анцыферова О. Ю. Повести и рассказы Генри Джеймса: от истоков к свершениям. Иваново, 1998. 210 с.

Барт Р. *Camera lucida*. Комментарий к фотографии / пер. с фр. М. Рыклина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 192 с.

Бочкарева Н. С., Табункина И. А., Загороднева К. В. Мировая литература и другие виды искусства: экфрастическая поэзия / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2012. 90 с.

Васильева Е. В. Фотография и феномен времени // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2014. Серия 15. Вып. 1. С. 64–79.

Еремкина Н. И. Английский рассказ XIX века: становление и развитие // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 293–297.

Латин А. В. Фотография как... М., 2004. 324 с.

Надар Ф. Бальзак и дагеротип / Когда я был фотографом; пер. с фр. СПб.: Клаудберри, 2019. 416 с.

Никола М. И. Экфрасис: актуализация приема и понятия // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 1(2). С. 8–12.

Полужтова Т. А. Фототекстуальность как категория поэтики английского романа: жанровая репрезентативность // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13. Вып. 4. С. 100–110. doi 10.17072/2073-6681-2021-4-100-110

Скорородько Ю. С. Неовикторианский роман младшего поколения: Поэтика и жанровые разновидности: монография. М.: Флинта: Наука, 2018. 376 с.

Сонтаг С. О фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 272 с.

Судленкова О. А. «Каждая фотография – это рассказ»: фотографический экфрасис в современной британской литературе // Теория и история экфрасиса: Итоги и перспективы изучения. Седльце, 2018. С. 326–339.

Сурков Д. В. Различие понятий «Мистика», «Мистицизм» и «Мистический опыт» // Омский научный вестник. 2012. № 5(112). С. 131–134.

Халтрин-Халтурина Е. В. Эпохальный для английского романтизма переход Уильяма Вордсворта через Альпы: от фантазии к воображению // Романтизм: вечное странствие / отв. ред. Н. А. Вишневецкая, Е. Ю. Сапрыкина. М.: Наука, 2005. С. 120–141.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 312 с.

Яковлев М. В. Мистическое // Литературный словарь терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: НПК Интелвак, 2001. С. 555–560.

Al-Ajmi N. Choice and Fate in 'Fellow-Townsmen' and 'An Imaginative Woman' // International Journal of Language and Literature. December. 2018. Vol. 6. No. 2. P. 157–162. doi 10.15640/ijll.v6n2a18

Fjellestad D. Nesting – Braiding – Weaving: Photographic Interventions in Three Contemporary American Novels / Handbook of Intermediality / ed. by G. Rippl. GmbH; Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. P. 193–218.

Flint K. Literature and Photography / Late Victorian into Modern / ed. by L. Marcus, M. Mendelssohn and K. E. Shepherd-Barr. United Kingdom: Oxford University Press, 2016. P. 1–17.

Hartmann J. Ekphrasis in the Age of Digital Reproduction // Handbook of Intermediality / ed. by G. Rippl. GmbH; Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. P. 113–125.

Heffernan J. A. W. Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery. Chicago, London: University of Chicago Press, 2004. 249 p.

Imaginative // A New English Dictionary on Historical Principles / ed. by J. A. H. Murray. Oxford, 1901. Vol. V. P. 54.

Ireland K. Trewe Love at Solentsea? Stylistics Vs Narratology in Thomas Hardy // The State of Stylistics / ed. by Greg Watson. Amsterdam; New York, 2008. P. 61–73.

Katz A. Violent Wisdom: Thomas Hardy and ekphrastic discord // Word & Image. 2011. Vol. 27. No. 2. P. 148–158.

Patea V. The Short Story: An Overview of the History and Evolution of the Genre // Short Story Theories: A Twenty-first-Century Perspective / ed. by Patea V. Amsterdam and New York: Rodopi, 2012. P. 1–24.

Straub J. Nineteenth-century Literature and Photography // Handbook of Intermediality: Literature – Image – Sound – Music / ed. by G. Rippl. Berlin; Boston: De Gruyter, 2015. (Handbooks of English and American Studies; vol. 1). P. 156–172.

Tucan G. What Is A Short Story Besides Short? Questioning Minds in Search of Understanding Short Fiction // Romanian Journal of English Studies. 2014. Vol. 11, No. 1. P. 1–8.

References

Abilova F. A. Roman-tragediya v zhanrovoy istorii angliyskoy literatury: filosofiya tragicheskogo Tomasa Gardi [Novel-tragedy in genre history of English literature: Thomas Hardy's philosophy of tragic]. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik* [Humanitarian Scientific Bulletin], 2020, issue 6, pp. 176–185. <https://doi.org/10.5281/zenodo.394465>. (In Russ.)

Antsyferova O. Yu. *Povesti i rasskazy Genri Dzheymsa: Ot istokov k sversheniyam* [Novels and Short Stories by Henry James: From Origins to Accomplishments]. Ivanovo, 1998. 210 p. (In Russ.)

Barthes R. *Camera Lucida. Kommentarii k fotografiyam* [Camera Lucida. Reflections on Photography]. Transl. from French by M. Ryklin. Moscow, Ad Marginem Press, 2016. 192 p. (In Russ.)

Bochkareva N. S., Tabunkina I. A., Zagorodneva K. V. *Mirovaya literatura i drugie vidy iskusstva: Ekfrasticheskaya poeziya* [World Literature and Other Arts: Ekphrastic Poetry]. Perm, Perm State University, 2012. 90 p. (In Russ.)

Vasil'eva E. V. Fotografiya i fenomen vremeni [Photography and phenomenon of time]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Iskusstvovedenie* [Vestnik of Saint Petersburg University. Arts], 2014, series 15, issue 1, pp. 64–79. (In Russ.)

Eremkina N. I. Angliyskiy rasskaz XIX veka: stanovlenie i razvitie [The English story of the 19th century: Formation and development]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2010, issue 4, pp. 293–297. (In Russ.)

Lapin A. V. *Fotografiya kak...* [Photography as...]. Moscow, 2004. 324 p. (In Russ.)

Nadar F. Bal'zak i dagerotip [Balzac and the daguerreotype]. *Kogda ya byl fotografom* [My Life as a Photographer]. Transl. from French. St. Petersburg, Klaudberri Publ., 2019. 416 p. (In Russ.)

Nikola M. I. Ekfrasis: aktualizatsiya priema i ponyatiya [Ekphrasis: Reception and concept actualization]. *Vestnik Vyatskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta* [Herald of Vyatka State University], 2010, issue 1(2), pp. 8–12. (In Russ.)

Poluektova T. A. Fototekstual'nost' kak kategoriya poetiki romana: zhanrovaya reprezentativnost' [Phototextuality as a poetological category of the English novel: Stating the problem]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2021, vol. 13, issue 4,

pp. 100–110. doi 10.17072/2073-6681-2021-4-100-110. (In Russ.)

Skorokhod'ko Yu. S. *Neoviktorianskiy roman mladshogo pokoleniya: Poetika i zhanrovye raznovidnosti* [The Neo-Victorian Novel of the Younger Generation: Poetics and Genre Varieties]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2018. 376 p. (In Russ.)

Sontag S. *O fotografii* [On Photography]. Transl. from English by V. Golyshev. Moscow, Ad Marginem Press, 2013. 272 p. (In Russ.)

Sudlenkova O. A. 'Kazhdaya fotografiya – eto rasskaz': fotograficheskiy ekfrasis v sovremennoy britanskoy literature ['Every picture tells a story: Photographic ekphrasis in contemporary British literature']. *Teoriya i istoriya ekfrasisa: Itogi i perspektivy izucheniya* [Theory and History of Ekphrasis: Results and Prospects of the Study]. Siedlce, 2018, pp. 326–339. (In Russ.)

Surkov D. V. Razlichie ponyatiy 'mistika', 'mistsizm' i 'misticheskii opyt' [The difference between the concepts 'mystique', 'mysticism' and 'mystical experience']. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2012, issue 5(112), pp. 131–134. (In Russ.)

Khaltrin-Khalturina E. V. Epokhal'nyy dlya angliyskogo romantizma perekhod Uil'yama Vordsvorta cherez Al'py: ot fantazii k voobrazheniyu [William Wordsworth's crossing of the Alps as a landmark for English Romanticism: From fantasy to imagination]. *Romantizm: Vechnoe stranstvie* [Romanticism: An Eternal Journey]. Ed. by N. A. Vishnevskaya, E. Yu. Saprykina. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 120–141. (In Russ.)

Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, LRC Publishing House, 2008. 312 p. (In Russ.)

Yakovlev M. V. *Misticheskoe* [The mystical]. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Ed. by A. N. Nikol'yukin. Moscow, Intelvak Publ., 2001, pp. 555–560. (In Russ.)

Al-Ajmi N. Choice and fate in 'Fellow-Townsmen' and 'An Imaginative Woman'. *International Journal of Language and Literature*. December

2018, vol. 6, issue 2, pp. 157–162. doi 10.15640/ijll.v6n2a18. (In Eng.)

Fjellestad D. Nesting – braiding – weaving: Photographic interventions in three contemporary American novels. *Handbook of Intermediality*. Ed. by G. Rippl. GmbH, Berlin, Boston, De Gruyter, 2015, pp. 193–218. (In Eng.)

Flint K. Literature and photography. *Late Victorian into Modern*. Ed. by L. Marcus. M. Mendelssohn, and K. E. Shepherd-Barr. United Kingdom, Oxford University Press, 2016, pp. 1–17. (In Eng.)

Hartmann J. Ekphrasis in the age of digital reproduction. *Handbook of Intermediality*. Ed. by G. Rippl. GmbH; Berlin; Boston, De Gruyter, 2015, pp. 113–125. (In Eng.)

Heffernan J. A. W. *Museum of Words: The Poetics of Ekphrasis from Homer to Ashbery*. Chicago, London, University of Chicago Press, 2004. 249 p. (In Eng.)

Imaginative. *A New English Dictionary on Historical Principles*. Ed. by J. A. H. Murray. Oxford, 1901, vol. V, 54 p. (In Eng.)

Ireland K. Trewe love at Solentsea? Stylistics vs narratology in Thomas Hardy. *The State of Stylistics*. Ed. by Greg Watson. Amsterdam – New York, 2008, pp. 61–73. (In Eng.)

Katz A. F. Violent wisdom: Thomas Hardy and ekphrastic discord. *Word & Image*, 2011, vol. 27, issue 2, pp. 148–158. (In Eng.)

Patea V. The short story: An overview of the history and evolution of the genre. *Short Story Theories: A Twenty-First-Century Perspective*. Ed. by V. Patea. Amsterdam and New York, Rodopi, 2012, pp. 1–24. (In Eng.)

Straub J. Nineteenth-century literature and photography. Ed. by G. Rippl. *Handbook of Intermediality: Literature – Image – Sound – Music*. Berlin; Boston, De Gruyter, 2015, vol. 1. Handbooks of English and American Studies, pp. 156–172. (In Eng.)

Tucan G. What is a short story besides short? Questioning minds in search of understanding short fiction. *Romanian Journal of English Studies*, 2014, vol. 11, issue 1, pp. 1–8. (In Eng.)

'An Imaginative Woman' by Thomas Hardy as a Photoekphrastic Short Story

Tatiana A. Poluektova

**Associate Professor in the Department of World Literature and Methods of Teaching
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev**

89, Lebedeva st., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation. poluektova.06@mail.ru

SPIN-code: 2450-2611

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8377-6554>

ResearcherID: AAT-9952-2021

Submitted 17 Mar 2021

Revised 23 May 2022

Accepted 22 Jun 2022

For citation

Poluektova T. A. «An Imaginative Woman» Tomasa Gardi kak fotoekfrasticheskiy rasskaz ['An Imaginative Woman' by Thomas Hardy as a Photoekphrastic Short Story]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 3, pp. 125–135. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-125-135 (In Russ.)

Abstract. The article deals with the short story by the English writer Thomas Hardy *An Imaginative Woman* (1894), which has not been translated into Russian. The author of the article analyzes this work from the point of view of genre features and classifies it as a piece of photoekphrastic prose. The argument in favor of this categorization is photographic ekphrasis, penetrating into such poetological levels of the story as plot-and-composition, character-related, spatiotemporal, narrative, motive-thematic. The perception of photography had a particular impact on the poetics of ekphrasis in the works of the Victorian era: it was not instantaneously perceived as a new and independent art form. Photo ekphrasis viewed through the prism of the Victorian times allows assuming its genre-forming function. It is not surprising that the mysticism of the photographic is reflected in photoekphrastic prose. According to the plot of the story, a photograph of a poet has an inexplicable impact on Ella Marchmill: looking at the photograph, she falls in love with him and commits adultery with him in her imagination and fantasies. After the suicide of the poet, whom she never met in reality, Ella dies. Having accidentally found the photograph in his house, the husband discovers some similarity between the child and the photographic portrait and kicks the child out of the house. The genre of Victorian short story, 'open' and developing, turned out to be the most organic form for photoekphrastic experiments. Thus, the functionality of photo ekphrasis in a short story is very versatile: it creates external and internal eventfulness in the story; reveals the psychology of the characters; serves as an impetus for expanding the historical and cultural context of the Victorian era; acts as a link between two worlds – the real and the ideal, built with the help of the imaginary; embodies the motives of 'meeting' and 'recognizing', as well as the theme of death and identity (personal, social) of the characters. The participation of photo ekphrasis in the organization of all levels of the artistic system of the story allows us to classify it as the genre of photoekphrastic short story.

Key words: Thomas Hardy; *An Imaginative Woman*; photographic ekphrasis; photoekphrastic short story; Roland Barthes.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070

doi 10.17072/2073-6681-2022-3-136-144

Особенности формирования медиаповесток неинституциональными акторами журналистского поля

Ольга Игоревна Агностикова

аспирант кафедры национальных и глобальных медиа

Казанский (Приволжский) федеральный университет

420111, Россия, г. Казань, ул. Проф. Нужина, 1/37. agniolya570@yandex.ru

SPIN-код: 1678-8247

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6228-2857>

ResearcherID: АНА-9720-2022

Статья поступила в редакцию 27.04.2022

Одобрена после рецензирования 22.05.2022

Принята к публикации 06.06.2022

Информация для цитирования

Агностикова О. И. Особенности формирования медиаповесток неинституциональными акторами журналистского поля // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 136–144. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-136-144

Аннотация. В статье рассматривается классическая для теории журналистики проблема установления повестки дня, которая приобретает новое измерение в цифровом медийном пространстве. Неинституциональные акторы получают символическую власть в поле производства значений и смыслов, прибегая к журналистским практикам. Автором выдвигается гипотеза о том, что подобного рода субъекты формируют собственную медиаповестку, которая служит противовесом традиционной мейнстримной, характерной для федерального российского телевизионного дискурса. На примере обзорно-новостного медиаформата YouTube-канала «varlamov» выявляются особенности тематического уровня повесток дня. Используются теоретические подходы, предполагающие субъектно-инструментальное разделение лиц, действующих в сфере журналистики, а также рационально-системная классификация субъектности. Определена специфика медиаповесток в части уровня их формирования, тематических доминант, характера обсуждаемых вопросов. Среди особенностей названы политематичность, упор на общенациональный уровень, приоритет внутренних вопросов над внешними, доминирование политического и социального срезов медиареальности. Обнаружены специфические темы, на которых в анализируемых медийных повестках акцентируется внимание: права человека, гражданские протесты. Выявлены черты рациональной субъектности. Сделан вывод, что на медиаповестку в рассмотренных нами случаях оказывает влияние фактор противопоставления официозному дискурсу, а сама она носит гражданско-ориентированный характер.

Ключевые слова: медиаповестка; повестка дня; установление повестки дня; журналистика; YouTube.

Введение

Современная медиасреда подвержена постоянным трансформациям, которые не обходят стороной и поле журналистики. Возникают новые явления, оказывающие серьезное влияние на медийный ландшафт. Одно из таких явлений

связано с субъектным составом публичной сферы. Акторы за пределами редакций способны «формировать журналистские повествования о медиасобытиях», внося существенный вклад в медиапроизводство [Langer, Gruber 2021: 317–318]. Круг таких субъектов не ограничен тради-

ционными участниками поля журналистики: «помимо масс-медиа и профессиональных журналистов, существует множество других субъектов, борющихся за внимание, включая новые типы <...> медийных субъектов, различие между которыми <...> становится все более размытым» [там же: 318]. Перенасыщение информацией и раздробленность аудитории приводят к интенсификации борьбы за внимание общественности [Webster 2014]. Вместо централизованного информационного потока возникает множественность потоков [Langer, Gruber 2021: 318].

Параллельно с фиксируемым теоретиками упадком «мейнстримной институциональной журналистики» [Entman, Usher 2018] в журналистское поле вовлекаются разнообразные акторы, а сами профессиональные журналисты создают собственные медиаканалы. Так, в России конец 2010-х гг. ознаменован ростом значимости общественно-политического контента на YouTube, создателями которого нередко выступают журналисты. Исследователи указывают, что подобные авторские проекты развивают жанровые традиции журналистики [Выровцева 2020: 39]. Востребованным среди аудитории стал медиаформат обзора новостей от лица автора (в том числе журналиста). Подобные видеоролики можно рассматривать как своего рода альтернативу новостным выпускам федеральных российских телеканалов. Между тем, по утверждению исследователей, в настоящее время наблюдается тенденция дезактуализации повестки дня новостного телевизионного вещания [Проскурнова 2020: 101]. Фиксируются такие особенности новостных (информационно-аналитических) передач, как чрезмерная повторяемость одних и тех же сюжетов, недостаток историй, затрагивающих жизнь обычных граждан [там же: 103, 105].

В итоге силами прежде всего государственного телевидения как влиятельного субъекта медиaprостранства создается «перекос в картине мира»: в «официальной повестке дня, артикулируемой в первую очередь федеральными телевизионными каналами», доминируют проблемы внешней и международной политики [Колесников 2017: 14]. Это способствует углублению разрыва с реальностью, смещая фокус внимания аудитории с одних вопросов на другие.

В этих условиях представляется важным выявить специфику формирования медийной повестки акторами, находящимися вне рамок традиционных редакционных структур, в том числе профессиональными журналистами. Учитывая, что субъекты немонополизированного онлайн-пространства получают возможность утверждать свою дискурсивную власть посредством придания значимости тем или иным вопросам обще-

ственной жизни, мы ожидаем, что их медиаповестки будут качественно отличаться от информационной картины действительности, задаваемой федеральными телеканалами.

Обзор литературы

Проблематике, так или иначе относящейся к медийной повестке, посвящено значительное количество работ как зарубежных, так и отечественных ученых. Теоретические основы данного направления научной мысли были заложены М. МакКомбсом и Д. Шоу, которые связали приобретение теми или иными вопросами статуса значимых в восприятии аудитории с их освещением в масс-медиа [McCombs, Shaw 1972]. В продолжение исследовательской линии вышеупомянутых авторов и в русле социологической традиции изучалось влияние паттернов медиаосвещения на воспринимаемую публикой важность тех или иных тем [Asp 1979].

Свойство стадийности повестки преломилось в исследованиях механизма действия рассматриваемого феномена. Так, одни теоретики исходят из того, что установление повестки (“agenda setting”) фокусируется на темах, выдвигаемых в качестве основных, а формирование (построение) повестки (“agenda building”) связано с субъектами и факторами, влияющими на этот процесс [Morales, Schultz, Landreville 2021: 22]. Другие подчеркивают, что формирование повестки дня (выделение ограниченного числа приоритетных тем) предшествует ее установлению [Гарбузняк 2016: 3]. Кроме того, была установлена сложная природа медиаэффекта повестки дня, что привело к выделению в ней нескольких структурных уровней: предметного, атрибутивного, сетевого [Guo 2012].

Поскольку функция установления повестки дня изначально приписывалась средствам массовой информации, эмпирические исследования сосредоточены главным образом именно на них. Конвенциональное утверждение, что СМИ, будучи посредником между людьми и миром, отбирая и представляя новости публике, формируют общественное мнение [Cohen 1963], способствовало закреплению за ними статуса основных «установщиков повестки» (“agenda setters”). Считается, в частности, что восприятие ответственностью актуальности тех или иных вопросов зависит во многом от степени интенсивности их освещения журналистами [Yuengar 1979].

Разграничивая повестку на отдельные виды (медийная (информационная), общественная (публичная), политическая), исследователи часто анализировали связи между ними [Williams, Larsen 1977]. Так, первоначально постулировалось прямое воздействие медийной повестки на

общественную. В более поздних работах было обнаружено многофакторное влияние, которое испытывает на себе медиаэффект установления повестки дня. Этот процесс зависит, к примеру, от интенсивности медиапотребления, «навязчивости» проблемы, политических взглядов аудитории и ее потребностей в ориентации [Luo et al. 2019: 152].

Гипотеза об установлении повестки дня была эмпирически проверена в отношении печатных, вещательных медиа, интернет-изданий, социальных медиа [Tan, Weaver 2007; Conway, Patterson 2008; Каминченко 2021]. Исследователей волновало действие эффекта в политических и неполитических контекстах в разных странах [Dursun-Ozkanca 2011; Фролова 2014]. Наряду с этим встречаются исследования механизмов межмедийного установления повестки дня, в рамках которых рассматривается влияние разных типов СМИ друг на друга в части включения определенных проблем в круг обсуждаемых [Vargo, Guo 2016].

В предыдущих исследованиях проводилось сравнение информационных повесток разных типов СМИ и социальных медиа [Каминченко 2020]. Другой вариант связан с анализом влияния онлайн-постов обычных граждан на повестку традиционных медиа [Luo, Harrison 2019]. Однако в этих случаях компаративистский анализ проводился на основе изучения наиболее популярных тем, а не на примере отдельных медиаканалов.

Хотя в литературе высказывается идея о том, что эффект установления повестки дня варьируется в зависимости от типа медиаплатформы [Chaffee, Metzger 2001], вопросы остаются. Один из пока не проясненных моментов связан с ролью неинституциональных акторов (среди которых могут быть и журналисты) в процессе формирования повестки дня. Следовательно, наше исследование вносит вклад в решение проблемы возможного влияния неинституциональных игроков журналистского поля на процесс формирования медийной повестки.

Теоретико-методологическая основа исследования

Настоящее исследование проведено с опорой на основные положения теории установления повестки дня. В качестве рабочего мы принимаем следующее определение установления повестки дня: «процесс, посредством которого медиа доносят до общественности относительную важность различных вопросов и событий» [Rogers, Dearing 1988].

Мы исходим из наличия нескольких возможных уровней анализа повестки дня. Наше исследование

сосредоточено на тематическом уровне – повестке объектов, то есть «перечне тем, находящихся в конкретный период в фокусе внимания» [Гарбузняк 2016: 36]. Именно этап выбора приоритетных тем является «первым и основополагающим в процессе формирования интерпретационной модели действительности» [там же: 17].

Мы предполагаем, что медиаповестку формируют не только СМИ в лице редакций, но и неинституциональные субъекты [Langer, Gruber 2021: 317–318]. К последним мы относим авторов, распространяющих журналистский контент, в том числе профессиональных журналистов (в прошлом или настоящем), публикующих свои материалы на собственных цифровых площадках или страницах социальных сетей.

Исходя из этого важным фактором, обуславливающим характер медиаповестки, в нашем случае будет субъектность распространителя информации. Автор данной статьи присоединяется к тем исследователям, которые подразделяют действующих в поле журналистики лиц на две группы: СМИ-инструменты и СМИ-субъекты. Инструментальный характер находит свое проявление в установлении «уже готовой, сформированной на политическом уровне повестки дня», когда «заданная информация и трактовки лишь незначительно преломляются», а субъектный – заключается в действии в качестве независимого субъекта формирования повестки дня, когда «важнейшим фактором, определяющим угол зрения, является позиция редакции» [Гарбузняк 2016: 22].

Мы также исходим из наличия таких видов субъектности в сфере медиа, как системная и рациональная [Шайхитдинова 2021: 55–61]. Первую разновидность связывают с фигурой зависимого институционализированного агента коммуникации: «выступая “агентом” структуры, СМИ усиливают системную субъектность, которая определяется позицией в устойчивой институциональной матрице» [там же: 55, 59–60]. Напротив, рациональные субъекты действуют как самостоятельные акторы, и такое состояние коррелирует со способностью «независимо позиционировать себя в политической конкурентной среде, формировать свою повестку дня и добиваться ее продвижения» [там же: 59]

Эмпирическим материалом исследования послужили видеовыпуски «ЧП». Критериями выбора были: использование на регулярной основе формата обзора новостей, профессиональный характер создания контента, неинституциональная природа медиаканала, количество подписчиков (свыше миллиона), средняя величина просмотров видеороликов (превышающая миллион-

ную отметку), регулярное попадание в раздел «В тренде» на YouTube. Направленность исследования обусловлена относительной новизной избранного формата: видеосюжеты «ЧП» выпускаются с марта 2020 г.

Поскольку наша работа сосредоточена на выявлении содержания первого уровня медиаповесток, в качестве релевантного метода использован контент-анализ, который относится к числу широко используемых в соответствующей группе исследований [Tan, Weaver 2007; Толоконникова, Лукина 2021]. Единица контент-анализа – тема, единица счета – заголовки новостей в описании под каждым видео. Мы стремились включить в предмет анализа видеоролики с разнообразными сюжетами, не ограниченными каким-либо одним событием, «затмевающим» все остальные, поэтому отобрали по 10 видеороликов, опубликованных в 2021 г.

Не стремясь охватить все возможные темы, которые могут попасть в повестку дня, мы сформировали лишь примерный их список, который в процессе эмпирического исследования был скорректирован (таблица). Тематическое содержание анализировалось на основе анализа заголовков обсуждаемых новостей, расположенных в описании под каждым видеороликом. В таблицу вносилась выявленная доля тех или иных тем (в процентном соотношении от общей выборки). Некоторые вопросы были включены в отдельные подтемы. Тем самым мы стремились показать, на какие из них в рассматриваемой нами эмпирической базе сделан особый акцент.

Результаты исследования

Анализ эмпирического материала показал следующее (см. таблицу). Во-первых, медиаповестка, представленная в видеороликах обзорно-новостного формата, в тематическом плане носит достаточно разнообразный характер. Перечень освещаемых и комментируемых новостей не ограничивается какой-либо одной областью. В целом охватываются практически все медиатопики [Добросклонская 2005: 33], являющиеся предметом традиционного интереса СМИ: начиная с вопросов внутренней политики и заканчивая культурой.

Во-вторых, медийная повестка носит в основном общенациональный характер. В нее в первую очередь включается то, что привлекло или способно привлечь внимание российских граждан независимо от места их проживания. По этой причине региональный, местный уровни попадают в поле зрения лишь в случаях, связанных с исключительным, необычным характером случившегося или той важностью, которая придается событиям со стороны автора (обычно по-

добные события относятся к происшествиям). Что касается зарубежных новостей, то они в большинстве случаев касаются США, ЕС, Беларуси, Китая, будучи связанными, как правило, с политическими аспектами. Однако иногда речь может идти и о других странах, если проблематика относится к гражданскому политическому активизму, совершению преступлений, направленных против общественной безопасности.

В-третьих, характерен особый подбор сюжетов, где доминирует установка на раскрытие внутренних противоречий в политической и социально-экономической сферах страны. Соответственно, спектр медийной повестки приобретает свойство негативной окрашенности. В заголовочный комплекс неизменно выносятся внутриполитические новости. Внешняя политика не занимает доминирующего места.

Весомая роль принадлежит таким специфическим темам, как гражданская протестная активность, нарушения прав человека, меры государственного принуждения (задержания, обыски, аресты...) в отношении граждан. Регулярными стали новости о делах по экстремизму, законность оснований которых часто оспаривается. Частотно освещены тематика свободы слова (в контексте ее ограничений) и реализации прав журналистов. Сквозной характер имеет медиакритическое направление, выражающееся в оценке освещения общественно значимых вопросов информационными передачами федерального телевидения.

В-четвертых, ввиду того, что доминантами выступают именно вышеобозначенные политически чувствительные темы, связанные с протестной активностью и государственным давлением, медиаповестка характеризуется гражданской ориентированностью. Свойственна направленность на обеспечение аудитории информацией, необходимой ей для участия в политической жизни. В отдельные тематические подгруппы выделяются обсуждения деятельности оппозиции, спорных политических высказываний и законодательных инициатив. В то же время каждодневной политической рутине, а именно текущей деятельности политических лидеров, внимание почти не уделяется. Тем не менее это не касается законов, особенно если они лежат в плоскости запретов и ограничений прав граждан. Напротив, количество новостей развлекательного характера относительно невелико. Показательна в этом плане тематика шоу-бизнеса, которая хотя и присутствует в весьма ограниченном объеме, но служит лишь цели разнообразить общественно-политическое информационное содержание. При этом нередко в сообщениях «из жизни звезд» затрагиваются социальные вопросы.

В-пятых, наряду с внутривластным средом в медиаповестке существенная роль принадлежит вопросам здравоохранения, а также обширной по своему содержанию социальной сфере. Материалы распадаются на несколько более мелких подтем, будучи привязаны к интересам, вытекающим из повседневной жизни: социаль-

ное обеспечение, транспорт, жилье, ЖКХ, благоустройство городской среды и т. д. Среди социальной проблематики выделяются домашнее насилие, культура вождения, алкоголизм. «Повседневно-ориентированными» являются достаточно часто и новости из сферы экономики (потребительские цены, кредитные ставки и др.).

Распределение тем в медиаповестке (в % от выборки)
Distribution of topics in the media agenda (in % of the sample)

Название темы	«varlamov» («ЧП»)
Внутренняя политика	12
в т. ч. деятельность оппозиции	8
в т. ч. текущая деятельность лидеров	1
в т. ч. инициативы и высказывания	2
Внешняя политика	2
Зарубежная политика	2
Гражданские протесты	9
Права человека	7
Меры государственного принуждения	5
Свобода слова и права журналистов	6
Социальная сфера	19
в т. ч. социальная инфраструктура	8
в т. ч. социально незащищенные категории граждан	3
Здравоохранение	13
Образование	1
Происшествия	7
Преступность	4
Экология	2
Культура	3
Шоу-бизнес	1
Спорт	1
Экономика	3
Бизнес	2
Наука и технологии	1

Заключение

Установление повестки дня рассматривается в литературе как одна из основных медийных функций. Нередко характер медийной повестки ставится в зависимость от типа СМИ. Считается, что наибольший потенциал установления медиаповестки принадлежит газетам, потому что в их текстах обычно больше места отводится обсуждению существенных вопросов [Luo et al. 2019: 154]. Онлайн-медиа способны обеспечить интенсивное освещение тем, но могут быть склонны к выборочному освещению, что сдерживает их способность привлекать внимание общественности к важным темам [Bennett, Iyengar 2008]. Социальные медиа «предоставляют достаточно доказательств того, что их характерная внимательность к проблемам и формулировка последних не рабски зависит от голоса традиционных медиа, официальных институциональных представителей и профессиональной журналистики, а скорее независима от

них» [Neuman et al. 2014: 211]. Напротив, в текстах других исследователей подчеркивается, что «повестки дня различных типов медиа часто однородны, сильно взаимозависимы и саморепродуцируемы» [Langer, Gruber 2021: 317].

Данные тезисы находят свое частичное подтверждение в нашем исследовании. Авторы медиаканалов, не будучи привязаны к традиционным медиаорганизациям, обладают достаточной гибкостью при освещении тех или иных вопросов. Потенциально они могут осуществлять отбор из почти неограниченного числа тем, которые считают значимыми.

Хотя авторы нередко следуют за темами, которые ранее нашли свое место в повестке дня СМИ как институциональных акторов, акценты расставляются по-другому, что позволяет говорить о наличии признаков действия в качестве субъектов, а не инструментов. Мы объясняем такое положение дел тем, что публика с большей вероятностью будет заинтересована в знакомых

ей, уже прозвучавших историях, но под другим углом. Согласимся с теми исследователями, которые рассматривают это явление не как «механическую причинно-следственную связь», а как «дифференцированный резонанс, когда каждый по-своему реагирует на события дня» [Neuman et al. 2014: 211]. Кроме того, это является подтверждением существования общей медиаповестки, вопреки суждениям о фрагментации публичной сферы [Magin et. al 2021].

Не стоит исключать из поля зрения и фактор противопоставления официальной повестке. Авторы стремятся несколько дистанцироваться от нее, что проявляется подчас уже на этапе отбора тем. В частности, не прослеживается цель скрыть за международными сюжетами внутренние проблемы. Кроме того, свойственно избегание «протокольных» новостей, вытекающих из повестки государственных учреждений.

Обнаруживаются черты рациональной субъектности. При сохранении каркаса общих тем, формирующих ядро интерпретационной модели действительности, авторы следуют собственной логике их изложения, формируют особые тематические доминанты, противопоставленные курсу мейнстримных государственных медиа.

В содержании медийных повесток акцент делается на запретительно-ограничительной направленности государственной политики, на нарушениях прав и свобод и других политических чувствительных темах. Поднимаемые вопросы вписываются в рамки гражданско-ориентированной журналистики, предполагающей посредством просвещения людей «по сложным и противоречивым темам поощрять вовлечение в общественные дебаты и участие в политических событиях» [Mellado, Lagos 2014: 2093]. Все это свидетельствует об особом характере формируемых неинституциональными акторами медиаповесток.

Список источников

ЧП. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLceIIЕa--FBPrCD1GIp7ndizRDCwcJgf> (дата обращения: 19.02.2022).

Список литературы

Вырощева Е. В. Традиционные профессиональные ценности в новых медиаформатах // Челябинский гуманитарий. 2020. № 1(50). С. 36–42. doi 10.24411/1999-5407-2020-10104

Гарбузняк А. Ю. Интерпретация реалий политической жизни страны в повестке дня общероссийской прессы: технологические аспекты: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 202 с.

Добросклонская Т. Г. Медиатекст: теория и методы изучения // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 28–34.

Каминченко Д. И. Взаимодействие средств массовой информации и общества: анализ информационных повесток дня // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. № 39(4). С. 533–544. doi 10.18413/2712-7451-2020-39-4-533-544

Каминченко Д. И. Интернет-СМИ и социальные медиа: анализ информационных повесток дня // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 2021. № 40(4). С. 417–430. doi 10.52575/2712-7451-2021-40-4-417-430

Колесников В. Н. Актуальная повестка дня в современной России: факторы формирования // Управленческое консультирование. 2017. № 9. С. 8–17. doi 10.22394/1726-1139-2017-9-8-17

Проскурнова Е. Л. Методы повышения популярности новостного телевидения в условиях дигитализации: дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 263 с.

Толоконникова А. В., Лукина М. М. Конфликты в информационной повестке дня: к вопросу об объективности (на примере публикаций российских информационных агентств «Интерфакс» и ТАСС) // Меди@льманах. 2021. № 5(106). С. 74–85. doi 10.30547/mediaalmanah.5.2021.7485

Фролова Т. И. Гуманитарная повестка российских СМИ. Журналистика, человек, общество. М.: МедиаМир, 2014. 352 с.

Шайхитдинова С. К. Поле СМИ и «неусвоенное наследство». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2021. Кн. 2. 234 с.

Asp K. The Struggle for the Agenda: Party Agenda, Media Agenda, and Voter Agenda in the 1979 Swedish Election Campaign // Communication Research. 1979. № 10(3). P. 333–355.

Bennett W. L., Iyengar S. A New Era of Minimal Effects? The Changing Foundations of Political Communication // Journal of Communication. 2008. № 58. P. 707–731.

Chaffee S. H., Metzger M. J. The End of Mass Communication? // Mass Communication and Society. 2001. № 4. P. 365–379.

Cohen B. C. Press and foreign policy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963. 288 p.

Conway M., Patterson J. R. Today's Top Story? An Agenda-Setting and Recall Experiment Involving Television and Internet News // Southwestern Mass Communication Journal. 2008. № 24. P. 31–48.

Dursun-Ozkanca O. European Union Enlargement and British Public Opinion: The Agenda-Setting Power of the Press // Perspectives on European Politics and Society. 2011. № 12. P. 139–160.

Iyengar S. Television News and Issue Salience: A Reexamination of the Agenda-Setting Hypothesis // *American Politics Quarterly*. 1979. № 7. P. 395–416.

Langer A. I., Gruber J. B. Political Agenda Setting in the Hybrid Media System: Why Legacy Media Still Matter a Great Deal // *The International Journal of Press/Politics*. 2021. № 26 (2). P. 313–340. doi 10.1177/1940161220925023

Luo Y. et al. A Meta-Analysis of News Media's Public Agenda-Setting Effects, 1972-2015 / Y. Luo, H. Burley, A. Moe, M. Sui // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2019. № 96(1). P. 150–172. <https://doi.org/10.1177/1077699018804500>

Luo Y., Harrison T. M. How Citizen Journalists Impact the Agendas of Traditional Media and the Government Policymaking Process in China // *Global Media and China*. 2019. № 4(1). P. 72–93. <https://doi.org/10.1177/2059436419835771>

Magin M. et al. Common Core in Danger? Personalized Information and the Fragmentation of the Public Agenda / M. Magin, S. Geiß, B. Stark, P. Jürgens // *The International Journal of Press/Politics*. 2021. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/19401612211026595> (дата обращения: 10.02.2022).

McCombs M., Shaw D. The Agenda-Setting Function of Mass Media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. № 36. P. 178–187.

Mellado C., Lagos C. Professional Roles in News Content: Analyzing Journalistic Performance in the Chilean National Press // *International Journal of Communication*. 2014. № 8. P. 2090–2112.

Morales E. A., Schultz C. J. P., Landreville K. D. The Impact of 280 Characters: An Analysis of Trump's Tweets and Television News Through the Lens of Agenda Building // *Electronic News*. 2021. № 15 (1–2). P. 21–37. doi 10.1177/19312431211028610

Neuman et al. The Dynamics of Public Attention: Agenda-Setting Theory Meets Big Data / W. R. Neuman, L. Guggenheim, S. Jang, S. Y. Bae // *Journal of Communication*. 2014. № 64. P. 193–214.

Rogers E. M., Dearing J. W. Agenda-Setting Research: Where Has It Been, Where Is It Going // *Annals of the International Communication Association*. 1988. № 11. P. 555–594.

Tan Y., Weaver D. H. Agenda-Setting Effects among the Media, the Public, and Congress, 1946–2004 // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2007. № 84(4). P. 729–744.

Vargo C. J., Guo L. Networks, Big Data, and Intermedia Agenda Setting: An Analysis of Traditional, Partisan, and Emerging Online U.S. News. URL: <https://www.researchgate.net/publication/312542478> (дата обращения: 12.02.2022).

Webster J. G. The Marketplace of Attention: How Audiences Take Shape in a Digital Age. Cambridge: MIT Press, 2014. 280 p.

Williams W., Larsen D. C. Agenda-setting in an Off-Election Year // *Journalism and Mass Communication Quarterly*. 1977. № 54. P. 744–749.

References

Vyrovtsseva E. V. Traditsionnye professional'nye tsennosti v novykh mediaformatakh [Traditional professional values in new media formats]. *Chelyabinskiiy gumanitarniy* [The Chelyabinsk Humanitarian Journal], 2020, issue 1(50), pp. 36–42. doi 10.24411/1999-5407-2020-10104 (In Russ.)

Garbuznyak A. Yu. *Interpretatsiya realiy politicheskoy zhizni strany v povestke dnya obshcherossiyskoy pressy: tekhnologicheskie aspekty*. Diss. kand. filol. nauk [Interpretation of the realities of Russian political life on the agenda of the all-Russian press: Technological aspects. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2016. 202 p. (In Russ.)

Dobrosklonskaya T. G. Mediatekst: teoriya i metody izucheniya [Mediatext: Theory and methods of study]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism], 2005, issue 2, pp. 28–34. (In Russ.)

Kaminchenko D. I. Vzaimodeystvie sredstv massovoy informatsii i obshchestva: analiz informatsionnykh povestok dnya [Interaction of mass media and society: Agenda analysis]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaneya* [Issues in Journalism, Education, Linguistics], 2020, issue 39 (4), pp. 533–544. doi 10.18413/2712-7451-2020-39-4-533-544. (In Russ.)

Kaminchenko D. I. Internet-SMI i sotsial'nye media: analiz informatsionnykh povestok dnya [Online media and social networks: Agenda analysis], *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaneya* [Issues in Journalism, Education, Linguistics], 2021, issue 40(4), pp. 417–430. doi 10.52575/2712-7451-2021-40-4-417-430. (In Russ.)

Kolesnikov V. N. Aktual'naya povestka dnya v sovremennoy Rossii: faktory formirovaniya [Topical agenda in public administration of modern Russia: The factors of formation]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting], 2017, issue 9, pp. 8–17. doi 10.22394/1726-1139-2017-9-8-17. (In Russ.)

Proskurnova E. L. *Metody povysheniya populyarnosti novostnogo televeshchaniya v usloviyakh digitalizatsii*. Diss. kand. filol. nauk [Methods to increase the popularity of news TV broadcasting in the context of digitalization]. Moscow, 2020. 263 p. (In Russ.)

- Tolokonnikova A. V., Lukina M. M. Konflikty v informatsionnoy povestke dnya: k voprosu ob ob"ektivnosti (na primere publikatsii rossiiskikh informatsionnykh agentstv 'Interfaks' i TASS) [Conflicts on the news agenda: Towards the issue of impartiality (a case study of publications of Russian news agencies Interfax and TASS)]. *Medial'manakh* [MediaAlmanah], 2021, issue 5(106), pp. 74–85. doi 10.30547/mediaalmanah.5.2021.7485. (In Russ.)
- Frolova T. I. *Gumanitarnaya povestka rossiyskikh SMI. Zhurnalistika, chelovek, obshchestvo* [The Humanitarian Agenda of the Russian Media. Journalism, Man, Society]. Moscow, MediaMir Publ., 2014. 352 p. (In Russ.)
- Shaykhitdinova S. K. *Pole SMI i 'neusvoennoe nasledstvo'* [The Mass Media Field and 'Undigested Legacy']. Kazan, Kazan Federal University Press, 2021, book 2. 234 p. (In Russ.)
- Asp K. The struggle for the agenda: Party agenda, media agenda, and voter agenda in the 1979 Swedish election campaign. *Communication Research*, 1979, issue 10(3), pp. 333–355. (In Eng.)
- Bennett W. L., Iyengar S. A new era of minimal effects? The changing foundations of political communication. *Journal of Communication*, 2008, issue 58, pp. 707–731. (In Eng.)
- Chaffee S. H., Metzger M. J. The end of mass communication? *Mass Communication and Society*, 2001, issue 4, pp. 365–379. (In Eng.)
- Cohen B. C. *Press and Foreign Policy*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1963. 288 p. (In Eng.)
- Conway M., Patterson J. R. Today's top story? An agenda-setting and recall experiment involving television and Internet news. *Southwestern Mass Communication Journal*, 2008, issue 24, pp. 31–48. (In Eng.)
- Dursun-Ozkanca, O. European Union enlargement and British public opinion: The agenda-setting power of the press. *Perspectives on European Politics and Society*, 2011, issue 12, pp. 139–160. (In Eng.)
- Iyengar S. Television news and issue salience: A reexamination of the agenda-setting hypothesis. *American Politics Quarterly*, 1979, issue 7, pp. 395–416. (In Eng.)
- Langer A. I., Gruber J. B. Political agenda setting in the hybrid media system: Why legacy media still matter a great deal. *The International Journal of Press/Politics*, 2021, issue 26(2), pp. 313–340. doi 10.1177/1940161220925023. (In Eng.)
- Luo Y. et al. A meta-analysis of news media's public agenda-setting effects, 1972-2015. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 2019, issue 96(1), pp. 150–172. doi 10.1177/1077699018804500. (In Eng.)
- Luo Y., Harrison T. M. How citizen journalists impact the agendas of traditional media and the government policymaking process in China. *Global Media and China*, 2019, issue 4 (1), pp. 72–93. doi 10.1177/2059436419835771. (In Eng.)
- Magin M., Geiß S., Stark B., Jürgens P. Common core in danger? Personalized information and the fragmentation of the public agenda. *The International Journal of Press/Politics*. 2021. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/194016122111026595> (accessed 10 Feb 2022). (In Eng.)
- McCombs M., Shaw D. The agenda-setting function of mass media. *Public Opinion Quarterly*, 1972, issue 36, pp. 178–187. (In Eng.)
- Mellado C., Lagos C. Professional roles in news content: Analyzing journalistic performance in the Chilean national press. *International Journal of Communication*, 2014, issue 8, pp. 2090–2112. (In Eng.)
- Morales E. A., Schultz C. J. P., Landreville K. D. The impact of 280 characters: An analysis of Trump's tweets and television news through the lens of agenda building. *Electronic News*, 2021, issue 15 (1–2), pp. 21–37. doi 10.1177/19312431211028610. (In Eng.)
- Neuman W. R., Guggenheim L., Jang S., Bae S. Y. The dynamics of public attention: Agenda-setting theory meets Big Data. *Journal of Communication*, 2014, issue 64, pp. 193–214. (In Eng.)
- Rogers E. M., Dearing J. W. Agenda-setting research: Where has it been, where is it going? *Annals of the International Communication Association*, 1988, issue 11, pp. 555–594. (In Eng.)
- Tan Y., Weaver D. H. Agenda-setting effects among the media, the public, and congress, 1946–2004. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 2007, issue 84 (4), pp. 729–744. (In Eng.)
- Vargo C. J., Guo L. Networks, big data, and intermedia agenda setting: An analysis of traditional, partisan, and emerging online U.S. news. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/312542478> (accessed 12 Feb 2022). (In Eng.)
- Webster J. G. *The Marketplace of Attention: How Audiences Take Shape in a Digital Age*. Cambridge, MIT Press, 2014. 280 p. (In Eng.)
- Williams W., Larsen D. C. Agenda-setting in an off-election year. *Journalism and Mass Communication Quarterly*, 1977, issue 54, pp. 744–749. (In Eng.)

Media Agendas Built by Non-Institutional Actors of the Journalistic Field: Specific Features

Olga I. Agnistikova

**Postgraduate Student in the Department of National and Global Media
Kazan (Volga Region) Federal University**

1/37, Professora Nuzhina st., Kazan, 420111, Russian Federation. agniolya570@yandex.ru

SPIN-code: 1678-8247

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6228-2857>

ResearcherID: AHA-9720-2022

Submitted 27 Apr 2022

Revised 22 May 2022

Accepted 06 Jun 2022

For citation

Agnistikova O. I. Osobennosti formirovaniya mediapovestok neinstitutsional'nymi aktorami zhurnalistskogo polya [Media Agendas Built by Non-Institutional Actors of the Journalistic Field: Specific Features]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 3, pp. 136–144. doi 10.17072/2073-6681-2022-3-136-144 (In Russ.)

Abstract. The article examines the problem of agenda building, classic for theory of journalism, which acquires a new dimension in the digital media space. By using journalistic practices, non-institutional actors gain symbolic power in the field of the production of meanings. The author hypothesizes that such actors form their own media agenda, which serves as a counterbalance to the traditional-mainstream agenda, characteristic of the federal Russian TVdiscourse. The paper reveals the features of the thematic level of the agendas through the example of the news-review media format of the YouTube channel ‘varlamov’. The study is based on theoretical approaches that assume a subject-instrumental division of participants acting in the field of journalism, and employs a rational-system classification of subjectivity. In the course of research, the peculiarities of media agendas in terms of the level of their formation, thematic dominants, and the nature of the issues discussed were determined. These include the poly-thematic nature, the emphasis on the national level, the priority of internal issues over external ones, and the predominance of political and social aspects of media reality being presented. Specific topics were found to be emphasized in the analyzed media agendas: human rights and civil protests. The features of rational subjectivity were revealed. Following the interests of the audience manifests itself in the nature of economic and social news, which are related to everyday human needs. The conclusion is made that the media agenda in the cases examined is influenced by the factor of opposition to official discourse and that it is civic-oriented in nature.

Key words: media agenda; agenda; agenda setting; agenda building; journalism; YouTube.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» (ISSN: 2073-6681; eISSN: 2658-6711) зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литератур; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 28.12.2018 – 10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы), 10.01.10 – Журналистика, 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи), 10.02.03 – Славянские языки, 10.02.04 – Германские языки, 10.02.19 – Теория языка, 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика; с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология.

Полнотекстовая версия журнала выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикации в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлекцией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редколлекции даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлекцией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в полемику и переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных. Зам. гл. редактора – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутимова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Варвара Андреевна Бячкова.

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (тел. (342)2396795), ауд. 172 (тел. (342)2396290).

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 14. Выпуск 3 / 2022

Редакторы *Е. И. Герман, О. И. Кирьянова*
Корректор *Е. Г. Иванова*
Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 27.09.2022. Дата выхода в свет 30.09.2022
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 16,97. Тираж 500 экз. Заказ 151

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008

Распространяется бесплатно и по подписке